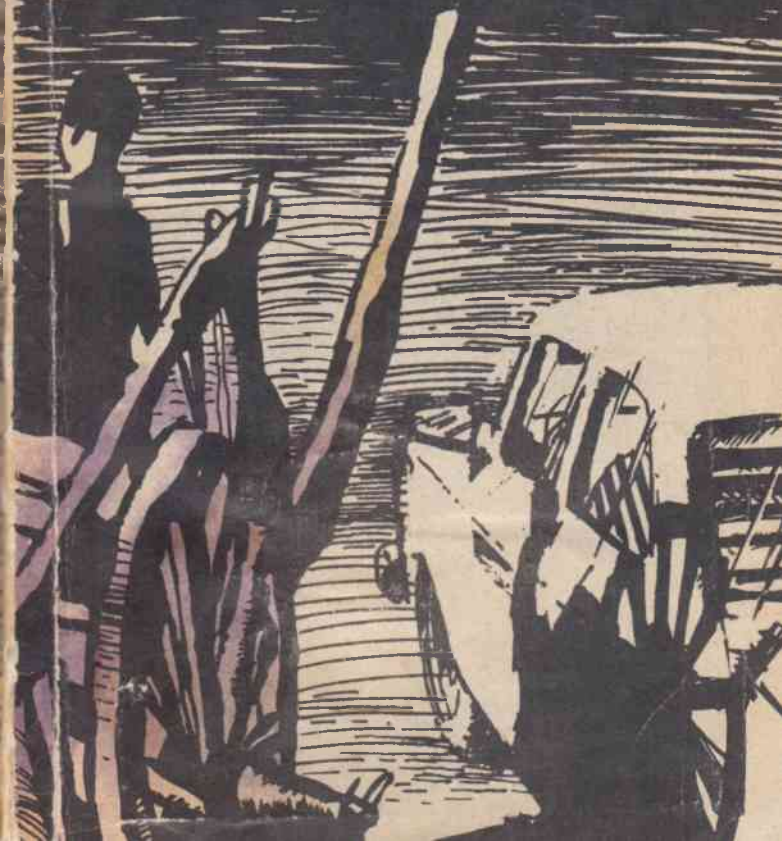

84 (2р = 12р 2).
Б-188

1101355

БАЙЧОРОВ

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

МАГОМЕТ
БАЙЧОРОВ

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

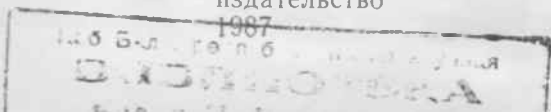
Повести, рассказы

Авторизованный
перевод
с карачаевского
Владимира Дятлова

1-101355

Ставропольское
книжное
издательство

1987

С (карач) 2
ББК 84Р7—4(2Р37)

Б188

Рецензент С. М. Акачиева

Оформление художника В. С. Вережникова

Байчоров М. К.

Б18 Большая Медведица: Повесть. Рассказы. Перевод с карачаевского.— Ставрополь: Кн. изд-во, 1987.—208 с., ил.

М. К. Байчоров — участник Великой Отечественной войны, литератор.

В эту книгу вошли рассказы и повести «Большая Медведица», «Пятно Балтуз». Однако не только хронология событий сближает его произведения. Они родственны по географии действия, по возрасту, по социальному происхождению, по душевному складу главных героинь. Автор умеет, казалось бы, за монотонной обыденностью жизни нащупать острые социальные проблемы.

Б $\frac{4702010200-28}{М159(03)-87}$

Без объявл.

84Р7—4(2Р37)

ПЯТНО БАЛТУЗ

Очень много добра в нашем доме — это мамина гордость и постоянная услада ее души. Когда кто-нибудь из родственниц приезжает к нам, она с излишней строгостью отдает распоряжение дочерям:

— Следите за огнем и чугуном.— И без промедления ведет гостью во внутренние комнаты показывать обновки. Потом, довольные осмотром, возвращаются в зал — кунацкую.

— Большое спасибо ей,— продолжает мама разговор,— вот тот хороший ковер, что ты так хвалила, Абидат отдала за двадцать паутинок.— Сухое, смуглое лицо мамы, кажется, обдувает ветер тревоги, она с половником в руке выбегает на кухню, но сразу же возвращается и продолжает бесконечный разговор о коврах, о платках-паутинках...

Откуда у нас эти мягкие, нежные, как морозные узоры на стеклах оконных в зимнюю стужу, белые, кремовые пуховые платки? Сами их вяжем из чистого козьего пуха — на вязальных машинах. Четыре пары умелых рук — это то, что несет в наш дом ковры и все прочее. Нас у мамы трое. Я — старшая. Окончила десять классов и сижу под кровом моего дома... в ожидании сватов. Но, видно, заросла тропка к порогу моего дома бурьяном.

Отсутствие гонцов от видного жениха в глубине души меня радует: какой девушке надоедает родительский дом? Но, с другой стороны, разве не обидно наблюдать, как петуха-

ми налетают парни и, будто просяные зерна с земли, одну за другой склевывают моих подружек. Из сорока девушек моего возраста здесь теперь осталось всего с десятков невест. Почти всех женихи увозят куда-нибудь далеко, и это неудивительно, очень многие из парней теперь работают зоотехниками, инженерами, служат в армии офицерами. Вот и разлетаются мои подружки в Туву, на Урал, в Заполярье...

Мое сидение в родном доме, конечно, выглядит жалко в сравнении с географией расселения аульских невест. Этому, пожалуй, способствует старинный фамильный позор, темной тучей висящий над нашей трубой. Пятно по наследству лежит и на мне.

У моего прадеда, который жил в начале прошлого века в этом же ауле, было две сестры — Ариуджан и Балтуз. Так вот эта Балтуз, не дождавшись, пока выйдет замуж старшая, сбежала с любимым. Ариуджан потом тоже вышла за хорошего парня, но от этого мне не легче: полторы сотни лет не заслонили проступка ветреной Балтуз. По этой причине мне не полагается ходить по улице с поднятой головой, вот и хожу, только глядя под ноги. Балтуз! Бесстыжая! Куда она спешила? Влюблена, наверное, была... Любовь... Красивое слово. И ныне полно видных парней, но что делать, еще ни один орел не согрел мою душу, залетев в наш дом. Пока только мама — планета моей жизни, планета со своими океанами, солнцем и небом.

В нашем ауле живет родственница по имени Сапият. Она прямой потомок той самой Балтуз, которая в свое время наделала столько шума. У нее на верхней улице дом, крытый

белым шифером, и муж, который, разинув рот, ждет приказаний своей «княгини» и всегда готов выполнить любую ее прихоть. Он такой, что зимой постоянно ходит в обнимку с вилами, да и летом даже на чью-нибудь свадьбу отправляется с тляпкой на плече.

Очень молодо выглядит Сапият, хотя старший сын ее уже работает трактористом. Поставь ее на танцах рядом с молодыми девушками и не отличишь от невест. Ходит легко, будто по воздуху летит. Везде успевает — покупает и продает. Картофель, капуста, шерсть, мохер, золото, отрезы на платья и костюмы — выбор почище, чем в ином магазине.

В одно прекрасное воскресенье ходила я с мамой по базару, и вдруг встречается нам эта самая Сапият. На голове у нее шикарный платок в четыре локтя, сверкающий золотом, весь в больших красных розах, на безымянном пальце массивное кольцо с рубином. Обняла маму, облобызала, а потом и меня. Стою, опустив голову, страшно мне. Кажется, выскочит вот сейчас кто-то из базарной толпы и гаркнет на всю округу о пятне, посаженном Балтуз на нашу фамилию. Стою и молчу, словно у меня полный рот толлокна, краем глаза разглядываю роскошный наряд Сапият, а та вкрадчиво говорит матери:

— Дочь наша Ока, слышала я, что твой брат шофер.

— Какой из моего брата шофер? — удивляется мама. — Кроме керосиновой лампы, ни с какими машинами дела не имел! А что такое?

— Надо пригнать сюда из Марухи «Волгу» ГАЗ-24.

— А что это за «Волга»?

— Азретова.

— Что за Азрет?

— Маленький деверь. Приехал он к нам, подарки привез. Мне вот этот платок и кольцо. Но выпил и сел за руль. Права у него отобрали. Теперь во что бы то ни стало надо пригнать машину сюда, к нам.

— О деверях ты что-то раньше молчала.

— Ой, прекрасные родственники у меня по отцу наших детей. За Кубанью живут, богатые, мощные, мужественные... Азрета нужно срочно женить, купить ему хороший дом. Он такой богач, добро — кишмя кишит...

Мать, раскрыв рот, будто превратилась в камень-памятник над мусульманской могилой. Я снова опускаю голову, но ловлю каждый штрих в их разговоре.

А Сапият тянется к уху мамы, но говорит так, чтобы и я услышала:

— Одних денег имеет сорок тысяч.

— О, небо! — только и смогла выдавить из себя моя мать.

Пока мы приходим в себя от потрясающей новости, Сапият исчезает.

Раньше, когда Сапият надо было зайти к нам, она давала круг через соседний переулок, а теперь эта не в меру деятельная женщина вывалила камни из забора в углу нашего двора и стала ходить в дом прямо по грядкам.

Мы ее и не ждем, а она, как водяная крыса, что водится на мельнице дедушки, проскальзывает через пролом и появляется перед нами из высоких зарослей кукурузы. Улыбается во весь рот, начинает ласкать ме-

ня, хвалит безудержно косы, превозносит цвет лица, даже тапочки вызывают у нее восторг.

В такие минуты я забываю о позоре Балтуз, чувствую себя полноценной личностью и головы не опускаю.

При появлении Сапийт мать начинает бегать по комнате, хватает пуховую подушку в велюровой наволочке, кладет на диван, прикрытый персидским ковром, усаживает гостью, выставляет перед ней все самое сладкое.

Не зная, что делать, я замираю у порога комнаты.

— Кызчык¹...

Это означает, что мне следует немедленно удалиться. И я ухожу в соседнюю комнату, плотно прикрыв дверь, придвигаю поближе к свету вязальную машину и принимаюсь за очередную платок.

У меня в груди не сердце, а ведьма, чувствующая беду. Перехватывает дыхание, хочется закричать от страха, но я молчу, только «Меда» стрекочет, вывязывая пуховый узор.

В это тревожное время как-то забежала к нам невестка наших соседей. Мать схватила стул, споткнувшись на ровном месте, забормотала:

— Проходи, Балдаш, садись.

— Некогда мне сидеть. Я только пришла сказать, что сегодня вечером собираются парни и девушки, может, отпустите свою дочь?

— Отца нет дома,— неуверенно отозвалась мама.— Не знаю, как быть.

— А что может сказать отец?

— Кто его знает.

---

¹ Кызчык — девочка.

Отец мой — Якуб — заведует молочно-товарной фермой, учится заочно в зоотехникуме и дома бывает мало, а соседка между тем напористо убеждает маму:

— Наши предки из вашего очага брали огонь, чтобы приготовить пищу в своей сакле. Считается, когда житель земли становится перед творцом, мёлеки¹ задают ему пятьдесят вопросов о его жизни — и первый, как жил с соседом? Если хорошо — больше вопросов не задают. Разве у нас плохие отношения? Разве вам страшно отпустить свою дочь в наш дом?

Соседка-молодуха исчезла бесшумно, как тень от подсолнуха, растущего под нашим окном.

Девушки аула собрались в кунацкой дома дедушки Имболата. Комната наполнена шуршаньем шелка, высверком бриллиантовых сережек, блеском золотых колец, запахом французских духов. Каждой девушке хочется взглянуть лучше других невест. Да, невест, потому что всем хочется удачно выйти замуж.

Появились парни: Амур, Адлер, Марат, Тимур... Пришли и с верхней улицы, а с ними черненький карлик в годах. Когда увидела его, пол из-под ног поплыл.

Тоненькая Эльвира, сдвинув в одну черную линию брови, заиграла на большом красивом аккордеоне знакомую мелодию горского танца, парни дружно захлопали в ладоши. В круг первым выкатился карлик, потом меня вытолкнули девушки, отдавая мне честь первой танцевать с гостем аула.

---

¹ Мёлек — ангел.

Опомнилась, когда уже вовсю танцевала. В себя привел окрик Адлера:

— Азрет, пляши, это — твоя!

«Я — принадлежность мужчины средних лет? О черный день!» А танец несет нас по кругу.

И снова стою в девичьей шеренге, кажется, даже хлопаю в ладоши в такт музыке. Пламя танца погасло в сердце, мысленно утешаю сама себя: отец жив, мать жива, сестры есть, что еще надо девушке?..

Вдруг заиграли «абезек». В этом танце парень берет девушку под руку и водит ее в такт музыке по кругу.

Карлик уже левую руку приложил к сердцу, правую протянул ко мне и так посмотрел на меня, будто страницу стихов раскрыл.

Молча подала руку, пошла танцевать.

Двигаемся в такт музыке. Вдруг до меня донеслось:

— Люба, я умираю от большой любви к тебе.

...

— Люба, я не доживу до утра!

...

— Может, ты туговата на ухо?

...

— Люблю...

...

Отвечать не полагается. Если я во время танца вымолвлю хоть слово — это станет продолжением висящего на мне пятна Балтуз.

Тянутся и тянутся за нами пары. Наконец Эльвира перестала терзать свой красивый аккордеон. Девушки и парни вернулись на свои места. Только Азрет мелким кедром застыл в

середине круга. После «абезека» гостя неприлично оставлять одного во время следующего танца.

Эльвира заиграла снова, закрутилась я перед Азретом, как факел во тьме. Танец развеял мои муки, ведь душа девушки, как мартовская погода в горах: солнце, снег, туман, ветер, дождь...

Из тайника сердца всплыла давнишняя мечта стать певицей. Я увлекалась школьной самодеятельностью, занимала первые места на смотрах в районе, области и даже крае. И теперь, когда мы с мамой остаемся дома вдвоем, работая на «Мед», я принимаюсь петь потихоньку. Но стоит мне запеть во весь голос, сразу вбегает встревоженная мама:

— Чтоб я подаюния собирала по свету! За-молчи сейчас же, люди услышат.

Постепенно прихожу в себя. Вижу, Азрет маячит передо мной — у него один глаз на Кавказ, другой на Россию — и моргает мне, что означает: он меня очень любит.

Все видят это и, наверное, думают, что я взлетаю на качелях своего счастья. Ни одна из подружек не подходит ко мне, чтобы не мешать моей безмолвной беседе с Азретом. И никого не нашлось, кто бы сказал этому противному карлику:

— Азрет, оставь девчонку в покое...

Мои невеселые думы прервало пение черношеего петуха в соседнем дворе — по этому петушинуму знаку замолкла музыка, утих шум голосов и звонких хлопков в ладоши. Начался традиционный обряд прощания: парень обязан пожать руку девушке. Подал руку и Азрет. Ладонь жесткая, как напильник, а чувство у

меня такое, будто мне за пазуху пробралась медноухая змея, но я опять ни слова не проронила.

Не помню, кто провожал меня, кто что крикнул мне вослед, когда я, оторвавшись от молодежи, перебежала улицу к своему двору. Торопливо открыла калитку и долго стояла среди двора в густой предрассветной темени. Легкий прохладный ветерок летал над пенистыми волнами Подкумка, протекающего рядом с нашим двором. Яркая звезда горела в небе. «Это моя звезда,— думала я,— она принесет мне счастье, исполнит все мои заветные желания».

— Ну чего стоишь?— раздался голос сзади меня.

Вздвогнув от испуга, я не сразу поняла, что это голос мамы. Она поджидала у двери дома.

— Ты разве одна пришла?— любопытствовала мать, но я ей не ответила, юркнула в постель.

В нашем магазине продавали крышки для банок. Эту новость мы услышали поздно, и, когда я, зажав в кулаке два червонца, подбежала к магазину, около него уже выстроилась длинная очередь. От клубники до говядины — все теперь хранится в банках под железными крышечками. В последнее время появились шестиведерные кастрюли и моментально исчезли добротные дубовые бочки из аульских погребов и сараев. В общем, без крышечек теперь не жизнь. Думая об этом, терпеливо жду, пока очередь приведет меня к прилавку. Взяла четыре упаковки и помча-

лзсь домой. Будто на крыльях лечу. Я всегда радуюсь, когда покупаю что-нибудь нужное в отчий дом.

Радость померкла, когда у порога я различила ненавистный голос Сапият.

Плохому человека учит сама жизнь. Если на тебя валится скала, что остается делать? Впервые в жизни я стала подслушивать. Ясно слышится хриплый, простуженный голос Сапият:

— Ока, из земного богатства мы можем достать все, кроме глаз. Калым будет такой, какой твоя душа пожелает. Потребуешь десять тысяч рублей — соберу, положу перед тобой, на уши трехлетнего вола надену большие золотые серьги и пригоню в твой двор...

— Ну, душа моя... — нерешительно бормочет мать.

— Дай аллах, чтобы я увидела Азрета с полным домом детишек! Вы так понравились деверю. Ему по ночам снится ваш двор. Каждое утро он мне рассказывает свои сны...

— Душа моя, — решительнее говорит мама, — «отдай овцу, бери козу, хоть бляение ее выгадаешь», говорят у нас. Если ты приведешь в мой двор вола с золотыми серьгами и положишь на стол десять тысяч, в вашем роду столько родственников, что их всех одарить — полное ущелье добра надо.

— О, душа моя Ока! Ничего от тебя не требуется! Отдай дочь свою хоть голую, мы сами оденем ее в золото.

У меня больше не хватило сил слушать этот разговор. Я промчалась мимо них в другую комнату. Они растерянно замолкли. Потом снова послышался голос мамы:

— Ладно, посмотрим, моя джан.

С притворным огорчением вздохнула Сапият:

— Ах, как много хлопот наделал мне этот парень... Кого бы найти, чтобы поехал в Маруху и пригнал сюда его «Волгу»?

Послышался скрип двери. Я поняла, что сваха уходит и что мать не прочь отделаться от меня. Обида захлестнула сердце.

Проводив Сапият, мать подошла ко мне, ласково тронула за плечо, прошептала:

— Кызчык...

Я на нее не глянула. Между сердцем матери и ребенка всегда есть ровная дорожка, она сразу поняла боль моей души:

— Не будь душой. Не силой же ведут тебя под венец.

— Сапият плохой человек! Не пускай ее в дом!— закричала я сквозь слезы.

— О, я бедная!— всплеснула руками мать.— Закрой рот! Девушку сватает тысяча, а берет только один.

В то, что папа — самый сильный в мире человек, я всегда твердо верила. Когда он косит сено или пропалывает огород, он мне кажется выкованным из крепчайшей багдадской стали. А как он умеет говорить! Настоящий сказитель. Я прочитала много книг и любимых героев вижу в каждом шаге отца.

Иногда думаешь, что черный дождь пройдет над аулом, что горю конца не будет, а заговорит отец — и нет плохих предчувствий, и горе исчезло бесследно.

Отец очень любит свое дело, и когда кто-нибудь заходит к нам в дом, он сразу прини-

мается хвалить своих коров, скотников, доярок... А как он радовался, когда к ферме подвели водопровод и смонтировали машину, убирающую навоз! Когда отец говорит о ферме, он похож на большого ученого, выступающего по телевидению, так и летят слова: белок, жирность, протеины, каротины, витамины...

Мать давно ушла, а я вспоминала об отце. Подумав, что, пока отец жив, никто не посмеет обидеть меня, я окончательно успокоилась и поднялась с дивана.

У нас говорят, что дом родительский — это лицо старшей дочери. Иметь грязное лицо мне совсем не хотелось. Готовясь к первомайскому празднику, мы отремонтировали дом, и теперь мне надо было вымыть полы, стекла в окнах и дверях, постирать портьеры. И я принялась за дело.

Кто-то промелькнул за окном, а кто — не успела разглядеть.

Вошел отец. Большой, стройный.

— Где мать?

А меня снова захлестнула недавняя обида. Стою молча, только слезы из глаз катятся.

Он подошел ко мне, мозолистой ладонью осторожно погладил по голове, тихо спросил:

— Что случилось?

И я, прижавшись головой к его груди, расплакалась. Ни то что слова, звука выдавить не могу. Слышу только, как сердце гулко стучит в отцовской груди.

Стукнула дверь. Наверное, мама вошла. В горле моем что-то прорвалось, и я зарыдала в голос. Хочу остановиться и не могу. Кинулась в спальню. Там, на кровати, снова выплакалась. Слезы принесли облегчение. Повер-

нулась на спину, уставилась в потолок. Ко мне никто не зашел, но я знаю, что делается в соседней комнате.

Отец размяк, увидев мои слезы, а маме только этого и надо. Она хитрая. Ее бабушка из рода Мамаевых была вся выткана из слов. Мама в нее. Все пословицы, созданные за последнюю тысячу лет, расплавлены на огне и ими залит ее мозг. Я будто слышу, как она говорит отцу:

— Если в доме покойник — спешу предать его тело земле. В доме сколько девок — столько покойников. Девушка — фарфор на полке в сакле, упала посуда, тут же разбилась. Если в семье три девушки, пусть порог этого дома даже из червонного золота, обитателям его придется принимать подаяния всего аула...

Теперь она, как с бесконечной магнитофонной пленки, будет лить в душу отца свою сплетенную из поговорок философию.

Обессиленная слезами, я не заметила, как уснула. Разбудил меня голос матери.

— О, мой аллах Апсаты! — прокричала она где-то во дворе.

Вскочила с кровати, пробежала по комнатам. Отца нигде нет. Уехал. Видно, не очень понравились ему бесконечные материнские изречения.

Мама остановилась у гардероба, открыла сияющую лаком дверцу, достала целлофановый мешок, потянула из него отливающую серебром кисею.

— Эти чудесные вещи дочь Джанболата достала. Смотри, какие красивые. А это парча прямо золотом отливает, а вот эти чулки...

Вещи красивые, но мне не нравилось, что ими заслонялась моя беда. Я просто промолчала, не стала перечить маме. Не завтракала еще, со зла может раскричаться.

— Дочь моя, пришло время, когда самим небом девушке суждено покинуть отчий дом, тебя сватают прекрасные люди...

Вот и начала мама свой последний газават со мной. А я — слабенький стебелек, и нет у меня ни сил, ни оружия, и мать это прекрасно понимает.

— Держи себя как и полагается скромной девушке: не улыбайся, не пой, не разговаривай. Большая честь выпала нашей семье. Ты вот моя копия, очень похожей выросла. А знаешь ли, сколько я проплакала перед приходом в дом твоего отца? Столько слез уронила, сколько с неба падает капель дождя, сколько травинок выходит из земли за десять весенних дней. Вот пришла я в его дом, разве мне плохо стало? Живу как: хычины лежат как бревна, сахаром моего дома Кубань можно перепрудить...

Робко пытаюсь возразить:

— Мне еще учиться надо...

— Зачем? — удивляется мама. — Тебя сватает мужчина. Всю жизнь около скота работал, и сейчас явился в наше селение счастья своего искать. «Волгу» имеет. Клянусь, он может поехать и купить себе дворец в самом центре Москвы. У тебя у самой с десяти пальцев сыплется золото, сама целое село можешь прокормить. Разве я тебя не научила рукоделию? Да про таких, как ты, в горах говорят: «Из лыка может кружева плести».

— Хочу голос поставить...

123 5-й этаж 6 ... 17

В. А. Б. О. Р. Е. В. А.

и. е. и. т. е. р. у. с. к. о. й

1 101 355

— Для чего? По телевизору петь без конца? Кто его слушает? Кто смотрит? А если увидят, что люди скажут? Слова о твоей учебе слышать не хочу.

— Я не согласна...

— А кто тебя спрашивает? Стоит мне моргнуть Сапият — и тебя мигом увезут на край света, откуда и дороги домой не найдешь! Ты знаешь, чей сын Азрет? Его отцу бороду брили в семи странах Европы, он, как зверь, бился с Гитлером.

От материнского крика в голове у меня все перепуталось, но я твердо знаю: пока жива, за Азрета не пойду!

Выговорившись, мама убежала на кухню, оттуда потянуло запахом жира. То ли омлет, то ли локумы жарит. Сажу на диване, а сердце словно камень.

Из-за дверного косяка на секунду показалась мать:

— Пойдем.

На кухонном столе в больших пиалах айран и жареные лепешки — локумы. Поели молча.

Первой встала мать:

— Теперь картошку надо дополоть.

Вместе с ней рублю лебеду и очень боюсь, как бы мать опять не заговорила о Сапият и ее хилом родственнике.

За огородом ровно шумит быстрой водой Подкумок, солнце, наливаясь красниной, клонится к закату.

— Кызчык, смотри, это, кажется, плохая букашка?

— Откуда плохим быть в начале мая, — говорю я, подходя к маме.

По зелени картофельного листа неторопливо перебирает ножками ярко-красный с черными пятнышками жучок. Мама, конечно, знает, что это божья коровка. Значит, искала повод для разговора.

— Это букашка для гадания,— сообщаю я.

У нас в горах, если кого-то очень ждут, сажают божью коровку на большой палец, и, когда жучок начинает ползать по пальцу, припевают: «Если приедет, улетай...» Козявка, конечно, улетает, а гадалщица то и дело выглядывает на улицу в ожидании дорогого гостя.

Маме эти сведения ни к чему.

«Повод» сработал, и она спешит этим воспользоваться:

— Азрет сегодня вечером придет в дом бабки Биби. Бери нескольких подруг и иди к ней, я тоже приду, надо же тебе хорошенько разглядеть свою будущую радость.

Пусть мама хорошенько разглядит эту человеческую козявку — Азрета. В моем бедном сердце проклюнулся росток надежды на лучшее будущее.

Сапоят прибегает в наш дом по два, три раза на день и говорит, говорит с мамой.

Я в своих покоях глажу отрезы на костюмы, мужские рубахи, женские платья.

Мое золотое платье мама отнесла за реку, в ателье русского селения. Она сделала так, чтобы не будить у людей зависть, чтобы злые языки не испортили мое счастье. Несмотря на такие предосторожности, все женщины аула знают о предстоящей свадьбе, но молчат.

Мать купила и золотой шарф с длинной бахромой. Шарф в аул попал из Америкы, род-

ственники изменника Ахмата прислали кому-то. И туфли золотые египетские мама вымолила у жены Абука. Денег на эти обновки ушло очень много.

Отец почему-то не стал меня отстаивать, в день, когда решалась моя судьба, он переметнулся в лагерь мамы. А она так решительно действует, так довольна предстоящим браком, что мое несогласие — не больше, чем удар куриного яйца о скалу.

На вечере у Бибы Азрет при всех, взяв в руку хлеб, на котором поклялся, сказал:

— Люба, пока я жив, ты никогда не будешь опускать голову на свое плечо, и, если я не сдержу слово, пусть святость этого хлеба покарает меня, как гром и молния!

Он говорил как мужчина, и я развесила уши. Азрет это почувствовал и залился соловьем:

— Есть у меня мечта, и она обязательно сбудется, мечта посадить тебя на балкон третьего этажа, дать в руки японский веер, кормить только костным мозгом откормленных баранов, умывать молоком черноморской коровы. Такую девушку, как ты, я искал всю жизнь...

Долго он говорил, и я поверила словам человека, который носит на голове хоть и паршивую, но папаху.

С моей задушевной подружкой Джаухарат пришли на базар. На земле, как валки сена, лежат вещи, предназначенные для продажи. Каждый из их владельцев торчит здесь в надежде, что эта перепродажа принесет ему деньги.

Наш дом полон добра, но почти ничто мне

не нравится в нем, а тут вижу: в руках молодой женщины новенькие фирменные джинсы. Она воровато оглядывается по сторонам, часто поправляя выкрашенные в красный цвет волосы, которых едва ли хватило бы на одну хорошую бабушку драку в нашем квартале.

Мы с Джаухарат задышали быстрее, щупая модные штаны. Если бы мне купили такие джинсы, может, я бы с песнями пошла замуж за кого угодно. Но этому не бывать! Маме хочется, чтобы в моем доме было сорок ковров, сто кастрюль, чтобы я лежала на боку и питалась потом со лба солидного мужчины. А если дочка напялит заморские штаны, кто же станет Оке зятем?

Джаухарат словно ножом разрезает толпу, вдруг замирает, увидев симпатичного молодого мужчину, шепчет мне на ухо:

— Интересно, кто он и женат ли?

Что мне до ее любопытства? Подружка даже не представляет, какое испытание меня сейчас ждет. По сценарию, написанному мамой и Сапиейт, ровно в двенадцать я с подружкой должна стоять на автобусной остановке у базарной площади. Стрелка часовая неумолимо приближается к роковой цифре, и надо торопиться.

Ташу Джаухарат за собой. У выхода с рынка продают пирожки. Оглянувшись по сторонам и не увидев знакомых, купили четыре пирожка и съели.

Вот уже несколько дней я почти ничего не ела и нормально не спала. Отведав базарной еды, почувствовала прилив сил, но замечаю, как от волнения потеют ладони и сердце беспокойно ворочается в груди.

Джаухарат ни о чем не подозревает. Смеется, о чем-то говорит, что-то спрашивает. А что я ей отвечу, если не понимаю, о чем она толкует?

Вот стоим мы, две красавицы, на автобусной остановке. Перед нами проносятся такси и другие машины. Незаметно поглядываю на часы, и меня пробирает дрожь. Состояние такое, что и врагу его не пожелаешь.

Вдруг кто-то обвинил мое тело. Краем глаза вижу нос Азрета.

Начинаю кричать, звать на помощь, но сопротивляться и не думаю. У жениха ножки, как курай, шея не толще волоса с конского хвоста. Не хватает у него силы. Пока люди кинулись мне на помощь, Азрет все-таки проволочил меня эти жалкие метры, втолкнул в обшарпанный «Москвич». Из толпы какая-то женщина кричала:

— Притворяется, бесстыжая! По голосу слышу!

Руками выбиваю пыль из заднего сиденья, ору. Новая беда: мотор не заводится. Пришла мысль: «А где же «Волга»? Но тут машина тронулась. Я продолжаю кричать.

Азрет совсем растерялся, прижался к дверце, уговаривает:

— Люба, красавица моя, не надо плакать... А что мне, петь? Конечно, плачу.

Недолго ехали. На улице остался густой шлейф серой пыли. Какие-то люди открыли ворота во двор Сапийт, какие-то женщины вытащили меня из машины и повели в дом. Я упираюсь, но кричать перестала.

На пороге оглянулась, увидела Азрета, бегущего по меже в соседний двор. По обычаю,

он будет сейчас свадебным сыном соседа Сапийт Османа. Там его будут кормить. С ним будут сидеть друзья, станут они песни петь.

А меня ведут дальше, будто через сират кёпюр — мост в загробное царство — прохожу в покои Сапийт. На всех четырех стенах ее кунацкой большие японские ковры, на окнах красивые портьеры и тюль, на полу — горский пестрый войлок. В красном углу кунацкой — маленький матрасик, на нем подушки, набитые весенней шерстью карачаевской овцы — это приготовленное для меня место временного заточения.

Кажется, только сейчас до меня по-настоящему дошло, что происходит. Ручьем покапались слезы, повалившись на подушки, горько заплакала: не пройти мне через перевалы горского адата и никогда не стать мне певицей...

А вокруг меня собрались знакомые женщины и родственницы, наперебой уговаривают, нотации читают. Даже столетняя соседка Пачахан пришла и сказала:

— Зря плачешь. Кто же тебе даст своего хорошего мужа?

Вот тебе на! Да на что он мне нужен, этот хороший чужой муж? У кого я его отнимаю?

Всем хочется, чтобы я успокоилась, понимаю, но отчаянье так велико, что остановить слезы никак не могу. В этот момент со двора до меня донесся голос мамы. Подбежала к окну, подняла край занавески. Во дворе действительно мама. Волосы всклокочены, лицо белое. Что-то говорит, а что — не пойму. Кинулась к дверям, а они на замке. Метнулась к окну. Отец прибежал! На ногах старые тапочки со стоптанными задниками, без пояса, подол ру-

башки треплет ветер, руки торопливо заряжают ружье.

Меня охватил страх. Кого это собрался убить папа? Легкие будто плотной пробкой закупорились: хочу вдохнуть воздуха и ничего не получается. Тут отец бабахнул сразу из двух стволов в небо. Никого не убил! Это меня так обрадовало, что я, наконец, вдохнула полную грудь воздуха.

— Ока, ты не очень-то бесись! — услышался со двора женский голос. — Дочь твоя нашла счастье в доме чистом, как лук-чеснок! Только я знаю, сколько золотников ты вешишь!

Услышав такое, я снова испугалась: что если эта женщина выпалит при народе о нашем фамильном позоре? Ноги у меня подкосились. Кое-как добралась до подушек и затихла там.

Голоса мамы и выстрелов отца со двора больше не слышно, но я представляю, что там происходит. Набился полный двор народа. Люди разбились на два лагеря: одни — за нашу семью, другие — за наших сватов. Одни обвиняют, другие защищаются.

Звонко щелкнул замок в двери — и в комнату вошел милиционер! Этого еще не хватало.

А парень в форме вежливо здоровается со всеми за руку. Слыша его спокойный голос, все утихают, прихожу в себя и я.

Об этом человеке знаю, что он окончил юридический институт в Саратове и, наверное, ко двору там пришелся: три года проработал в этом городе. Взгляд, спокойный, цепкий, пробежал по лицам женщин, на меня уставился. И снова душа ушла в пятки.

А он сел за стол, из кожаной сумки достал бумагу, карандаш.

— Сестра моя, было ли насилие над тобой или ты пришла сюда по своей воле?

Молчу.

Перешагнув порог этого большого дома, я, по обычаю, стала снохой, с меня еще не снят свадебный платок, не завершен обряд. Мне нельзя разговаривать не только с мужчиной, но даже с тенью свекра своего.

Парень знает обычай, но у него работа.

— Не заставляй меня попусту ждать, кызык. У меня много дел. На Римгорке обобрали дом, туда спешу.

— Люба, скажи ему...— загалдели женщины.

— По своей воле,— сказала я и подумала: «Теперь уж ничто не поможет мне. Свою беду самой и расхлебывать».

Милицонер торопливо засунул в свою сумку бумаги, попрощался и направился к двери.

У порога его встретила Сапият и приторно-сладким голосом почти пропела:

— Умар, если у меня есть более любимая фамилия, чем ваша, пусть я останусь совсем без фамилии! Оставайся.

— Некогда мне угощаться, дорогая,— сказал он.

К вечеру в комнату пропустили моего двоюродного брата Исмаила, зоотехника совхоза. Женщины ушли и оставили нас вдвоем.

В этот вечер мои новые родственники первый раз ударили в колокол бесстыдства: прислали нам на ужин калмыцкий чай и магазинную халву, хотя в каждом доме умеют готовить такое, что пальчики оближешь.

Коротка майская ночь, а для нас с Исмаилом тянется словно столетие. Я то дремлю, то сторожу ветер во дворе, иногда пытаюсь мечтать.

Вот пройдет свадьба, куплю хороший парик, прикрою лысину Азрета, напялю дымчатые очки на его невыразительные глазки, одену в фирменные джинсы (первый рост, срок четвертый размер), ручки его прикрою светлыми лайковыми перчатками, усажу за руль сияющей «Волги», и помчимся мы по большому Кавказкому кольцу. Нальчик. Орджоникидзе. Мимо замка царицы Тамары, потом в Сухуми, к морю синему!

Первые лучи солнца заглянули в окно.

Неожиданно двери комнаты широко распахнулись, ворвалась Сапият. Ее крашенные хной волосы выбились из-под платка. Может, она и красавица, но я ее ненавижу. У меня на нее аллергия: услышу ее голос или увижу ее лживое лицо — начинается сильное сердцебиение.

Вот вошла она, а мне показалось — ведьма влетела.

— Сейчас, сейчас... — торопливо забормотала она. — Одну минуточку. Посылаем в ваш дом послов-сватов для мирных переговоров. Женщин собираю, будем готовить угощение, гостей наберется не меньше сотни, вот такие дела, сноха наша, душенька. — И исчезла так же внезапно, как и появилась.

Исмаил умылся и топтался по комнате в поисках полотенца. В это время появилась Сапият, держа перед собой круглый поднос с дымящимся завтраком.

Не успели мы сесть за стол, как с улицы

дoнесли громкие голоса. Я выглянула в окно. Приехали мои двоюродные братья Юсуф и Шамиль.

Сапийат, видно, куда-то отлучилась, и к окну подошла ее соседка Тамара.

— Что угодно дорогим нашим гостям? — учтиво спросила она со двора.

Тамаре обязательно надо было всем нравиться, у нее вот-вот заневестится дочь. Ей уже купили бриллиантовые серьги, об этом знают все семь карачаевских и один абазинский аул, расположенные в ущелье. Ей тоже очень хочется, чтобы ее дочь лежала на боку и всю жизнь кушала вареный курдюк и печеный молодого карачаевского барашка.

Многие матери мечтают о такой жизни для своих дочерей.

— У нас бензин кончился, — кричал в окно Шамиль. — Срочно нужна помощь бога забот — Мадара.

— Сейчас! — донеслось со двора.

Шамиль, очень довольный, вернулся к столу.

— Правильно сделал, — одобрил Юсуф, — нечего нам показывать спектакль китайских теней! — У него, после того как он глотнул из «акбайского родника»¹, слегка развязался язык.

А тут в комнату ввалились четверо парней и три девушки. Принесли с собой гармошку и магнитофон. Все тонкие, как тростинки, все очень молодые и красивые. При их появлении в кунацкой будто посветлело.

Исмаил нажал клавишу магнитофона. Гря-

---

¹ Акбай — водка.

нула музыка: словно железом по железу загрохотали. Шейк ребята танцуют на свой лад: каждый норовит подпрыгнуть повыше. Скачут, как стрекозы, но всем весело.

Со мной никто не говорит, никто не приглашает потанцевать, а мне очень хочется войти в круг, влиться в эту веселую кутерьму.

Прошло три дня после торжества, посвященного мне и моему «картиночке». Меня просто распирает ненависть к Сапият. Молча слежу, как прививается росток моего «счастья» у нового очага.

«Москва не сразу строилась»...— искоркой едва заметной теплится в закоулке моего сознания надежда, этим и живу пока. Сажу в комнате, отведенной мне, пытаюсь о чем-то думать. Слышу, кто-то тихо открыл дверь и будто затаился. Поворачиваю голову: у порога стоит не то горянка, не то цыганка, на голове у нее тонкий азербайджанский платок без кистей, на руках держит завернутого в одеяльце младенца. На лице женщины — усталость, горе и какая-то безысходность. Смотрит на меня в упор, но без злости, а с непонятным для меня укоряющим сочувствием.

— Бедная и несчастная ты,— заговорила она тихо.— Зачем ты пошла к нему в жены, такая молоденькая и красивая? Ведь в жизни с ним у тебя никогда не будет светлых дней, только черная тьма без всяких просветов.

— Кто ты? — спросила я растерянно.— Что тебе от меня надо?

— Я жена Азрета, а это его ребенок. Ему скоро пять лет исполнится, но он не растет не разговаривает, уродцем, наверное, будет.

Вдруг ворвалась Сапнят, стала между нами, закричала:

— Откуда ты взялась? Совести у тебя совсем нет! Бесстыжая! С моим деверем ты таскалась без некаха, а теперь вот обняла своего ублюдка и мешаешь нам создать настоящую семью!

— У меня есть и загс, и неках...

— Дай аллах тебе столько счастья, сколько у тебя некаха и загса! Босячкой ты была, босячкой и осталась! Слышите, люди, у нее есть неках! Слышите! — во весь голос кричала Сапнят.

Этот неожиданный спектакль окончательно убил меня. Не знаю, что делать, что говорить, а Сапнят решительно схватила мою соперницу за руку и силой поволокла из комнаты. Дрожу, как лист под порывами сильнейшего ветра. Ноги отказываются держать мое совершенно ослабевшее тело, только уши еще улавливают громкий разговор Сапнят и той женщины. Скоро к их перебранке присоединяется целый хор голосов, видно, вся улица сбежалась к злосчастному дому, чтобы принять самое активное участие в этом постыдном представлении.

Потом голоса смолкли, ко мне забежала Сапнят, фальшиво заулыбалась:

— Ну ее к черту! Слышать о ней слышала, но никогда не встречала эту ведьму. Азрет ведь очень добрый человек, и ее мать без всякого некаха завела его в свой дом, приворожила к своей дочке. Что только не делали они с ним, но против его мужской чести ничего не могли повернуть, не поддался Азрет на их удочку. Чистый от природы, как горный род-

ник, он не стал пачкаться в этой грязи. Сама видела, что это за страшилище, а ты — красавица, и тебя я никуда не отпущу, мы теперь снохи одной дружной семьи и не будем ссориться из-за какой-то девки! — бодро выкрикнула Сапият и выскочила из комнаты.

Наконец-то я осталась одна. Куда бежать от всего этого? С кем горем поделиться? Голова пухнет от горестных дум. Снова открылась дверь, я испуганно сжалась в ожидании нового удара, но это вошла соседка Халимат. Глянула по сторонам, медленно подошла ко мне:

— Эта женщина была у тебя?

— Была.

— Что ты ей сказала?

— Ничего.

— А она?

— Говорит, что она жена Азрета и ребенок его.

Халимат озабоченно покачала головой:

— Плохо дело. Она была у твоих родителей, все им рассказала. Отец сразу уехал на ферму. Мать было сознание потеряла, а когда в себя пришла, попросила меня сходить сюда, узнать, что с тобой.

— Ничего со мной не сделалось, только обидно очень.

— Конечно, обидно, но ты потерпи. Замуж выйти легко, а шагать по белу свету трудно. Азрет ушел, что ли?

— Решил на работу устраиваться.

— Может, это и хорошо, что его не было. Пойду я, Люба, твоя мать там беспокоится. А ты горю не поддавайся, все перемелется, перетрется и забудется.

Ушла Халимат и сразу появилась Сапият:

— Родителям твоим сый посылаем: сто хычынов, по мешку муки крупчатки, сахара и риса, большие кастрюли меда и топленого масла, несколько подносов домашней халвы. Сейчас придут женщины и будем ставить тесто для хычынов.

Я молча выслушала ее, подождала, пока уйдет эта ненавистная мне женщина, и принялась за уборку комнаты. Пока работала, немного отвлеклась, а села отдыхать — тоска навалилась, хоть волком вой. Подумала, что сейчас самое время сочинить песню-плач о своей неудавшейся жизни.

Бесшумно, словно дикий кот, вошел Азрет. Увидев меня, расплылся в улыбке. На нем уже не свадебный костюм, а сильно поношенный кримпленовый, весь в пятнах машинного масла.

— На работу устроился,— сказал он и добавил: — Трактористом.

Я облегченно вздохнула.

Через десять дней меня, по обычаю, вернули в отчий дом для приема зятя. Как-то полиняли лица отца и матери, словно на годы постарели они за эти дни.

Мать тенью ходит по дому и без конца спрашивает, где ее элениум и валерианка, пьет по очереди то одно, то другое лекарство. Отец совсем замкнулся: не ест, ни с кем не разговаривает, все норовит пораньше на ферму ускользнуть, словно родной дом превратился для него в горячую сковородку. Я понимаю: скоро скот перекочет в урочище Уллу-сырт, на летние пастбища — и у него много забот.

— Ой, я несчастная, ой, я обиженная, ля-

гушки квакают у моего порога! Что делать? Каким голосом выть? В чье гнездо спрятаться в лесу? — Мамин род всегда отличается великим талантом плакальщиц, но тут поняла, что сердце ее по-настоящему растревожено.

Пытаюсь затеять мирный разговор:

— Не мучайся понапрасну, мама. Очень может быть, что новые твои родственники не такие уж плохие люди. Мы с Азретом молоды, проживем как-нибудь, — пыталась приободрить я маму.

— Все это так, — вздохнула мама. — Так уж у нас принято, что когда девушка покидает отчий дом, все добро отдает родственникам мужа, потом вместе с ним едет куда-нибудь на заработки, чаще всего в степные районы чабановать. Там можно заработать. Другие вяжут из шерсти платки, жакеты, шапочки, везут на продажу чуть ли не на край света, откуда возвращаются с дефицитными товарами, продают их, постепенно и выходят в люди. И тебе, дочь моя, не миновать такой судьбы. Но может, и у Азрета есть сбереженное богатство. В наше время оно идет не от дипломов, а от черного труда. Не нужно приветствовать еще не появившуюся в небе новую луну. Надо подождать, посмотреть вокруг как следует...

Справедливые слова говорит мама, а сердце не дает покоя, рвется куда-то.

А тут еще ее слова о дипломах. И мне сразу вспомнилось, как родители несколько раз ездили в Черкесск в надежде достать для меня направление в вуз. Как и на все национальные области страны, нам выделяются разрядки для поступления в высшие учебные заведения. Человек, которому доверили это важное дело,

оставил нас с носом, зато все, даже самые дальние родственники этого деятеля, закончившие школу, учатся в институтах и университетах Прибалтики, Грузии, России, Армении, Средней Азии.

Во дворе жарко горят костры, над которыми висят казаны. Пришли знакомые женщины и родственницы, все они заняты приготовлением угощения для гостей, которые придут к нам вместе с зятем — моим «картиночкой».

Меньшая сестра, выпроводив всех из дома, готовит к пиршеству столы, расставленные в трех комнатах. Хотелось ей сказать, чтобы убрала со столов вазы с цветами — и без них очень тесно от обилия стаканов, тарелок, подносов, но ничего не сказала, ушла молча. Вот когда после ухода гостей на этих столах будет полно объедков, на испятнанных скатертях останутся груды грязной посуды, — тогда и мне найдется дело.

Из прихожей послышался голос мамы:

— В казанах варится мясо на семьдесят пять человек.

— Сколько баранов забили? — спрашивает знакомый женский голос. Это папина старшая сестра пришла из аула Кертме.

— Три добрых барана, — отвечала ей мама.

— Если забили трех хороших баранов, то должно хватить на восемьдесят пять человек, — глубокомысленно изрекла Апалистан. На этом их разговор и закончился.

Пришли гости — это почти все мужчины верхней улицы. Столпились у ворот, ждут приглашения. Хозяев на нашем подворье много — и все выходят зазывать гостей. На улице женщины нашего рода встретили женщин наших

новых родственников — все шло в полном соответствии с обычаем.

В комнаты набились люди. Скрестив руки на груди, стала у окна, с особой остротой чувствуя, насколько я глупа, что растоптала собственную молодость, какая я тут лишняя и никому не нужная.

Виночерпы, плотно уставив подносы чистыми стаканами, ушли выполнять свои обязанности, и результаты их трудов не замедлили проявиться: по комнатам пошел разговор, и оживление это явно нарастало.

На кухне появилась Апалистан и взяла на себя бразды правления. То и дело забегали женщины, спрашивали, что еще нести гостям? Она отдавала распоряжения коротко и ясно: плов, манты, хычины...

Все эти хлопоты меня мало занимали. Очень опасалась за папу: впервые увидит Азрета и как перенесет удар, старательно подготовленный мамой.

Отец у меня очень добрый, работающий и честный. Он всегда готов помочь любому, нуждающемуся в помощи, к его советам прислушиваются люди, но лжи он не терпит и круто расправляется с обманщиками. Он поверил матери, когда та ему говорила, что Азрет здоров, красив и умен. Она добросовестно передавала папе бессовестную ложь Сапият, замороженная несметным богатством жениха.

— Кызчык, ты что это такая печальная? — дошел до моего сознания вопрос тетки Апалистан.

— Не знаю, — коротко и тихо ответила я, совсем не желая посвящать ее в свои горькие раздумья.

— Не нравится мне твое поведение. Прямо душа болит, когда смотрю на твое лицо. А ты не расстраивайся, все трудно привыкают к семейной жизни.

Тетка замолкает, отлично понимая, что любые слова сейчас — только пустое сотрясение воздуха.

Перевалило за полночь. На кухне стали собираться наши пожилые родственники, мужчины и женщины, рассаживались кто где мог, кому не хватило места — стояли, о чем-то переговариваясь.

Я тогда протолкалась в прихожую, схватила за локоть подружку свою, прижалась к ней, словно к последней надежде, а тут как раз вошел Азрет с двумя дружками. На голове белый картуз. В уже знакомом мне костюме прошагал мимо меня. Бойко прошагал! У меня все внутри оборвалось. Вот сейчас начнется! Отец скажет, за кого это я дочь отдал?! Подвыпивший папа и слова не проронил. У него хватило сил не устраивать сцены и не позорить дочь. Только головой покачал, как от зубной боли. Увидев сдержанное спокойствие родителя, и я успокоилась.

Скоро люди начали расходиться с этого странного веселья, на котором не было спето ни одной песни, ни одна нога не шевельнулась в танце. Такого не было никогда в нашем ауле. Все только пили, ели, ели и пили.

Женщины после ужина еще кучковались по углам и по полной программе проходили школу злословия. Это они, современные женщины, придумали и пустили в обиход, как старинный обычай, моду приводить во двор невесты трехгодовалого быка с массивными серьгами из зо-

лота на ушах, если она одарила родственников жениха хорошим берне, не забыв даже тех, чьи кости давно истлели. Такого обычая не было у нашего народа, говорят старики, да кто их теперь слушает. Раньше на голову невесты накидывали один шелковый платок, теперь — семь-десять. И почему бы не придумать еще что-нибудь, если жизнь пошла, как в сказке, когда доярка в совхозе в месяц порой получает до четырехсот рублей, да и перепродажа вязаных изделий — дело беспроектное.

Хотелось долго-долго жаловаться на множество нелепых нынешних обычаев, но боялась — вдруг случится неудача в моей будущей жизни — и земляки станут говорить:

— Аллах ее покарал за язык!

Из дома выходили последние гости, когда со стороны нашего огорода донеслись крики о помощи. Голос звучал словно из-под земли, и все испуганно замерли.

Вопли не замолкали, и люди двинулись на огород. У кого-то нашелся фонарик. Лучик света во тьме придавал всем бодрости и смелости. Скоро толпа сгрудилась вокруг заброшенного колодца, из которого глухо доносилось:

— Погибаю! Душа покидает меня!

Парни притащили веревку, обвязали одного, спустили в колодец, а потом вытащили из ямы нашу соседку с верхней улицы — Джарык. Не поднимаясь на ноги, она закричала:

— Подвяжите мне челюсть! Я уже умерла, потом поздно будет!

А из колодца ее перебил голос парня:

— Бросайте аркан! Есть еще что вытаскивать!

Быстро подняли наверх цебарку, полную

мяса. Это, пожалуй, похуже пятна Балтуз и моего неудачного замужества. Никто вслух никогда не скажет, как женщина стащила на нашем торжестве ведро мяса, но книга жизни между своих страниц теперь долго будет хранить тавро для клеймения потомков этой семьи.

Вернулись домой, но ничья голова из нашей семьи не коснулась подушки в эту ночь. Убирали в комнатах, приводили в порядок столы. Сколько осталось еды! Сколько добра пришлось выбросить! Глядя на все это, мама опять расстроилась. Оказывается, у нее есть и еще причина для расстройства:

— Зять принес триста рублей денег и все! Больше ни одной копейки от новых родственников и их друзей! А мы им все отдали! — Мама горестно покачала головой и надолго замолкла, потом снова подошла ко мне: — Сапийт сказала, что корову с телком приведет из своего стада.

Воспоминание об обещанной корове сгоняет тучи с лица мамы. И она продолжает:

— Корову ту продадим и купим одной из твоих сестер серьги с бриллиантами. Добавим немножко денег и купим.

Приняв такое решение, мама окончательно успокаивается, а мое сердце щемит и щемит.

Перед гостьей в изящных тарелках сервиза «Мадонна» разложены редиска, зеленый лук, сливочное масло, сметана, айран. Сапийт, кажется, наелась.

— Люба, милая, не стой, у меня столько дел, больше, чем волос на моей голове, — почти простонала она.

— Кызчык, иди одевайся,— приказала и мама.

Наряды, которые мне справили родственники мужа, должны остаться в отчем доме. Взамен их мама у соседки перекупила скромный, но модный английский костюм, единственным украшением на нем была черная ласточка на оранжевом фоне. Изящный силуэт ласточки на груди только подчеркивал строгость костюма. Он мне нравился — и я кружилась перед большим зеркалом шифоньера.

И вот иду, сжимая ручки тяжелой корзины потной ладонью, с левой стороны Сапият, как уставлено обычаем. Кажется, весь мир смотрит на меня, а в голове роятся новые страхи.

Пришли на проклятое подворье, к которому не лежит души. Убежать можно только обратно в дом отца. Но если прибегу туда, то принесу с собой горе для близких мне людей. И я еще не поняла, что за человек Азрет: слабосильный дурачок или только прикидывается им?

Задумавшись, я не сразу расслышала слова Сапият:

— Сноха, джан ты моя! Теперь уже нельзя казаться овечкой и ждать, когда тебе принесут кушать. Идем на кухню. Ты пригостишь ужин, а у меня и без того хлопот полный рот. Волка ноги кормят — вот и приходится бегать как заведенной.

Мы с Азретом не были в Доме счастья, не надел он на мой палец обручального кольца, нет у нас официального документа, что мы муж и жена. Сапият сходила в село Двуречье, привела оттуда белого, как лунь, старика, он нам сделал неках — свадебный обряд, после

которого я обязана выполнять все прихоти мужа, даже если он доброго слова не стоит.

Сейчас Сапият — как волчица, в собственный овраг которой забежала другая, и она готова разодрать в клочья непрошеную гостью. Но я — крепкий орешек, меня ей не так просто перетереть зубами.

Поздно вечером все обитатели собрались в доме, не было только Азрета. Сапият подоила корову, посылая на ее голову самые страшные проклятья за то, что она не хотела стоять спокойно.

Когда помыли посуду, сноха сказала:

— Люба, надо приниматься за дело. Твоя золотая мать сделала из тебя женщину, у которой со всех десяти пальцев сыплется золото, и если мы будем сидеть — это позор на весь аул.

Дни, похожие друг на друга, как красные петухи, тянутся один за другим. С того дня, как я была у родителей, прошло три недели. Сапият почти не была дома. Уходит ни свет ни заря и возвращается вместе со звездами.

На машинке «Меда» навязала множество платков-паутинок. Маленьким паучком плету узоры и не знаю, мои это платки или товар для Сапият. Мне не полагалось собственного мнения. Ведь мы с Азретом питались от очага старшего деверя, попросту говоря, сидели у него на шее, и права у нас соответственные.

Поедом ест тоска. Выпросила у Сапият разрешение побывать несколько дней дома. Мама судорожно кинулась ко мне, обняла и горько заплакала. Я испугалась, не случилось ли что-нибудь дома за это время, не сидит ли черная ворона у трубы нашего дома.

— Где отец? — в тревоге спросила я.

— В горах, со скотом своим, — с трудом ответила мама.

— А сестренки?

— С ними ничего не случилось, только тебя я сгубила, доченька. — И снова заплакала в голос. Я знаю, что, поплакав, она успокоится. Усадила ее на диван, присела рядом.

Но вот гнев, долго копившийся в ее душе, выплеснулся:

— Куриное яйцо, а не голова у меня: поверила в ее подлый обман, Как она после такой лжи подносит ложку ко рту?

— Что случилось, мамочка? Ты что-нибудь слышала о нас?

— Помнишь, как Сапийт встретила с нами на базаре и сказала, что кольцо и чудесный платок привез Азрет, что в Зеленчукском районе у него «Волга», хвалила его, как ханского сына в старину? Ничего у него нет, он, как пес, кормится по дворам у своей родни.

— Ты не бери во внимание все, что болтают люди на улице. Азрет сказал, что у него деньги есть, кажется, и машина имеется. — Я бессовестно врала, чтобы успокоить маму, но она слишком много уже знала о моем муже.

— Из Даусуза приезжала дочь нашей Хабий к Шамилю, она и рассказала о нем. Этот подлый человек имеет жену, ребенка и вдобавок — пьяница. Я не могу передать всю горечь ее рассказа.

— Что же нам теперь делать? — в полной растерянности спросила я.

— Вот сейчас пойдем к ней и выведем ее на чистую воду.

— Не знаю, как быть... — пробормотала я.

— Пошли, пошли! — мать решительно поднялась с дивана.

Сапият выскочила нам навстречу с дежурной улыбочкой, обняла маму, повела в дом.

— Черви не завелись у тебя во рту от той брехни, что ты мне наговорила? — отстраняясь от ее ласк, решительно спросила мама.

— Ока, душа моя! Ты добрый человек, ты слушала мою болтовню и отвечала одним словом «ладно». Это воодушевляло на новую ложь, что была во мне.

— О, я несчастная, — бессильно пробормотала мать и зажала рот руками.

А Сапият напористо продолжала:

— Несчастливая ты или счастливая, но в жизни ты совершенно не разбираешься. Ничего у Азрета нет, только он сам. Чем он хорош? Только тем, что будет выполнять все прихоти твоей дочери. Ты хорошо знаешь, что все деньги теперь в руках женщин.

— Какая я несчастная... Горе мое неутешно... — тихо говорила мама.

— Никакая ты не несчастная! У тебя полный порядок. У дочери живой мужчина. Со временем займет свой дом, детей. Пусть Люба берется за вязанье. Клянусь жизнью, через два года они встанут на ноги.

«И как только у нее язык поворачивается?» — неприязненно гляжу я на Сапият, а она разливается соловьем:

— Ты что же, хотела, чтобы я ходила по аулам и рассказывала всем, каков мой деверь? Ни один человек не отдал бы ему свою дочь. Я делала так, как заведено, говорила, как говорят обычно свахи: отдай дочь хоть голую, мы оденем ее в золото, а жених наш — царь

над царями, красавец, умница, работает инженером — если он шофер, зоотехником — если скотник, директором — если он завхоз! Я ничем не нарушила адата, аллах свидетель!

— Что теперь делать? — спрашивает мама, беззащитная, как овечка, мягкая, как вата.

— Как что? Пусть создают семью. Пусть живут отдельно от тебя и от меня.

— А где?

— В ауле больше сотни пустых домов. Все построили хоромы, а во дворах пустуют времянки, как дворцы...

Никогда не была здесь. Двор стоит на самом краю аула. У хозяев двухэтажный дом, крытый белой жестью, а во дворе остался стоять турлучный домик, когда-то привезенный из станицы и поставленный как свадебный подарок молодым, в год их женитьбы. Он крыт черепицей, двери двух комнат выходят в сени, пристроен и деревянный коридор, но помещение ветхое. Хозяева хотят продать это строение с пятью сотками земли впридачу. Уже приезжали из аула Архыз покупатели, но не сошлись в цене, и вот мы теперь в этом жилище — квартиранты.

Очередной день начался рано. Начистила и нажарила картошки, заварила свежий чай. Для обеда в поле нарезала Азрету почти буханку хлеба. Ломтики намазала свежим сливочным маслом, наполнила пол-литровую банку алычовым вареньем — сунула все в черную кирзовую сумку.

Горой выложила еду на кухонный стол. Он долго, громко чавкая, набивал желудок. Чтобы не видеть его, не слышать, ухожу в

спальню, убираю кровати. Он и не догадывается, почему я ухожу. Ему все равно, что я делаю, молчу или пою...

Закончив уборку, вышла в сени. Кирзовой сумки нет, значит, Азрет уже ушел на работу. Наскоро перекусила, заперла дверь и весело зашагала в родительский дом.

Темные глаза мамы осветились радостью.

— Где работает Азрет?

— Все на том же тракторе.

— Что делать, творец наделил его таким счастьем. Работа все же мужская. Вчера в магазине встретила сына Шапия — Адлера. Хвалил он Азрета. Они вместе работают. И знаешь, что мне пришло в голову? Если у человека большой талант к какому-нибудь ремеслу, в жизни этот человек всегда выглядит странным, чудаковатым. Нас в школе учил очень хороший человек — Борис Казбекович. На уроки математики в нашу аульскую школу приезжали учителя со всей области. В одном ленинградском институте во время экзамена по математике задачу решили двести пятьдесят шесть человек, а когда председатель комиссии предложил эту же задачу решить по-другому, никто не смог это сделать, кроме двух наших парней. Тогда пришла в район бумага из Москвы с запросом: кто учил этих ребят математике? А Борис Казбекович и вправду чудаковатый был.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату лаской проскользнула Сапият:

— Как ваши дела?

— Присаживайся, — предложила мать. —

Или лучше во внутренние комнаты пойдём.

— Нет, здесь сяду. — Она опустилась на

стул, спрятав под него ноги, обутые в модные босоножки, огляделась.

— Люба, из той пряжи, что ты пряла, я связала еще много паутинок. Если твоя мама согласна, давай поедem куда-нибудь?

— Куда? — спросила мама.

— Да разве ехать некуда? Вы что, не слышали о том, как Суратхан съездила в Биробиджан и привезла полный мешок денег? Можно в Нарьян-Мар, на остров Вайгач, в Анадырь...

— Вроде бы дело предлагаешь, — в раздумье сказала мама. — Если Азрет не работает, плохо будет. У них ни копейки нет. Я ничего для них не жалею, отдаю все из дома, но бесконечно это продолжаться не может.

— Давай, Ока, так решим: пока поедем по аулам, на свои вещи выменяем шерстяные изделия домашнего производства. Это выгоднее, чем сидеть дома и самим вязать. В аулах вяжут много, а сбыта у них нет. Наберем шапочек, платков, жакетов, а потом сядем на самолет и полетим куда глаза глядят. Из Минеральных Вод миллион самолетов вылетает. Вот такое я вам предлагаю дело и ухажу.

Сапият подхватилаcь со стула и пошла к двери. Красива она. Кажется, у Мериме я читала, что черты лица женщины должны отвечать трем прилагательным: тонкие — пальцы, губы, брови, красные — губы, ланиты, черные — волосы, глаза, брови. У Сапият все так и есть, но она змея и нравиться мне никогда не будет.

Проводив гостью, вернулась мама. Как и следовало ожидать, она уже зажглась планами этой красивой ведьмы:

— Что ж, кызчык, будем готовить тебя в путь-дорожку. В наши дни весь свет ездит. Будем и мы делать, что делает весь наш аул. Давай заглянем в сундуки, посмотрим, что можно обменять на шапочки и всякое другое.

Молча пошла за мамой. Она отложила сияющий красками индийский ковер, два одеяла «лебедь». В наших местах в качестве приданого невесты ценятся эти одеяла. В магазинах их не найдешь, а спекулянты по двести рублей за штуку дерут.

— Это хорошие вещи,— говорит мама.— У кого взрослая дочь в доме — с руками оторвут.

— Делай, как тебе удобно, я ничего не знаю,— бормочу я.

— Оставь ты свое «не знаю»! Сапоят больше двадцати лет имеет дело с вещами для продажи. Как сняли с нее свадебный платок, так и принялась за это. Съезди и ты разок. Не понравится, бросишь это занятие.

— Папе бы надо сказать!

— Он никогда не согласится на это. Что я, не знаю его характера? Вот если бы ты дояркой к нему на ферму пошла, тут он с радостью тебя бы принял.

Как-то утром мама села в маршрутный автобус до станции Преградной, взяв с собой ковер и «лебедь». Поехала в торговую экспедицию, надавав и мне массу поручений, а впридачу к ним одно одеяло и еще кое-что для меновой торговли.

Приехала в Терезе, к нашей родственнице Марзи. Наши дедушки — родные братья. Встречаемся всегда как близкие люди, свято сохраняя родство уже в третьем поколении.

Марзи присела рядом:

— Слушаю тебя внимательно.

— Привезла одеяло «лебедь» и золотой перстень, их надо обменять на шерстяные вещи домашней вязки.

Впервые для меня и только ради меня накрыт стол. Для меня хозяйка наливает свежесваренный янтарный чай в красивые чашки, пододвигает ко мне хлеб, варенье, сыр, халву...

Когда напились чаю, Марзи сказала:

— Ну, Люба, показывай, что привезла.

Я достала из сумки массивный перстень с таджикским камнем.

— Ой, чудо какое! — восхищенно воскликнула Марзи. — Замечательное творение большого мастера. Это же целое богатство.

Услышав восторженные возгласы матери, из соседней комнаты вышла дочь хозяйки, долго разглядывала кольцо. Потом развернула одеяло. Приподняв за углы, держим его с Марзи на весу.

Ни звука. Марзи наконец обрела способность говорить:

— Самая дорогая вещь, какая может водиться у людей. Это быстро заберут на приданое дочери. Женихи теперь на вес золота. А девушка без приданого — не невеста. Ты чайку еще попей, а я схожу к соседям.

Но вот хозяйка вернулась. Сердце мое переполнилось благодарностью к Марзи.

— Ты расторгиваться не спеши. Надо присмотреться, что давать будут. Мои шапочки и паутинки возьмешь по здешней цене, поедешь продашь — тогда деньги мне вернешь.

Вскоре в доме собрались женщины со всей округи.

— Люба, можешь не беспокоиться, твой товар мы обменяем на отличные изделия,— по очереди успокаивают они меня.

— Вот этот перстень жена Даулета никому не отдаст, а шапки у нее как с машины, шерсть она красит молотым кофе и цвет получается замечательный, а паутинки ее такие белые, что солнце в них переливается,— говорит другая наша родственница Написат.

Потом она еще раз перебрала мои вещи, задумчиво проговорила:

— Может, я сама все это возьму. У меня много готового товара и очень хорошего, в обиде не будешь...

Женщины стали расходиться по домам. Марзи довела меня до остановки, усадила в автобус, пообещав на прощанье, что сама привезет все выменянное к маме.

А дома уже весь диван завален шерстяными вещами разных расцветок.

— Ой, дочка, набрала всего, чего душе угодно. Видишь, какое богатство? Пока ни с кем еще не рассчиталась. Пару слов сказала Дауте и весь аул притащил свое добро в наш дом.

Я тоже обрадовалась. Закончатся мои ежедневные поборы из отчего дома.

Через несколько дней увязали мы с Сапият свои товары в плотные тюки, приготовились в дальний путь. Взяла в сельсовете справку, что имею в своем хозяйстве овец, не забыла паспорт. Впереди только одна трудность: по пути из нашего аула к железной дороге есть несколько постов ГАИ, их почему-то и боятся спекулянты. Умница Сапият — и тут нашла выход. Она предложила ехать через перевал

Гум-баша, где никаких постов нет — и таким путем добраться до Черкесска к нашим родственникам.

А там Сапият нашла какого-то шофера из автобазы «Турист». Он возит людей в Анапу и за хорошую плату пообещал довезти нас до Краснодара. Там большой аэропорт, оттуда можно вылететь в любой город.

На третий день мы обе, наряженные как туристки — в пестрых сарафанах, в шляпах из капрона и вьетнамских сандалиях, сели в автобус и поехали с полным комфортом.

Сапият сразу стала вроде родной сестрой шофера, то и дело подбегает к нему, что-то шепчет, улыбается. Туристам все равно, а я-то вижу, как это некрасиво. Но у Сапият свои думы, ей этот молодой, красивый парень все адаты заслонил широкой спиной.

Ехали всю ночь. На рассвете автобус доставил нас в Краснодар.

На автовокзале довольно прохладно и так много людей, автобусов, что у меня голова закружилась.

Сели в другой автобус, который шел в аэропорт. Приехали. Сноха наша впереди идет, от тяжести своей ноши спотыкается, следом за нею спотыкаюсь и я. Шерсть только кажется легкой, а на самом деле тяжелая.

Людей здесь еще больше, чем на автовокзале, мельтешат, словно мухи во дворе нашего соседа Махмута. Нашли свободное место на краю скамейки около буфета.

— Ты посторожи вещи, а я пойду к кассам за билетами, — сказала Сапият и ушла, на ходу поправляя поля своей модной шляпы. Мимо идут и идут люди.

Вдруг мне захотелось вырваться из этого людского водоворота, вернуться к маме: показалось мне, что нет для меня сейчас большего счастья, чем увидеть отчий дом, родной аул. Потом вспомнился Азрет. Много дней не надо будет готовить ему обеды, стоять в ожидании распоряжений своего законного супруга. Ради этого я готова пешком уйти на край света.

Из бесконечного потока желающих попасть в объятия Аэрофлота неожиданно вынырнула Сапият.

— Билеты нашла на Салехард, — сказала она по-русски с заметным акцентом. Научилась говорить, чтобы легче было мотаться по всей стране, а вот от акцента избавиться не может. Да пусть говорит, как умеет, мне что за дело? Я не только по-русски, но и по-немецки могу говорить без акцента, не зря была победительницей на районной олимпиаде.

Стали готовиться к дальнему перелету. Попили воды, купили конфет и пирожков с рисом. С нетерпением ждем, когда диктор объявит о начале посадки на наш рейс. Вот, наконец, объявила, только не о посадке, а о регистрации. Сдали сумки, пошли в толпе пассажиров нашего самолета на посадочную площадку. Боже мой, сколько самолетов! Будет о чем рассказать моим внукам! И что удивительно: никакого волнения не чувствую.

Впервые в жизни села в самолет и теперь уже с тревогой жду, когда он оторвется от земли и полетит в неведомый для меня Салехард.

Земля за круглым окошком вдруг побежала, провалилась, сердце подкатилось к горлу, мешая дышать, но в окошко смотрю — любопытство сильнее страха. Дома стали малень-

кими, спичечными коробочками поползли по дорогам автомобиля. Широкой, блестящей на солнце лентой течет наша Кубань. Душа моя ушла из горла, стало легче дышать, пот, было выступивший на лбу, высох. Глянула на Сапийт: тоже сидит бледная, что-то шепчет.

— Ты что говоришь? — спрашиваю.

— Молитвы читаю.

Надо же! Вот никогда не думала, что эта ведьма — верующая.

Подошла бортпроводница, с улыбкой поздоровалась с Сапийт, сноха наша тоже улыбается ей в ответ. По всему видно, что они давние знакомые и у них есть о чем поговорить накоротке.

Сапийт заядлая спекулянтка, везде ездит. По нашему аулу ходят слухи, что кое-кто из наших со своими товарами из шерсти бывал там, где местные жители только на собаках ездят. Да что там шерсть! Знакомые в прошлом году чеснок возили в Магадан и продали его по пятнадцать рублей за килограмм. Теперь я верю, что «дыма без огня не бывает». Вот несет же нас, двух женщин из горского аула, самолет в город с таинственным названием Салехард.

Для меня уже не страшна даль этой дороги, а у Сапийт и вовсе будто крылья выросли, болтает с соседями. Есть у нее талант заводить знакомства, к любому самому трудному характеру подберет ключ. Только я, как выброшенный речной волной голыш, молчу и гляжу в окошко, за круглым стеклом которого ничего, кроме синего неба, не видно.

Часа через два после вылета из Краснодара бортпроводница накормила всех пасса-

жиров вареной курицей с гарниром из риса, дала по стаканчику минеральной воды с запахом болота.

Только съев этот обед, я поняла, как была голодна, захотелось поест еще, но в это время на табло снова загорелись буквы, приглашая пассажиров пристегнуться к креслам.

Пермь. Выходит, от Кавказа до Урала я уже пронеслась стрелой. Говорят, большой этот город, но ничего разглядеть не успела, снова нас усадили в самолет, и он поднялся в воздух. Душа к горлу уже не подступала, видно, привыкаю к жизни над землей.

Сапийт куда-то ушла, а я незаметно уснула. Пришла в себя от бесцеремонного толчка, и первое, что бросилось в глаза: задний карман с красной этикеткой на бежевых вельветовых брюках. Подняла взгляд выше, увидела узкую спину, обтянутую мохеровой кофтой цвета какао с молоком. Обладательница кофты обернулась ко мне, и я узнала Сапийт. Каких только нарядов не показывала мне потом эта ведьма в человеческой шкуре!

— Иди в туалет, сними свои черноморские наряды, оденься потеплее,— впервые за время пути распорядилась она на родном языке.

Не стала выпускать и капли пара из своего рта против ее воли. Встала и пошла, глядя в пол, застеленный яркой ковровой дорожкой.

На мне сарафан, густо разрисованный стручками фасоли, кукурузными початками, шляпками подсолнухов и еще какими-то неизвестными для меня овощами, не сарафан, а красочная реклама овощного магазина.

Выйдя из салона, оказалась в темном помещении, где за занавесками лежали груды че-

моданов и других вещей. Здесь я быстренько сдернула с себя курортный наряд, одела джинсовую юбку и кофту.

Возвратилась на место. Сапият молчит, и я молчу. Наверное, ей не интересно со мной разговаривать, а я уже настолько привыкла молчать, что это стало для меня естественным состоянием.

Снова засветилось мягким светом табло, приглашая пристегнуться, и я поняла: путешествие близится к концу.

Не знаю, читает ли про себя молитвы Сапият или ей уже наплевать на все, поскольку Кавказ со своими обычаями остался невообразимо далеко. А я стала, как привороженная баба — для меня, кажется, все нипочем. Ничего не боюсь и ничего не хочу.

Самолет с ревом касается земли, долго катится, потом замирает и наступает тишина да такая, будто оглохла я навсегда. Но зашевелились, заговорили люди, потянулись к выходу. Вот мы и на земле.

Как на вершину Эльбруса садятся иногда тучи, так и мою голову заволокли тревожные думы: куда теперь идти, где будем жить, с кем меня здесь сведет беспокойная судьба?..

У Сапият от радости соломинка под ногами не обломится. Заговаривает со всеми подряд.

Долго ждали свои вещи, наконец, получили и вышли на площадь перед аэропортом, стали в хвост длинной очереди на такси. Весь жир моего сердца поедает сноха — лезет со своими разговорами буквально ко всем мужчинам и женщинам. Многие бесцеремонно обрывают ее, но и это не заставляет ее остепе-

ниться. Моя ненависть к ней доходит до кипения.

Подошла наша очередь. Сапият назвала водителю адрес, и машина рванулась вперед. Выходит, Сапият и в этих краях уже побывала, и здесь у нее есть знакомые, к которым мы сейчас едем.

Сапият с водителем болтает, как со старым знакомым, а мне ничего не остается, как вспомнить старинную нартскую поговорку: «На чью арбу сел, того и песни пой».

Такси остановилось у большого дома. Расплатились, выгрузили вещи. На прощанье шофер сладко-сладко улыбнулся Сапият и укатил.

Стоим вдвоем, глазеем по сторонам.

— Ты побудь здесь с вещами, а я пойду посмотрю, что тут в одной квартире делается,— сказала Сапият и ушла.

Жду.

Подбежала сноха, дернула меня за руку:

— Пошли!

Загрузились своим багажом, потянулись на пятый этаж, вошли в прихожую просторной городской квартиры. Сноха заметалась то в туалет, то на кухню, а я стою столбом у порога.

— Так обрадовалась Фарида, услышав мой голос по телефону,— затарахтела Сапият.— Сказала, ключ в девятой квартире, возьми там у бабушки. Дай бог ей здоровья, а то пришлось бы нам до полуночи ждать ее возвращения.

Наконец сноха сообразила, что я тоже из земных существ.

— Сними туфли, возьми вон там тапоч-

ки,— ткнула она пальцем в полированный ящик под большой красивой вешалкой.

Нашла я там джинсовые тапочки, переобулась. Сапият повела меня по комнатам богатой квартиры, а потом уцепилась за телефонную трубку, набрала номер, заговорила с кем-то как родная. Как я потом узнала, хозяйка квартиры — незамужняя татарка, приехала на север из Средней Азии. Работает в ресторане, поэтому и возвращается домой каждый день поздно.

В квартире много красивых цветов. Особенно хороши красные и розовые герани. Они напомнили мне летнее урочище Биче-сын.

Сапият снова переделалась, открывает ящики столов, шкафов, все внимательно рассматривает. Удовлетворив свое любопытство, она вскипятила на газовой плитке чай, накрыла на стол, устала его вареньем, сахаром, медом, маслом, сыром... Теперь я уже не сомневалась, что хозяйка этой квартиры и наша сноха — в самом деле подружки.

Навела порядок на кухне, села отдыхать, и тут появилась Сапият из ванны, распаренная, красная, как вареная свекла.

— Родненькая, поставь еще чай, умираю, пить хочу,— сказала Сапият и принялась мучить зеркало в прихожей.

Я поставила чайник, а сноха тем временем вновь преобразилась: джинсы и кофта блестят, как небо в горах, волосы накручены на бигуди.

Раздался звонок. Сапият, заржав как лошадь, кинулась к дверям, открыла, послышались звуки поцелуев, заговорили по-казахски, потом Сапият привела ко мне Фариду. Та об-

няла меня, оглядела с ног до головы, сказала «матур»¹ и удалилась в комнату.

Пока я размышляла, что означает «матур», хозяйка вернулась в роскошном халате из голубого панбархата с большими красными розами. У Фариды хорошая фигура, густые волосы, приятный грудной голос и полный рот золотых зубов.

Они с Сапийат затевают разговор, и им явно не до меня. С кем-то говорят по телефону, Фарида посылает приветы от Сапийат каким-то Ренату, Фариду, Рустему...

Закончив телефонные разговоры, торопливо переодеваются, красятся. Торопятся не зря: скоро пришли двое мужчин средних лет, о таких в нашем ауле женщины говорят «спелые мужчины».

Лица новых гостей сияют улыбками, в зрачках их глаз будто ртуть переливается.

А я сижу, боясь пошевелиться, улыбнуться — опасаясь, что начнут эти чьи-нибудь отцы приставать ко мне. Впрочем, пусть попробуют, я им такую драму сотворю — не обрадуются.

К счастью, все обошлось. Вся компания собралась уходить.

— Мы идем в ресторан, — сказала мне Сапийат на родном языке. — Так нужно для дела. Это очень влиятельные здесь люди.

Подошла Фарида, взяла меня за руку, провела в маленькую комнату, где стоял диван, и сказала:

— Будешь жить в этой комнате.

Все четверо ушли, веселые и голосистые...

---

¹ Матур — красавица.

Проснулась рано. Тишина вокруг. В большой квартире, кроме меня, никого. Сажу, как кошка, покинутая хозяевами в чужом ауле.

Страх гложет сердце. Неизвестность всегда меня пугает больше, чем реальная опасность. Чтобы как-то себя занять, поставила на кухне чайник, умылась, причесалась.

В коридоре слышался шум. Открыла дверь. Вошла Фарида, за нею наша сноха. У обеих вид помятый, видно, пили всю ночь, не до сна было.

— Как ты тут? — бесцветным голосом осведомилась Сапият. — Вышли из ресторана поздно, транспорт уже не работает, заночевали у двоюродной сестры Фариды.

Обнаружив в чайнике кипяток, подружки оживились, принялись пить заварку без сахара.

Слегка придя в себя, Сапият заговорила о деле:

— Недалеко отсюда есть еще другие города. Там очень хорошо пойдут вещи, только добираться туда надо на оленях. Что будем делать?

— Делай, как считаешь нужным, — отозвалась я, чувствуя, что у нее одно на уме, а совсем другое на языке. Но об этом чувстве по-малкиваю, прикидываюсь набитой душой.

— Ты останешься здесь, а Соня пусть по своим делам едет. У меня здесь хорошие знакомства, и на базаре тебя никто тревожить не будет, только каждый вечер давай ребятам немного на похмелку, — сказала Фарида, зевнула, показав все свои золотые зубы. — Пойду отдохну, а вы тут своими делами пока занимайтесь.

Фарида ушла, а Сапийт неожиданно развила кипучую деятельность:

— Люба, нам нельзя сидеть сложа руки. Идем, я покажу тебе, где базар, познакомлю с ребятами, сегодня и начнешь торговать.

Положила в сумку кое-что из своего товара, и мы пошли.

В помещении крытого рынка зашли в какую-то комнату, где сидели шестеро мужчин. Сапийт, многообещающе улыбаясь, принялась за переговоры, которые закончились для нас успешно.

На одном из прилавков нашли свободное место, расстелили газеты, разложили вещи. Не скажу, чтобы люди за этими вещами в очереди стояли, но удалось продать многое и по хорошей цене.

К вечеру вернулись домой. Фариды уже не было — ушла на работу. Засобиралась куда-то и Сапийт. Переодеваясь и приводя себя в порядок, она поучала меня:

— Возвращаясь после торговли, обязательно пересчитай деньги, аккуратно сложи их и спрячь...

— Может, выйдем, купим какой-нибудь еды? — предложила я.

— Зачем? На кухне в холодильнике все есть. Выбирай, что тебе нравится, и ешь, а мне надо к Фариде на работу идти.

Я и не заметила, когда исчезла Сапийт. Следуя ее совету, пересчитала вырученные деньги, аккуратно сложила и спрятала под палас, расстеленный на полу.

Холодильники Фариды набиты продуктами со всей планеты. Есть даже бананы и еще какие-то тропические не то огурцы, не то кабач-

ки. Из любопытства заглянула и в бар — и там выставка напитков со всего мира. Быстро захлопнула дверки этого алкогольного склада.

Долго сидела на кухне, потом пошла спать на отведенный мне диван.

Обе женщины вернулись домой к утру. Фарида пошла спать, а Сапийт стала собираться со мной на базар.

Стоя рядом со мной на базаре, Сапийт явно нервничала.

Наконец она не выдержала:

— Келинчик¹, будь хорошей девочкой, торгуй сама. У меня очень важные дела.

Не успела ей ответить, как она испарилась.

Хвалю покупателям свой товар. Подходят женщины и о чем только не спрашивают: как стирать эти вещи? из каких краев приехала? Кое-кто интересуется: не соплеменница ли?

За меня охотно отвечают торгующие рядом пожилые женщины:

«Самое лучшее средство обновлять их — ячменная мука. Повалить в ней — и мука заберет всю грязь и пот...» — сообщают они, а я, как полумулла, портящий веру, поддакиваю соседкам. Возможно, мука — хорошее средство, но до сих пор я знала одно: стала шапочка грязной — бросай в помойное ведро.

На третий день торговать пошла одна. Сапийт, собираясь в дорогу, в мою сторону не глядела. Ну и ладно. Язык знаю, знакомства есть, товар имеется — вполне можно обойтись без помощи снохи.

День оказался благополучным, к концу базара подошел милиционер по имени Рустам.

---

¹ Келинчик — сношка.

Дала ему денег. Ушел довольный. Подумала: «Здесь рынок обслуживают такие люди: вынь у него глаз, положи на его место деньги — не заругается, уйдет с улыбкой».

Возвращаюсь с базара, за пазухой шуршат деньги — оказывается, это приятно. Всплывает мечта о «Волге» и Большом Кавказском кольце...

В квартире никого нет. Фарида ушла на работу, Сапийт пропала в северных даях. Ну и пусть! Какое мне дело до этого. Череп моего отца остался в ее руках, что ли?

Через несколько дней я стала забывать о существовании снохи. Кроме базара, в обеденный перерыв и к концу рабочего дня хожу к воротам крупных предприятий, предлагаю свой товар. Берут. Особенно молодые женщины.

За две недели распродала почти все.

Как-то часов в девять возвращаюсь на квартиру, а там Сапийт с каким-то представителем северных народов. У этого мужчины маленькие глаза, по-русски говорит с приятным акцентом. Выходит, успела наша сноха на оленях покататься, а, может, и на собаках.

— Дай аллах ему здоровья, не человек — золото, — сказала о нем Сапийт. — Он с женой очень помог мне хорошо закончить распродажу.

Вижу, мужчина с красивым акцентом прилип к Сапийт, как майский клещ к корове, ни на шаг не отходит.

Обрадовалась я, что закончилась торговля. Взяты билеты на самолет. На прощанье купили Фариде флакон французских духов за восемьдесят рублей и полетели на родной юг.

Вернувшись в родной аул, в первую очередь пошла к маме.

У нее от радости руки задрожали, обняла меня:

— Слава аллаху, жива-здорова! О, я несчастная, чуть с ума не сошла. Здешним гадалкам веры у меня нет, ходила в Качобку и гадала на тебя у русской...

Мама долго рассказывала о своих тревогах, об аульских новостях, а мне уже не давала покоя мысль: что делается у меня в доме? Пошла туда.

Во дворе не было никого. У самого порога нашей временки три пустых бутылки из-под «бормотухи». Сердце защемило будто в предчувствии беды. Заторопилась в комнату.

Азрет лежал на кровати одетый, давно небритый, с закисшими глазами, опухшие щеки покрылись болезненной желтизной. Без того не красавец, сейчас мой «картиночка» выглядел просто омерзительно.

Затуманенные хмелем его глазки все-таки заметили меня и покрытые серым налетом губы зашевелились:

— Приехала... Это хорошо... я умираю...

— Что случилось? — тихо спросила я.

— Не знаю... В этом доме полно ведьм и домовых, каждую ночь они воют под окном до утра... — И он закрыл глаза.

Все пространство под столом занято пустыми бутылками из-под дешевого вина местного производства. В доме нет ни крошки хлеба, ни глотка воды. Значит, все три недели, пока я отсутствовала, он только и знал, что глотал это паршивое пойло. Допился до галлюцинаций.

У меня не было сил глядеть на него.

В аул пришло настоящее лето: тепло, воздух чистый, свежий, а у меня на сердце тяжесть страшная. Как дальше жить? Что делать?

В отчем доме наконец-то расплакалась.

— Что стряслось? — встревоженно кинулась ко мне мама.

— Ничего. Только я больше не перешагну порога дома, который до сих пор считался моим.

— Почему?

— Пойди посмотри на своего зятя, которого ты выбрала для дочери из всех женихов.

— А разве он дома? — удивилась мать.

— Где же ему еще быть?

— Говорили, что он на Аксу косит сено. И я, зная, что человек при деле, спокойно сижу дома.

Наплакавшись, я рассказала маме и о своей поездке и о том, что увидела дома.

Мама так обрадовалась деньгам, которые я привезла, что и об Азрете забыла.

— Сапият — золотой человек, — сказала она.

Я не стала ей возражать, хотя многое могла бы рассказать об этом «золоте».

Скоро в дом собрались почти все наши аульские родственники. Долго говорили обо мне, предлагали разные варианты моей дальнейшей жизни. В конце концов было решено немедленно пойти в мою квартиру и забрать принадлежащие мне вещи.

Кто-то раздобыл грузовик, мои пожитки сложили в кузов и с сознанием выполненного доброго дела вернулись домой.

У меня было такое состояние, будто сбросила с плеч тяжелый груз — и сразу стало легче дышать, легче жить.

Сижу дома. Никто мною не командует. Делаю, что вздумаю. А работы в доме хватает: занимаюсь солкой, варю варенье, ухаживаю за огородом, белю дом снаружи... Работаю до упаду, как говорят русские.

К нам как раз русские и приехали, чтобы поменять арбузы на картошку.

Навезли целую гору арбузов к нашим воротам и бойко меняют. Арбузы хорошие, а картошки в ауле избыток, и меновая торговля идет вовсю. Приезжим двум женщинам и двум мужчинам работы хватало. Еду они на нашей печке варили, воду брали у нас, так мы с ними познакомились и даже сдружились. А один из мужчин, молодой, красивый, голубоглазый, стал заигрывать со мной. Во дворе что-нибудь делаю — обязательно подойдет, заговорит, а однажды в жаркий день кружку воды на меня вылил. Я тоже в долгу не осталась, подкралась к нему, как рысь, и полное ведро на него выплеснула, а потом убежала.

Тетя Аня, старшая из двух женщин, принялась всерьез сватать меня за Сашу.

Чего уж тут скрывать, лестно мне было: такой мужчина предлагает руку и сердце. Будто в огне горю, но помалкиваю, ни у кого совета не спрашиваю, по-своему решила: дала им черный отказ.

Грустно было видеть, как сразу сникли и сваха и жених.

Закончив свои торговые дела, уехали наши друзья, на двух машинах повезли картофель

в свое село. Совсем одиноко мне стало в родном доме. По аулу обо мне ходят разные слухи. Может, эти ядовитые сплетни пускает Сапийат, а, может, и еще кто-то. «Если каждый год не услышишь что-нибудь новое, обязательно оглохнешь».

Пусть на моих несчастьях учатся дорогие аульчанки.

К нам на гастроли приехал ансамбль песни и танца Дагестана. Папа и я с младшей сестренкой пошли на концерт.

Артистам дружно аплодировали, а я была просто без ума от восторга. Папа поглядывал на меня, а когда концерт закончился, тихо сказал:

— Ансамбль сегодня не уедет, пригласите кого-нибудь из девушек к нам на ночлег.

— Кто же к нам пойдет? — усомнилась я, но вместе с сестрой все-таки подошла поближе к сцене.

Скоро к нам подошла очень красивая девушка, заговорила с нами.

Воспользовавшись этим, мы с сестрой пригласили ее к себе.

По дороге к дому она рассказала, что она — ногойка, зовут ее Асият, родилась в ауле на берегу Малого Зеленчука, потом уехала в Махачкалу и вот теперь работает в ансамбле.

Дома я быстренько передала маме все сведения о госте, чтобы у нее от неутоленного любопытства не поднялось давление и она не принималась искать в своем сундучке резерпин.

Мама накрыла на стол, выставив на него все, что было вкусного в доме. За столом си-

дели втроем. Асият рассказывала о себе, об ансамбле. Я тоже разговорилась и не заметила, как рассказала о своей давней мечте стать певицей и даже спела кое-что вполголоса.

Мой сольный номер привел Асият в восторг:

— Люба, поехали с нами! Ты даже не представляешь, какой ты для ансамбля нужный человек!

Будь проклята эта моя скромность! Отказалась я...

На другой день ансамбль уехал, и я как-то особенно остро почувствовала себя одиноким кустом на высоком утесе. Снова потянулись дни, похожие друг на друга, как зубья в гребешке.

Пришла зима. В один из ясных холодных дней явилась к нам Сапият в норковой шубе. Красивая шуба, а глядеть на нее не хотелось — в сторону смотрю, мама тоже разговаривает с гостьей, как с курами во дворе, а Сапият тараторит всюю:

— Приводим в снохи Мёлек. Азрет стал таким душевным, умным, мужественным. Сердце поднимается от радости, не Азрет — кровь с молоком. А какие богатые эти будущие родственники! Только широкого зеленого плюша сто метров в двух кипах, золотые вещи не поштучно считают — чайными стаканами меряют. Нельзя остановить умирающего и уходящего. Зря ты, Люба, поспешила. Я бы вмешалась и наладила твою жизнь, твой очаг...

— Ты зачем сюда пришла, что тебе нужно? — сдерживая ярость, спросила я.

Сапият сделала удивленные глаза:

— Соседи ведь мы, друг к другу за огнем ходим...

— А ты больше сюда не ходи, а то опозорю на всю округу!

— Меня не опозоришь, у меня некаж не нарушен, а тебя, если будешь на меня хвост поднимать, сотру с лица земли! — рывкнула на меня Сапият, и мне стало страшно.

Тягаться с Сапият мне, конечно, не под силу, кто в ауле поверит молодой, нарушившей брачные узы.

Замолкла я. А Сапият ушла, и больше ни один человек из их рода не переступал порога нашего дома.

Долго и мучительно думала я, как строить свою жизнь дальше, и, к большой папиной радости, окончательно решила идти на ферму дояркой.

Сказать, что ферма — рай земной, никто не поверит, но здесь так много хороших, честных людей, живущих своим трудом, знающих свое дело.

За неделю познакомилась со всеми, со многими сдружилась, многое от них узнала нужного для своей новой работы.

В моей группе двадцать коров, очень стараюсь ухаживать за своими буренками, понемножку узнаю характер каждой. Поначалу трудно было, но со временем втянулась в это дело, даже нравиться стало.

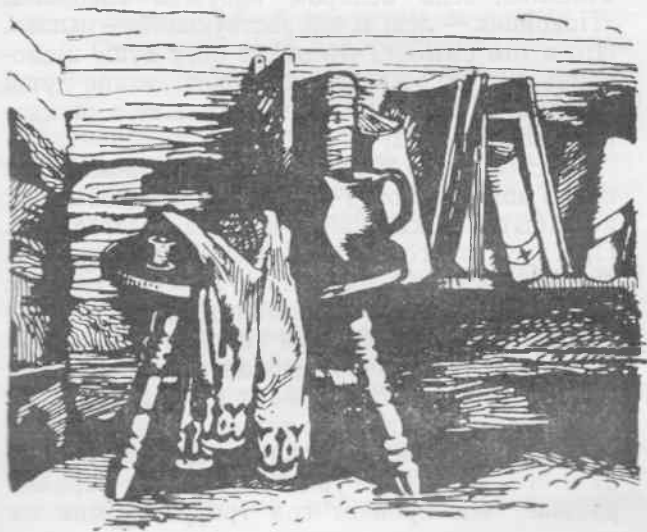
Как-то на ферму приехали журналисты из газеты «Ленинни байрагы», а потом в этой газете появился материал с моей фотографией, а по радио передали очерк в сопровождении песни «Карачай». Не скрою, читать о себе и слушать по радио было очень приятно. По-

няла, что работать надо еще лучше. Захотелось и учиться заочно.

Сегодня у меня день рождения. Двадцать лет исполнилось. Радоваться бы надо, а в сердце нет огня, все перегорело, и тлеющего уголька не найдешь в его золе.

Говорят, время — лучший лекарь, и хочется верить, что когда-нибудь развяжется горький узел в моей душе, зазвучит в сердце песня, звонкая и чистая, как воздух над родным аулом.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Мы с бабушкой Салимой остались вдвоем на нашем большом подворье. Бабушка почти постоянно крутила веретено, бормоча про себя что-то непонятное, но если переходила на понятные слова, значит отдавала мне очередное распоряжение. О том, чего мне стоило это безропотное послушание, знали только мои ноги.

Два крыла сорвала смерть с моих плеч — папу и маму. Из нашего двора хорошо было видно кладбище, на котором похоронен отец: мирно покоится он под холмом и, наверное, счастлив, ведь недаром бабушка говорила: «Покойник — лев, а здравствующий — мышь». Это в том смысле, что отдал богу душу и спокойно лежит, уже пережив расставание души с телом, а живой постоянно дрожит в ожидании своего конца.

Рядом с отцом покоится и моя мама. Ее я плохо помню, а отца мне до конца дней своих не забыть. Маленькой я любила спать с ним. Проснусь, а его нет рядом... Не работал он, только когда ел или спал, а все остальное время трудился, не покладая рук.

Самые глубокие раны со временем зарубцовываются. Прошло месяцев шесть со дня смерти отца, и вдруг у меня появилось желание сорвать занавеску с трюмо, глянуть на себя. Только боязнь бабушки удерживала меня от этого. Если она увидит открытое зеркало раньше, чем пройдет год траура, камня на

камне не оставит. И еще я знала, что бабушка недолюбливала родственников по материнской линии и, когда была недовольна мной, говорила:

— Дочь моя, ты похожа на Тохонаевых, словно с одного из них содрали кожу и надели на тебя.

Бабушка Салима еще долго потом всячески чернит мамин род. Дело в том, что отец привел в дом жену без ее согласия, и она этого никак не может ему простить. Она вообще никогда никому ничего не прощает.

Когда мы работаем в огороде, бабушка старается не смотреть в сторону соседей и в который раз рассказывает:

— В тридцать шестом году у нас такая кукуруза стояла после второй прополки. Ночью зашел в наш огород их теленок, уничтожил шесть стеблей кукурузы до самых корней. От этих корней распространилась какая-то болезнь, и девять стеблей были холостыми.

К нам почти никто не заходил. Только Якунины не забывали нас. Отец с дядей Сашей долго работали вместе чабанами. Совместная работа настолько их сроднила, что рассказать об этой мужской дружбе — слов подходящих не найдешь.

Весной дядя Саша с женой приехали к нам на тракторе, вспахали и пробороновали огород, нарезали бороздки для посадки картофеля, сами разбросали и закрыли клубни землей. Мое сердце было переполнено благодарностью к ним.

Весна хоть и с опозданием, но брала свое. У самого берега реки ольха распустила сережки. Ярко-желтыми цветочками распушились

одуванчики. Вниз по реке постоянно тянул напоенный свежестью ветерок, и цветы одуванчиков под его напором радостно подрагивали на тоненьких ножках. Лопухи, конский щавель, дурман, пробив земляную корку, выбросили уже по три-четыре листочка.

Мне очень захотелось в школу. Но бабушка Салима сказала:

— Если ты меня оставишь одну в четырех стенах, я обязательно сойду с ума.

Бабушка даже со двора выйти не разрешала — вот и жила словно под невидимой чадрой. Мой мир сузился до размеров нашего двора: все, что раскинулось за забором подворья, казалось далеким, как звездное небо.

Шли дни, весна набирала силу. Позади нашего огорода, у красных скал, на рассвете пели птицы; такой хор, что сердце заходило.

Хотелось, покрутившись перед зеркалом, вырваться на улицу, на простор. Но об этом помалкивала. Бабушке только скажи, она такой фасон и моду выдаст, что от одного слова «зеркало» в дрожь бросать будет.

Бабушка послала меня к соседям. Там меня встретила Лейла, ровесница. В этом году она кончает десять классов. Лейла приняла меня приветливо, пригласила в дом, но я отказалась. Давно уже чувствую, что подруги меня как-то сторонятся. В ауле говорят, что в нашей фамилии из поколения в поколение кочует передающаяся по наследству болезнь. Об этих разговорах я, конечно, знаю и, когда приходится бывать в других домах, стараюсь держаться в сторонке, не трогать их посуду. Именно поэтому я и сейчас отказалась войти,

но девушка схватила меня за руку и почти силой втощила в комнату. Перешагнув через порог, я поняла причину настойчивости Лейлы: на столе лежал красивый, голубого цвета шелк.

— У хромой Байду за сто рублей купили,— сказала Лейла.

Разглядываю шелк и чувствую растущую во мне зависть. Всему аулу известна ее любовь к учителю математики Баталу, у нее есть отец и мать, братья и сестры, и ей вот покупают такую красивую вещь...

— Чудо,— сказала я.

— Как посоветуешь сшить?

— А это уж ты сама решай, а материал очень красивый...

— Отнесу портнихе Мекахан, с нею и посоветуюсь,— решила Лейла.

— Знаешь, зачем я к вам пришла так рано?

— Зачем?

— Тяпку острую нам надо дня на два.

— Пойдем к маме.

Мы прошли на кухню, там мать Лейлы Бабуш расставляла посуду по полкам.

— Мама, бабушка Салима прислала Кулистан за острой тяпкой.

Бабуш вытерла руки о подол своего платья и пошла во двор, мы — за нею.

Когда я вернулась домой, бабушка стояла во дворе и ждала меня.

— Пошли,— хмуро сказала она.

Красиво взошла картошка на нашем огороде: рядки ровные, как по ниточке, но и сорняки тянутся к солнцу, словно соревнуясь, кто кого перегонит.

Работаем молча, только земля, корни да

стебли сорняков похрустывают под острыми стальными лезвиями тяпок, перед моими глазами всплывает переливающаяся всеми оттенками голубого цвета шелковая ткань, и я не выдерживаю:

— Бабуш купила Лейле такой красивый материал...

— А почему им не покупать? Ни траура, ни больных в доме. Они могут наряжаться в червонное золото, сердце у них покрыто жиром, а у меня там одна вода,— по-своему объяснила ситуацию бабушка.

Снова молчу, как автомат, крушу молодые побеги бурьяна. По меже растут густые кусты бузины, ее запах меня будоражит, рождает несбыточные мечты. На выступе скалы Бузоучу нежными голосами перекликаются кобчики, их пение словно буравит мне сердце.

Неожиданно послышался голос бабушки:

— Кызчык, пусть местом для покойников будет само блаженство, но траур есть траур и от этого никуда не денешься... Приближается великий праздник...— Она остановилась, оперлась на тяпку тонкими, темными от загара руками, глаза на морщинистом лице задумчиво глядят вдаль.— Все у меня есть. Я для тебя ничего не пожалею...

Радость захлестнула все мое существо, но молчу, слушаю.

— Когда подходят майские торжества, я всегда вспоминаю свою молодость. В то время еще никто не знал, что вот-вот начнется война. Я — восемнадцатилетняя девушка — в Кисловодске, в комиссионном магазине, увидела подержанный коверкотовый костюм сизого цвета, словно шитый на меня по заказу. Стоил

он пятьсот тридцать рублей. Это большие деньги по тем временам. Хорошая овца на базаре стоила сто рублей. Маме моей, чтобы я ее увидела в красном углу рая, костюм тот тоже понравился. Она из кожи лезла, собирая деньги на него. Я по ночам спать не могла. Мама мне ни слова не говорит, но я, как по телефону, слушаю ее думы. Под самый праздник ушла она из дома и скоро принесла мне заветный костюм. Что со мной стало — никакими словами не передать.

Первого мая вышла я в город в этом костюме. Иду по улице, на меня смотрят и не узнают.

Потом с соседкой Этери Шагинян пошли в парк. На Первомайской площади в тот день пел трехтысячный хор. Там я впервые увидела своего друга жизни. А тут началась война. Мы с ним переписывались. После Победы приехал он в село, так мы и поженились. Большая свадьба была, хоть и трудное время тогда еще держалось. «Раз споткнешься, сто раз падаешь...» В ночь, когда родился твой отец, муж мой умер от ран.— Бабушка тяжело вздохнула, опустила голову.— Матери твоей тоже не повезло — совсем девчонкой ушла, и отец твой ушел туда же, оставив нас сиротами. Зачем я на свете живу? — Бабушка заплакала.

Я подошла к ней, обняла и тоже заплакала...

— Кызчык, вставай! Проспали мы, стадо уже за рекой,— говорит бабушка, а я никак не соображу — сон это или явь.

Бабушка проводит по моему лбу мокрой

холодной ладонью, и это приводит меня в себя. Мигом надеваю платье, сую ноги в тапочки, выбегаю во двор. Увидев меня, корова мычит: то ли приветствует, то ли укоряет за опоздание.

Стадо догнали за селом, у глубокого, похожего на пропасть оврага. Когда в горах дождь или тает снег, по этому руслу течет жидкая грязь.

Сдав нашу «молочную фабрику» на попечение пастуха, заторопилась домой. У ворот встретила меня бабушка. На душе сразу стало спокойно и радостно: есть на свете человек, который о тебе постоянно беспокоится.

Уже в доме бабушка неожиданно заявила: — Кызчык, теперь весь свет готовится к празднику, люди шьют себе обновки. Надо и нам что-то приготовить.

Я молчу. Зачем тратить слова, если бабушка в любом случае все сделает по-своему?

Она со звоном открыла сундук, стала в нем копаться, говоря:

— У меня много материи, но все пестрое, а если ты сейчас выйдешь в пестром, в ауле до седьмого поколения этого не забудут.

— Как тебе угодно...

— Что значит «угодно»? Не я обычаи своего народа выдумывала, не мне их менять. Нельзя во время траура наряжаться в пестрое, значит нельзя. Вот, посмотри... Этот черный шелк — подклада от пальто твоего отца. Пальто давно покупали на базаре. Раньше из такого шелка у нас шили бешметы. Кто теперь в горах носит такой наряд? Давай я тебе из этого сошью платье. На голову накинешь бордовый крепдешиновый платок с длинными

кистями — будет очень хорошо, не стыдно показаться на людях.

Материал и в самом деле хорош, весь блестит, только цвет черный.

Салима-баба нацепила очки с шерстяными завязками поверх кашемирового платка, взяла большие ножницы и уселась на пестрый войлок, покрывавший земляной пол нашей сакли.

Прежде всего она обрезала ношенные концы подкладки, потом подозвала меня, обмерила сантиметром вдоль и поперек, записывая цифры на клочке газеты.

Часто в наши дни, если женщина выучилась на бухгалтера, повара или учительницу, кроме своей профессии ничего не знает, ничего не умеет. Бабушка моя из тех людей, которые и рваный сапог могут починить, и ковер соткать, и одежду любую сшить, а при необходимости и с плотничьим делом справятся. Все спорится у нее в руках. Достанет козью шкуру — отличный хром из нее выделает и положит его в сундук или сапожнику Хасану продаст. Наш народ в прошлом — племя пастухов. Мужчины уходили со скотом через много перевалов, а в аулах хозяйство вели только женщины. Сама жизнь научила их ни на кого не надеяться — все делать собственными руками.

Бабушка быстро скроила платье, сметала белыми нитками и отдала мне, а сама пошла готовить еду. Она очень любит рис и рада, что его теперь так много. И сейчас, конечно, из него варит жидкую кашу на молоке. Потом она будет ее есть, пока не ударит в пот. Эта непонятная потливость ее очень тревожила,

мы даже к врачу по этому поводу ходили. Когда дошла наша очередь — вошли вдвоем.

— Заходите по одному, — сказал доктор Солтан-Хамит, очень хороший, добрый человек.

— Это моя внучка, как же я ее одну оставлю на улице? — сказала бабушка.

Против этого врач не стал возражать, спросил:

— На что жалуешься?

— Когда поем, в страшный пот бросает. Солтан-Хамит внимательно оглядел ее:

— Если ешь до пота, значит, здоровье очень хорошее.

Я готова была провалиться сквозь землю от стыда, а бабушка настолько растерялась, что молча вышла из кабинета.

Я вспоминаю об этом смешном случае, а иголка в моих пальцах проворно гонит ровный шов на моем будущем платье.

Бабушка сварила кашу и позвала меня к столу.

После еды примеряли обновку.

— Широковато. Сделай его поуже, — попросила я.

— Хорошо, джёрме¹, сделаю уже, — поклядисто согласилась бабушка. — Ты помоешь и уберешь посуду, вычистишь коровник, а я с платьем твоим управлюсь.

Я не стала возражать против такого распределения труда.

Никогда не думала, что платье получится таким удачным. Сидит на мне, как влитое.

Бабушка Салима сняла занавеску с зеркала

---

¹ Джёрме — колбаса из требухи.

ла. Посмотрела я на себя и удивилась. Оказывается, у меня большие голубые глаза, тонкая талия, а кожа такая белая, словно всю жизнь только в молоке купалась, из-под бордового платка выглядывают золотистые волосы и кончики кос почти у самых пят...

— Кулистан! — донесся со двора женский голос и отвлек меня от приятного занятия.

Боже мой! У ворот нашего двора стоят несколько девушек, нарядных, как альпийские цветы.

— Кулистан, мы за тобой пришли! — кричит мне Лейла.

Радостно киваю им в ответ и возвращаюсь в дом.

— Кто там пришел? — спрашивает бабушка.

— Лейла с подругами.

— Не заставляй себя ждать, — говорит моя бабушка. — Вот, возьми три рубля, угостишь их водой.

Иду к девушкам словно стреноженная, душа уходит в пятки — это же мой первый «выход в свет», на меня смотрят столько пар глаз, меня ждут...

Подошла, остановилась около Лейлы, не успела слова сказать — откуда-то, словно из-под земли, появился Пилял, мой двоюродный брат, который живет в областном центре.

— С праздником, девушки, — сказал он и стал пожимать руки девушкам, а те, увидев черноусого горожанина, вдруг сделались очаровательными скромницами, только Балбу стала расспрашивать у Пиляла, как живут его родственники и знакомые в городе.

Пилял словно в рот воды набрал, разгля-

дывает нас, может, невесту себе подыскивает.

— Есть кто дома? — наконец спросил он у меня.

— Бабушка, — ответила я.

— Кулистан, у тебя гость, ты оставайся, а мы пойдем, — сказала Балбу.

Мне очень не хотелось оставаться дома, но что поделаешь? «Если батрак садится на верблюда — и там собака укусит его». Плетусь за своим городским братом.

У самого порога Пилял остановился, еще раз внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Проходи в дом, — сказала я.

— Нет, ты проходи, — почему-то заупрямился он, хотя по горскому обычаю мужчина всегда идет впереди женщины.

— Что, будем торговаться, как те глупцы?

— Какие глупцы?

— На перрон полустанка вышли трое мужчин с билетами, чтобы сесть на поезд. Останавливался он там всего на три минуты, и, когда подошел, все трое стали высказывать уважение друг к другу: «Садитесь вы... садитесь вы... садитесь вы...» — и не заметили, как поезд ушел.

Пилял расхохотался. Услышав его хохот, вышла бабушка:

— Пилял, это ты?

— Да вот приехал, — промямлил гость, освобождаясь от объятий бабушки.

Видно, что она очень рада гостю:

— Кызчык, ставь сковороду на огонь, поджарь что-нибудь.

Бегу на кухню, хватаю чугунную сковороду, в ней говяжий жир застыл, золой из оча-

га чищу ее, мою, с горечью думая о том, что приезд брата лишил меня удовольствия пройтись с девушками на праздник.

Из комнаты доносится говор, но слов разобрать невозможно. Тороплюсь приготовить омлет: зажгла огонь, поставила на него сковороду, в это время они оба вышли на кухню.

— Кызчык, проводи Пиляла. Он не будет кушать, оказывается, его на улице ждут товарищи. Проводи и возвращайся. Если аллах даст, завтра на горе Буран будут скачки, пойдешь погуляешь.

Я взяла медный кумганчик, вышла во двор помыть руки очень встревоженная: мне не нравится выражение глаз двоюродного брата.

Пилял торопится. Я почти бегу за ним. На улице много людей, и это не удивительно: по переписи наш аул в области занимает первое место по деторождаемости — в каждом дворе по шесть-восемь ребятишек. К нам даже приезжали ученые из Москвы, ходили по домам, знакомились с образом жизни, говорили, это очень важно для какой-то большой науки.

Вот, например, сосед наш Магомет, интересный мужчина и большой шутник. Я однажды слышала, как он рассказывал бабушке, что, если его дети задерживаются допоздна, он становится у ворот, отсчитывает подряд девять человек, а остальных выпроваживает. Утром, если чужой попал, он обменивает его на своего.

Слышатся пиликанье гармошки, хлопки в ладоши, группами идут парни и девушки, стайками бегут дети, степенно тянутся взрослые — все на праздник.

Пилял впервые обернулся ко мне.

— Повернем сюда, — сказал он, показывая в узенький переулок, ведущий к реке, и, не ожидая моего согласия, завернул туда.

Двое «Жигулей» катились нам навстречу. Обе машины остановились рядом с нами. Из переднего автомобиля выскочили два парня, схватили меня, как овцу в отаре, затолкали в машину. Я даже крикнуть не могла, дрожала, как раненый заяц.

Опомнилась на заднем сиденье машины. С одной стороны — Пилял, с другой — какой-то пожилой мужчина. Кричать теперь бесполезно: машина мчится стрелой, стекла плотно закрыты.

Недавно в наш аул из станицы Зеленчукской для одного парня привезли невесту. Народ собрался в их двор, а украденная невеста кричит: «У меня семья, дом!» Люди смеются: «Ничего, привыкнешь!» Тогда невеста взмолилась: «Пришлите женщин ко мне!»

Вокруг шум, гам, на плач женщины никто не стал обращать внимания — обычное дело слезы в таких случаях. Только одна старушка поняла, что тут что-то не так. Выпроводила мужчин из комнаты, а та женщина выдавила из груди молоко. Оказывается, у нее в станице грудной ребенок остался...

Народ стал возмущаться, проклинать насильников, и тогда на той же машине невесту отвезли обратно.

Мне вспомнился этот случай, и я закричала что есть мочи, словно волков прогоняла из отары овечьей.

Пилял сидел неподвижно, а другой мужчина снял с моей головы платок и закрыл мне рот. Я стала вырываться, попыталась разбить

стекло, тогда и Пилял навалился на меня. Так зажали с двух сторон, что дышать стало нечем. Похитители, наверное, заметили это, слегка отпустили. Платье, сшитое из древней подкладки, поползло, плечо оголилось, сгораю от стыда, что мужчины видят мое тело.

Впереди сидит, не оборачиваясь, шофер, а рядом с ним какой-то мужчина. Он обернулся. Лицо красное, и по нему видно, что он всегда готов сожрать полтушки крупного барана. Все время он молчал, а тут принялся утешать, уставив в меня свой увесистый нос:

— Ничего, все перемелется, все наладится. Вон твой адам с тобой рядом сидит. Ты приглядись хорошенько. Чем плох джигит?

Я снова стала вырываться и кричать, а в голове билась мысль:

«Почему именно меня украли? В нашем ауле полно невест, у которых от золота и серебра трещат сундуки и чемоданы. Эти невесты ждут не дождутся женихов, многие из них были бы рады, оказавшись на моем месте. А я не хочу никуда ехать, не хочу!»

Машина вкатила в город, на одном большом доме успела прочитывать «Гостиница Черкесск». Едем дальше и останавливаемся в большом неогороженном дворе. Со всех сторон слышится:

— О-о-о, приехали! О-о-о, приехали!

Из подъезда многоэтажного дома выбежали люди, вокруг машины быстро росла толпа. Я кричу не своим голосом. Из толпы до меня доносится:

— Ничего, у них такой обычай...

— Хорошо ей будет, Ибрагим — добрый человек...

— В милицию звонить надо. Разве можно так мучить девочку?..

— Ага, позвони, Ибрагим тебе так позвонит — век себя проклинать будешь...

Подошли какие-то женщины. Им очень хотелось без особого шума выманить меня из машины, но я и не думала вылезать добровольно. Тогда пришли парни и поволокли меня по лестнице на четвертый этаж, внесли в светлую комнату, полную людей. Там меня кинули на пол, как мешок с солью.

Казалось, что вокруг меня собрались все женщины мира и каждая из них пыталась рассказать свою биографию. Все они были украдены, выходили замуж, ни разу не увидев до этого своего жениха, но потом жили счастливо, окруженные любовью супруга, нарожали множество умных и здоровых детей...

Выговорившись, эти доморощенные философы в юбках постепенно исчезали с поля моего зрения. Наконец возле меня осталось четверо парней и одна женщина, в которой я с удивлением узнала родную тетку по матери. Золото ей дали или приворожили, что она на стороне этих извергов оказалась? Она тоже пытается сломать меня:

— Бедная моя сирота, ты попала в такое место, где всегда будешь сыта, одета и счастлива. Не плюй с высокого дуба, не прикидывайся дурочкой, пофасонила для приличия, а теперь довольно...

— Хапсат, зачем мне муж, семья, дети? Верните меня к бабушке Салиме, дайте уехать домой. Верните туда, откуда взяли, насильники! Пока у меня в груди бьется сердце, не прощу этого насилия!

— Ты гордиться должна, что взяли тебя. Невест на свете больше, чем амброзии,— сказал какой-то джигит.

— Это их близкий родственник,— пояснила тетка Хапсат.— Он правильно говорит.

Видно, тетушку мою из хутора привезли давно и стакана чаю не дали. Голодная, она и теперь торопится услышать от меня «да», после чего сразу начнется веселье, музыка, стрельба из ружей и такое нужное для тетки угощение. Но она не дожидается от меня ничего. Я-то при чем? Мне, что ли, мед?

Вошли две женщины, сняли с меня остатки одежды и стали надевать розовое платье. Сопrotивляюсь, как могу: размахиваю руками, кручу головой. Из соседней комнаты донеслась музыка. Похоже, не очень нужно им мое «да».

Платье на меня все-таки напялили, но с пола я не поднялась.

Вошла пожилая женщина.

— Девочка моя, я хорошо знаю твою породу. Когда в Учкекене организовался колхоз «Берекет», я с твоими дедом и бабкой работала на полях в урочищах Болат-Конуш, Баганалы, ломала кукурузу в станице Бекешевской. Домой возвращались, когда снег покрывал землю. Мы все рождены на этой земле, чтобы в поте лица прокормить себя. О тебе я ничего не знаю, но очень люблю и уважаю твою фамилию и теперь все твое плохое буду превращать в хорошее, надеюсь прожить с тобой под одной крышей в радости и счастье. Я сказала все, что хотела сказать. Если у тебя есть ум, ты поймешь, чего мне стоило, нарушив коран и шариат, прийти сюда...

Женщина с достоинством повернулась и ушла.

— Это его мать,— как большую радость прошептала мне на ухо тетка Хапсат.

Может, мать и хороша, но если бы в моем глазу были пули, я бы расстреляла всю ее родню.

Потом вошли четверо мужчин. Краснолицые, важные, но по всему видно — очень глупые. Я демонстративно отвернулась от них.

Еще трое мужчин вошли, застыли у дверей. Один из них неожиданно запел молитву на арабском языке.

Много книг переводят ученые на родной язык, а вот перевести коран на карачаевский — никто не догадался. О чем там говорится? И что это за сила, которая при первых звуках молитвы заставляет становиться на колени и молиться?

Наконец мужчина с короткими густыми усами закончил читать молитву, уставился на меня.

— Сестра моя, душа моя, глаза мои! Судьба привела тебя в этот благородный дом, чтобы сделать хозяйкой всего здесь. Не миновать того, что было написано на твоём лбу при рождении на свет божий. Если не покоришься судьбе, начертанной небом, не будет тебе добра. Не будь отступницей перед творцом. Каждая выпавшая из твоих глаз слезинка обернется счастьем, здоровьем, любовью, если последуешь по пути, избранном для тебя аллахом. Я сейчас полностью прочел иманислам, в нем на языке пророка Магомета говорится как раз об этом.

— Неужели в областном центре нет ни

одного коммуниста или комсомольца, который мог бы навести законный порядок в этом доме, где каждый творит, что ему вздумается? — закричала я.

— Что ты говоришь? — накинулась на меня одна из женщин. — Это же наш святой отец, великий мулла. Пять лет он учился в Арабстане и вернулся как представитель самого аллаха. Он настолько безгрешен, что за ночь пролетает до могилы пророка Магомета, ставит свой салауат и к утру возвращается на Кубань.

— Веление аллаха не может изменить ни комсомол, ни другая черная сила, — загробным голосом провещал «представитель неба».

— Глупости это. Если будете насильно оставлять меня в этом доме, я выпрыгну вон из того окна!

— Поднимающего на себя руки нельзя хоронить на мусульманском кладбище, его не поминают, он горит в вечном огне, для него нет того света и рая, — пригрозил мулла.

— Ты думай о судьбе своей могилы, где мне покоиться — тебе не лежать!

— Негодяйка! Она нам нисколько не подходит. Нужно сейчас же выпроводить ее из дома, пока не поздно! — заверещала женщина, которая расхваливала мне муллу.

— Семь раз по плохому глазу твоему! Пойди и скажи не только Айшат, но и ее матери, чтобы скорее выпроводили меня из этого угла!

— Дочь моя, не будь бессовестной. Мы набиваем тебе цену, а ты тянешь в дурную сторону. Ничего человеческого в тебе нет, вся в теток своих по отцу, — вмешалась в разговор Хапсат.

— Люди, помогите! — заорала я и, схватив венский стул, высадила стекла в окне спальни, хотела выпрыгнуть, но меня схватили и снова бросили на пол.

В комнату набилось много людей, привлеченных звоном стекла и моим истошным криком. Все громко обсуждали происшедшее.

Мое сопротивление ни к чему не привело, и тогда я решила: буду молчать, пусть делают, что хотят. Мои хозяева собрали гостей со всей области, с большим шумом, музыкой и танцами прошла моя свадьба.

Для примирения с моими родственниками в наш аул ездили родственники моего мужа. Родни у меня раз-два и обчелся.

Бабушка приняла гонцов в свой двор, не проронив ни слова. Она почему-то решила, что все произошло с моего согласия, затаила обиду, но через Пиляла передала мне отрез бостона и ковер, большой шелковый платок и два маленьких платка. Когда невесту вводят в кунацкую, полную людей, она в руках должна держать два небольших платка, а голова ее покрыта большой шелковой накидкой. Накидку снимают, показывая всем присутствующим лицо невесты.

Прислала бабушка и свадебный наряд для меня, наверняка, отдав за него много денег.

Получив все эти вещи, я очень расстроилась. В момент снятия свадебного платка рядом со мной были сын и сноха тети Хапсат. Сноха меня очень жалела. Ее искренняя доброта мне очень помогла обрести хоть какое-то душевное спокойствие.

Дом Ибрагима должен был послать во

двор родителей невесты пакет масла, головки сыра, по мешку пшеничной муки, риса и сахара. Бабушке ничего не послали, и она не стала отдаривать родственников жениха: мол, вы ничего, и вам — ничего.

Я попала в небольшую семью, она состоит из матери и двух сыновей. Старший сын живет в этом же доме, в другом подъезде имеет трехкомнатную квартиру. Он женат, у них два мальчика-дошкольника. Жена его Гезам тихая, как овца, женщина.

Мои деверь и муж работают на заводе силикатного кирпича. В доме постоянно говорили о кирпичах. Я пока понятия не имела, какая у мужа специальность.

Как только богиня зари брала в свои руки ключи от гнезда светила, я уже была на ногах. До позднего вечера, пока ковш Большой Медведицы от Псыжской горы не уходил в сторону Бештау, крутилась, как веретено.

По вечерам свекровь лежала на диване, читала молитвы, отсчитывая их с помощью четок, потом зевала, не забывая следить за каждым моим шагом. Она умудрялась говорить сразу на трех языках: молитву творила на арабском, распоряжения давала на карачаевском, перемешивая его русскими словами. То чай подай, то суп, то таз, то кумган...

Вечером, когда свекровь видела вернувшегося с работы Ибрагима, я уводила ее в спальню, раздевала и тщательно укрывала одеялом. Сидела у постели до тех пор, пока она не решалась меня отпустить.

Утром, попав мне на глаза, мгновенно делалась инвалидом: совсем разбитая болезнью-

ми, немощная женщина. Но как-то в магазине продавали сливочное масло. Узнав об этой новости, она вдруг обрела прыть, метеором слетела с четвертого этажа и скоро вернулась с десятью пачками масла.

— Беги! — скомандовала она мне, по копейке отсчитав мне деньги из мешочка, который постоянно висел у нее на шее.

Побежала, но ничего не выстояла. Пришла домой убитая неудачей.

— Не досталось, — с искренней горечью сообщила я.

— Куда становилась в очередь?

— Как куда? В хвост, конечно.

— Кто же в хвост становится? Надо смело подходить к продавцу, сказать, что твоя очередь только что прошла, или еще что-нибудь придумать. Ну и овца ты! Дал же аллах сноху! — выкрикнув это, она ушла в свою комнату.

После этого случая я будто еще постарела. Не жизнь — ад. «Кто терпит, тот баранью грудинку кушает»... Терплю, но чего мне это стоит!

Шел двадцать пятый день с тех пор, как я перешагнула их порог. Я уже точно знаю, сколько слов в день мне надлежит произнести, что и как надо делать в квартире, чтобы не вызвать неудовольствия.

Как-то готовила на кухне обед. Вдруг раздался звонок. Прикрутила огонь под сковородкой, кинулась открывать. Из коридора через дверь донеслись причитания вперемежку с рыданиями. Я обмерла, руки одеревенели — не могу открыть замок. Услышав звонок, мать вы-

бежала из своей комнаты, открыла дверь. Там стояла Хапсат и тряслась в плаче.

— Сгорела сакля бабушки Салимы,— сказала она сквозь слезы.

Все поплыло у меня перед глазами и исчезло в беспросветной тьме. Очнулась я на диване под громкую молитву свекрови, чтобы открылась мне счастливая дорога в загробный мир.

— Бабушка жива? — спросила я чужим голосом.

— Жива, жива,— торопливо закивала Хапсат.— Только дом сгорел дотла.

Из кухни донесся запах горелого лука. Это так меня испугало, что я кинулась к плите.

Свекровь звонила по телефону:

— Приезжай домой немедленно. Что? Оставь свои расспросы, у тебя машина, садись и быстрее приезжай! — распорядилась она и бросила трубку.

Я ненавижу телефон. Время от времени раздается звонок, я поднимаю трубку, и издевательский женский голос с удовольствием выговаривает мне в ухо какую-нибудь гадость. Иногда мне приходит в голову, что кто-то из моих предков был страшным грешником и не успел расплатиться за свои прегрешения ни на этом, ни на том свете, вот мне и приходится расплачиваться за это. «За какую бы скалу я не держалась, все равно она на меня падает», — думала я с горечью.

Открыв дверь своим ключом, в комнату вошел Ибрагим.

— Что произошло?

— У Салимы сакля сгорела,— сказала ему мать.

— Кто сказал?

— Звонили по телефону соседям Хапсат, чтобы ей передали. Она и приехала с этой новостью.

— Надо ехать, — решил Ибрагим. — Сейчас разыщу Пиляла, соберем своих людей и на двух «Жигулях» поедem.

Все промолчали. Ибрагим, решив, что все согласны с его планом, быстро вышел.

— Ты не стой, — сказала мне свекровь. — Нет там покойника, нет тяжелобольного, успокойся, пожалуйста, будь умницей, оденься поприличнее.

Я молчу, но внутри горит пожар, состояние такое, что вот-вот услышу снова что-то страшное.

Прошла в свою комнату. Почему-то вспомнилось, как мы с бабушкой единственный раз были в гостях у родственницы в Карачаевске. Эта женщина в свое время отлично стреляла из ружья, в одиночку ходила на медведя, ездила верхом и замечательно играла на гармошке. В память навсегда врезались ее слова: «У сироты аллах сперва забирает счастье, потом берет в небо родителей». Нет у меня ни счастья, ни родителей, удары один за другим сыплются на мою голову.

Есть у меня хорошее темное платье, но я побоялась надеть его: пусть бережет меня аллах от ношения траура. Надела голубое, голову повязала шелковым платком.

— Сноха, ты где там пропала? — донесся до меня властный голос свекрови, и я заторопилась к ней.

Скоро собралось много людей, пришел Ибрагим, его распоряжения выполнялись беспре-

кословно. Спустились во двор. Я села на заднее сиденье машины Пиляла, между Хапсат и свекровью.

Едем через знакомые аулы, поселки, хутора. Вот и наше село. Все на месте: родник Наны, скала Хайукгу, мост через реку. Свернули в нашу улочку, вот и родное подворье. Боже мой! На месте сакли — одни головешки черные, сгорели даже ворота и хлев.

Выскочила из машины, упала на землю, рву на себе волосы, вою, потом вскочила и закричала:

— Где бабушка?!

Ко мне подошла наша близкая соседка Шамахан, с которой мы обменивались углями для очага, сочувственно заговорила:

— Бедная Кулистан! Не знаю, чем тебя успокоить. Нет твоей бабушки и никто не знает, куда она делась. За несколько дней до пожара она продала корову и все, что можно было продать.

— Зачем же было все продавать? — удивилась Хапсат.

— С тех пор, как внучка убежала замуж, Салима ни с кем ни одним словом не перемолвилась. Два раза ездила в Черкесск, еще куда-то. В последний раз я ее видела, когда в конце дня возвращалась от Джашарбековых. Она как раз последним рейсом приехала из города.

— Где же она может быть теперь? — спросила свекровь.

— Не знаю, что и сказать. Этой ночью загорелось подворье, а бабушка исчезла.

От груды пепла и головешек несло тяжелым запахом гари, не хватало воздуха.

Молчание нарушил гул мотора. Пришла милицейская машина, из нее выбрались четыре человека. Симпатичный пожилой человек со звездочками на погонах сразу стал распоряжаться:

— Надо найти лопаты, покопаться на пожарище, чтобы установить, не сгорел ли кто-нибудь в сакле.

Сердце мое болезненно сжалось, слезы покатались из глаз.

Принесли лопаты. Люди принялись растаскивать обгоревшие бревна, отбрасывать в сторону пепел и угли. Над пепелищем поднялось черное облако.

В ужасе жду, когда обнаружат останки бабушки. Выкопали наш большой эмалированный чайник, железную спинку кровати, ведра...

Меня колотила нервная дрожь. Расчистили все пожарище и ничего не обнаружили. Открылся ход в наш небольшой погребок. Один из сотрудников милиции спустился туда, подал большую кастрюлю с остатками квашеной капусты на дне, потом вытащил ведра четыре картошки, несколько пустых мешков, увязанных в один сверток. Потом человек выбрался из погреба, в руках у него была бутылка. В бутылке виднелась бумага, горлышко было аккуратно замазано пластилином. Обухом топора бутылку разбили и извлекли бумагу, которая оказалась письмом для меня:

«Дорогая моя девочка! Обо мне не беспокойся. Я жива и здорова. Когда-то я больше двадцати лет жила в Средней Азии, очень хотелось хоть краем глаза глянуть на родные места, казалось, попади я туда — оближу языком все камни родного аула, вдоволь напьюсь

воды из своей реки — и больше ничего мне не нужно.

Если бы в те далекие времена у меня в голове оказались сегодняшние мозги, я бы шагу не сделала из Пахта-Арала. Не стал счастьем для меня родной аул. Здесь я лишилась всех близких для меня людей. Последней ушла ты, решив устроить свое счастье без моего участия. Обо мне душой не болей. Деньги у меня есть, найдутся и добрые люди, приютят. Когда по вечерам в полнолуние ты будешь глядеть на ночное светило, вспоминай обо мне, я в это время тоже буду глядеть на него. Будь счастлива в своей жизни».

Я снова разрыдалась, обнимала черные головешки, целовала их. Никто мне не мешал. Все терпеливо ждали, пока я выплачусь. Понемножку я успокоилась, только один вопрос острой занозой колол сердце: где теперь моя милая, хорошая, умная бабушка Салима?..

Я мыла посуду на кухне, когда в дверь позвонили. Мать по обыкновению лежит на диване, я кинулась открывать дверь. За порогом стоит неизвестная мне рослая конопатая женщина.

— Дома тетя Айшат? — спросила она.

Ничего не ответив ей, я подошла к матери.

— Тебя спрашивает какая-то женщина, — сообщила я свекрови и пошла на кухню.

Слышу, из коридора доносятся радостные возгласы, потом свекровь позвала меня:

— Сноха, где ты? Таня приехала!

Что за Таня? Вышла к ним.

— Это наша сноха, хозяйка Ибрагима, — представила меня мать.

— Ой, какая красивая, молодая! — с наигранным восторгом воскликнула гостья.

— Иди, поставь чайник, — распорядилась свекровь.

Теперь мое постоянное рабочее место — кухня. Гости у нас бывают часто, всех надо накормить, напоить, вымыть посуду. В зависимости от важности гостя, свекровь всегда шепчет мне, что подавать на стол.

По голосу матери я поняла, что в доме появился нужный человек, ее появление, наверное, сулит деньги. У свекрови и Ибрагима бог, вера и совесть состоят из бумажных рублей.

Заварила чай, пригласила их к столу.

Приезжая из своей сумки достала что-то завернутое в пергамент. Стараюсь не глядеть, что за «базарлык» — подарок с базара — скрывается под пергаментом.

Оказалось, две больших рыбы вяленых.

— Больше из Сибири вам в подарок ничего не смогла привезти: у нас все то же, что и у вас в магазинах, — пояснила гостья.

— Ах, зачем ты беспокоилась?

Обе женщины пьют чай, а я стою перед ними — то чай, то сахар, то масло подаю им.

— Красивая у вас сноха, — сказала гостья.

— Из очень хорошей семьи, — кивнула свекровь. — Если бы ты знала, какие у нее были дед, бабушка, отец и мать. Когда мне приходилось проходить мимо них, я всегда трепетала от великого почтения.

— Такая беленькая, ну просто русская. Только ты, Кулистан, извини, но брови у тебя густоваты, надо бы лишнее повыщипать, сделать их красивыми, тонкими дугами, тогда будешь просто ангелочек. Главное богатство

женщины — ее глаза, а у тебя они просто великолепные. Откуда только берет природа такую замечательную голубизну?

Из последних сил пытаюсь уберечь достоинство, но чувствую, как краской заливается лицо. Какой женщине не нравится разговор о ее красоте?..

У этой гостьи желтые глаза, круглое деревенское лицо, оттянутое двойным подбородком, большой рот. По лицу ее трудно определить возраст, но, похоже, ей уже за пятьдесят.

— Кызчык, не стой без дела! — говорит свекровь.

Рукоделием я всегда занимаюсь в своей комнате. Туда и пошла. Вяжу чехлы из белой, как серебро, шерсти. Столько уже навязали мои руки в семье, но платы за работу не полагается. На пару чулок не заработала! Все деньги у матери, а от нее только и слышу, что в доме нет ни копейки.

Невеселые мысли мои прервал дверной звонок, такой громкий, что я вздрогнула от неожиданности. Следом донесся голос матери:

— Келин, ты где? Почему не открываешь?

Заторопилась к двери, открыла. В коридоре стоит, улыбаясь во весь рот, Ибрагим. Только не для меня эта улыбка была заготовлена.

То, что у Ибрагима не находится для меня и доброго слова, — это отголосок характера моей свекрови. Жадность, подозрительность, суеверие в ее крови. Вот, к примеру, вымыла я ложку, положила ее в верхний ящик тумбочки на кухне. Мать немедленно оказывается рядом:

— Ты как ложку положила? Обязательно клади ручкой на восток. Положишь по-другому — нехороший признак: можешь вызвать смерть близкого человека.

Ибрагим, скупясь на улыбки для меня, матери выдает их столько, что на арбе не увезешь. Прошел мимо, слова не сказал, потом они с матерью прошли в комнату, где отдыхала Таня. До меня донеслись радостные возгласы, громкое чмоканье.

Через некоторое время они вышли в зал. Таня выглядит помолодевшей, морщинки у глаз исчезли, подкрашенные брови тонкими дугами расчертили лоб. У Ибрагима глаза сияют, как головни в ночи.

Третий день, как уехал мой хозяин с гостьей. Два раза звонили Ибрагиму с работы.

Свекровь очень натурально плакалась в телефонную трубку:

— Как огонь горит Ибрагим. В жару мечется мой мальчик. Доктор не велел вставать с постели...

Я до искристой дымки в глазах вяжу чехлы для самодельных шерстяных беретов. Много навязала. Мать, держа в ладонях сорок одну горошину, бродит из комнаты в комнату, гадает на сына, иногда вздыхает:

— Аллах, что же с ним могло случиться?

Молчу, ведь не у меня спрашивает свекровь, а у самого аллаха. Вяжу проклятые чехлы и жду, когда свекровь скажет: «Хватит!» Но, видно, забыла она это слово начисто, хотя в другое время на память не жалуется.

Ибрагим заведует реализацией силикатного кирпича. Его имя знают все индивидуаль-

ные застройщики области, и, по-моему, среди них нет ни одного, кто бы не доводился ему кровным родственником. Чуть ли не каждый день из аулов, станиц, хуторов приезжают к нам люди с деньгами. Когда Ибрагима нет дома, его с успехом заменяет мать. Меня при этом не стесняются...

Я думаю об этом, вывязывая осточертевшие чехлы. Потом пришла мысль, а какая из меня получится свекровь? Неужели и я буду сдирать с невестки шкуру, рвать с живой мясо? Ну уж нет! Слова плохого не скажу ни детям, ни зятьям, ни невесткам.

Вспомнилась и бабушка Салима. Где она теперь? Как живет? Что делает? Во мне почему-то растет уверенность, что бабушка нашла себе хорошее пристанище, а писем не пишет, потому что обижена на мое «самоуправство» в определении своей судьбы. Ах, как дорого бы я сейчас дала за то, чтобы моя милая бабушка узнала правду.

Свекровь раза два подходила к дверям, читая молитвы, перебирая янтарные четки, и снова скрывалась, так и не вымолвив долгожданного «хватит».

В третий раз она не вошла, а влетела в комнату:

— Приехали!

Наконец-то у меня появилась причина оторваться от изнурительного рукоделия и подняться с места.

Свекровь по очереди обняла обоих. Муж, как всегда, меня «не заметил», а Таня нашла нужным поцеловать меня, коснулась ярко накрашенными губами щеки, и от гостьи пахло густым запахом винного перегара.

Гостья тут же продемонстрировала сшитую для нее дубленку. Обновка хорошо сидела на ней, на голове — платок-паутинка. И в этом наряде она будто помолодела на два десятка лет. Платок, видно, кто-то в подарок преподнес ей, а, может, и Ибрагим по пьянке раздобрился и купил это белое чудо. По ее лицу за версту видно, что она умеет урвать при случае.

— Келин, вот ты холодное создание! Что такая хмурая стоишь? Хозяин твой жив-здоров, вернулся с дороги,— сделала замечание свекровь.

Поужинав, скоро Таня с Ибрагимом уехали в Минеральные Воды.

Когда мы с матерью выходили их провожать, Таня во дворе нагнулась к моему уху и тихо сказала:

— Ни один человек на земле так не любит карачаевцев, как я.

«Счастливые люди, если их любит такой человек, как Таня»,— подумала я, но вслух ничего не сказала.

Мы вернулись домой, и она меня снова усадила за производство чехлов, при одном упоминании о которых у меня тошнота к горлу подступает.

Сама приступила к пятому в этот день намазу и была на молитвенном коврике, когда вернулся Ибрагим. Увидев молящуюся мать, он не стал мешать ей, зашел ко мне и сказал:

— Таня передала большой поклон тебе и нашей матери.

Совсем непонятное сотворилось: за три месяца совместной жизни в этом доме я впервые услышала от мужа простые человеческие сло-

ва, а до этого для обращения со мной существовало лишь «эй», «ну», «нет», «да»...

Ночью принесли телеграмму на его имя. «Чем дальше от вас зпт тем горше тчк Та-ня», — значилось на стандартном телеграфном бланке.

— Несчастен тот человек, который связал свое сватовство с домом бедняка, — проповедует мне свекровь, отпирая большой сундук, закрывающийся на три замка.

Не надо быть очень умной, чтобы понять, в чье озеро кидает камешки свекровь, будто я на коленях умоляла пустить меня в этот дом, в эту семью, где только замки и деньги в почете, а до живой души и дела никому нет.

Сколько в области счастливейших семей, а меня угораздило попасть в постылую! Об этом я думаю, растирая уставшие от постоянного вязания пальцы.

Свекровь достала из сундука махровое полотенце, бросила его на диван, потом долго копалась, прежде чем достать мужскую сорочку в импортной упаковке. Держа ее в руках, она сказала:

— У этой рубашки великая история: мы подарили ее Джумарыковым, те — Тамбиевым, а они ею обрадовали Байчоровых. От Байчоровых она снова попала к Джумарыковым, потом к Тебуевым. Когда нам дали эту квартиру, на новоселье пришли женщины от Тебуевых и в подарок сыночку моему принесли эту рубашку...

Поведав мне «великую историю», свекровь положила сорочку на полотенце, у которого еще не было «истории».

Поверх сорочки свекровь бросила кримпленовый отрез на платье и вздохнула.

В этот день Ибрагим пришел с работы раньше обычного и, что удивительно, трезвый, веселый, даже походка стала у него, как у отчаянного джигита.

Едва он зашел, я заметалась: обтерла его выходные туфли, положила подушечку на его стул, побежала на кухню, чтобы приготовить еду на одну персону, как велела наша мать. Когда я готовлю, она отмеривает мне рис специальной пиалкой, молоко — стаканами, картофель отпускает поштучно. Если, не спросив разрешения, брошу в шорпу соль, свекровь так орет, словно в доме случился пожар.

На сей раз на еду Ибрагиму была отпущена самая малость:

— Сыночек, вы сегодня идете в гости, стол у черкесов, наверное, ломится от угощений. Я уже приготовила отличные подарки для них, нельзя же идти с пустыми руками...

Когда на наших электронных часах стрелки показали восемь, я уже принарядилась. Ибрагим тоже оделся в новый костюм, надел на руку массивные золотые часы, и мы вышли из квартиры. Идти далеко не надо: цель нашего визита здесь же, на лестничной площадке. Соседи черкесы пригласили нас, новобрачных, к себе в гости. По карачаевской этике мы несем им подарки.

Дверь распахнулась. Перед нами появилась красавица Цуца, вытиравшая мокрые руки прелестным фартучком. Окинув нас быстрым взглядом, засияла приветливой улыбкой, потом обернулась и позвала мужа. Я впервые официально иду в гости и настолько

растерялась, что от смущения готова провалиться сквозь землю.

В прихожую вышел Рауф, пригласил в квартиру. Мы вошли, я протянула хозяйке сверток с подарками.

Эту семью я знаю со слов свекрови. Они из старинного черкесского аула Хабез. Дети еще не обзавелись. Родители их живы-здоровы, но переезжать в город не хотят, чтобы не стеснять молодых. Вообще-то у них принято даже в аулах во дворе строить столько отдельных домов, сколько в семье сыновей.

Хозяева гостеприимно усаживают нас за стол в просторной комнате. В конце концов мужчины остались за столом, а я с Цуцей пошла на кухню.

Первое, что бросилось мне там в глаза — это квадратные куски белой, как снег, очень крутой кукурузной каши — традиционной национальной еды...

Цуца подала мне нож, две большие луковницы и сказала:

— Режь.

Огляделась, увидела висевший на гвозде деревянный кружок, сняла его и начала резать на нем лук. Цуца принесла с балкона полную банку топленого масла. Как у нас для желанных гостей готовят хычины, так у черкесов обязательно такое блюдо, как либже.

Стройная, как тростинка, Цуца вертится у плиты, объясняет мне тайны приготовления этого блюда. На огне кипит порезанная на мелкие куски курица. Хозяйка поставила рядом другую кастрюлю, положила туда хороший кусок сливочного масла с луком. Приятный запах разносится по кухне. Я запоминаю,

как Цуца обваренные куски курятины бросает в кастрюлю с поджаренным луком, как, энергично помешивая шумовкой, обсыпает содержимое кастрюли мукой. Скоро мясо покрылось румяной корочкой и выглядело настолько аппетитно, что у меня слюнки потекли и стало понятно, почему в старину эта еда предназначалась для князей.

Цуца очень обстоятельно рассказала мне, сколько чего потребуется для приготовления либже из одной курицы. Слушая ее, я мысленно давала обещание научить Цуцу готовить хычины и айран. Кулинарные рецепты разных народов расходятся по всей нашей стране. Словно в огромном котле перемешиваются национальные блюда, языки, обычаи.

Размышляя об этом, я продолжаю исподволь разглядывать хозяйку. Большие черные глаза ее очень выразительны, глянешь в них и сразу чувствуешь, что перед тобой воспитанный и умный человек. Красивая длинная шея, изящные длинные пальцы и никаких украшений. Может быть, именно поэтому красота Цуцы кажется особенно заметной и сразу поражает удивительной гармонией внешности, движений, взгляда...

Из зала доносятся голоса мужчин, у них свои заботы, свои разговоры.

Цуца стала накрывать на стол, я ей помогала. Когда вошла в зал, заметила, что Ибрагим мой словно помолодел: глаза блестят, голос звучит мужественным баритоном, выставленные напоказ золотые часы в ярком электрическом освещении сияют, как солнце.

У Рауфа широкие плечи, тонкий стан, белое лицо, губы словно спелые вишни. Я не

смотрю на него прямо, украдкой люблюсь. Внешне он холоден, но какая горянка не знает, что под мощными ледниками Эльбруса бушует глубоко скрытый яростный огонь, и я почему-то чувствую это всем своим изболевшимся женским сердцем.

Уселись за стол, на котором радующим глаз разноцветьем красуются краснобокие яблоки, оранжевые апельсины, сыры разных сортов, всякие закуски, дразнящие аппетит. Словно горные вершины на восходе солнца радужно переливаются хрустальные рюмки и бокалы.

Я еще ни разу в жизни не пила ни водки, ни вина, только видела, как другие глупеют, беспричинно веселятся, плачут или дерутся, хлебнув этого зелья.

Рауф, не глядя на нас, женщин, наполнил две рюмки водкой, потом потянулся к большой бутылке.

— Я и глотка сделать не смогу,— сказала Цуца.

— Если ты не станешь пить, и мы в рот ничего не возьмем,— заявил Ибрагим.

— У меня очень высокое давление, весь вечер болит и кружится голова,— тихо пояснила хозяйка.

Рауф сдернул серебристую обертку с горлышка массивной бутылки, наполнил бокалы шипучей жидкостью.

— Берите!

Ибрагим поднял рюмку.

— Счастье и покой вашему дому...— У него неожиданно прорвалось потоком красноречие.

После его тоста выпили и мы. Увидев, что

Цуца закусила шоколадкой, я тоже сняла обертку, откусила маленький кусочек. Мне, невестке Айшат, следует держаться на должной высоте. О достоинстве мне много раз толковала и бабушка Салима. Я навсегда запомнила ее рассказ о том, как в ее далекой молодости пришли сваты. Жизнь в то время была нищенской, к столу, как большое лакомство, подали блюдо воздушной кукурузы. Вот от одного зернышка Салима и откусывала несколько раз, чтобы не показаться гостям обжорой. Я тоже стараюсь держаться церемонно. Сижу, размышляю, а какой-то шайтан шепчет мне: «Посмотри на Рауфа»... Посмотрела. Ох, до чего же красив! И он глянул на меня, будто высоко-высоко в небо подкинул, сердце замерло, чуть не крикнула, но вовремя опомнилась, молча вынесла эту пытку. Теперь мне стало понятным, почему так много людей увлекается напитком, проклятым небом.

Рауф пододвинул ко мне тарелку, на которой лежали кусочки куриного мяса и большой пласт белой кукурузной каши. Это простое движение хозяина дома неожиданно успокоило меня, и я принялась есть уже не по бабушкиному предписанию, а сообразуясь с собственным аппетитом, тем более, что еда была очень вкусной.

Рауф на очень чистом русском языке стал рассказывать о своей семье. Мать и отец его в молодости работали учителями в национальной школе.

— Что-то с головоей моей неладно,— сказала Цуца.

— Не обращай внимания,— посоветовал Ибрагим.— Выпей еще немножко, пройдет.

Цуца не стала возражать.

Заметно повеселевшие мужчины с увлечением разговаривают, не забывая доливать в рюмки. Особенно усердствует Ибрагим. Это меня беспокоит, но сказать ему ничего не могу, нет у меня на это права. Свадебный обряд состоялся, но адат еще не дает свободы моим ногам, рукам, языку... Я обязана понравиться своим молчанием. Цуца тоже не пускается с ними в разговоры, хотя она закончила институт в Ашхабаде, работает инженером.

Прислушиваемся к разговору за столом, переглядываемся с Цуцей. Оказывается, Рауф занят в сельском хозяйстве, мечтает когда-нибудь получить звание «Заслуженный зоотехник РСФСР». Он рассказывает о каком-то своем товарище, который боится выезжать летом в урочище Щелканка, к местам стоянки скота.

Водка развязала мужчинам языки, они шутят и конца их беседе не видно. Ибрагим тоже смеется, рассказывает, как учился заочно в техникуме, передавал «хвосты».

Мы с Цуцей незаметно поднялись из-за стола и вышли из зала в другую комнату. Я подошла к окну, чтобы посмотреть на вечерний город, и вдруг за спиной услышала легкий вскрик. Обернулась и увидела, что Цуца судорожно вцепилась руками в спинку кровати и вот-вот упадет. Я кинулась к ней, поддержала, помогла сесть на кровать. Лицо хозяйки побелело, на чистом высоком лбу выступили крупные капли пота, а руки холодные, как ледышки.

Побежала за помощью к мужчинам, которые пересели за столик и играли в нарды.

— Цуце очень плохо! — крикнула я.

Рауф сразу бросился к телефону, а Ибрагим побежал за мной, на ходу спрашивая:

— Что случилось?

Потом мы втроем перенесли Цуцу на диван, она открыла глаза, такие большие, страдающие.

— Плохо дело, — сказал Рауф и торопливо вышел.

«Скорая» прибыла без задержки, врачи сняли кардиограмму, принялись измерять кровяное давление, делать уколы. Рауф привел еще одного врача. Больная уже в сознание не приходила.

За каких-то полчаса не стало красавицы Цуцы.

В квартиру набилось множество людей, переговариваются, женщины громко плачут.

Врачи сказали, что причиной смерти Цуцы был инсульт. Это страшное слово я теперь запомню на всю жизнь.

По-прежнему живу без радости. В зале красуется блестящая, как зеркало, стенка, набитая сервизами, хрусталем, дорогие гарнитуры в двух спальнях и на кухне. Много ковров и только восточные: из Японии, Китая, Вьетнама — не дом, а выставка импортной продукции. У свекрови душа уходит в пятки от страха, что все это богатство со временем станет моей собственностью.

Кто знает, как сложится жизнь? Может, я раньше всех умру, как моя соседка, и зачем же свекрови портить себе кровь?

В нашей спальне большой шкаф набит книгами, их красочные, тисненные золотом

корешки застыли на полках в покорной неподвижности только для того, чтобы я их время от времени протирала от пыли. Читать мне не разрешается. Принесенные из магазина, они так ни разу и не открывались. Появилась мода на книги — и Ибрагим набил ими шкаф.

И меня они приволокли в эту квартиру, чтобы по всем двадцати шести аулам Карачая прошел слух: «Ибрагим жену себе украл!» Украла и для того, чтобы свекровь в ответ на вопрос, из какого я роду-племени, могла ответить: «Из очень хорошей фамилии».

В этом доме я в одном ряду с коврами, гарнитурами, книгами...

Свекровь бойко расторговывает сотнями и тысячами силикатных кирпичей, хотя вроде бы их никогда и в глаза не видела. Знаю, воровство никогда добром не кончается, жизнь все равно домотает клубок до последнего узла. Успокаиваю себя тем, что не имею к этой торговле никакого отношения.

Наша мать в свободное время постоянно меня поучает, воспитывает. Я уже так к этому привыкла, что научилась не слышать ее. Занимаюсь рукоделием, думаю о своем. Свекровь иногда замечает мое невнимание и повышает голос:

— Келин, я тебе говорю!

Сегодня поминки Цуцы. Из коридора доносится женский говор. К нам заходит тетка Цуцы — Фаризат.

— Айшат, — обращается она к свекрови, — наша плита вся занята кастрюлями, а тут тесто подошло. Разреши на твоей плите приготовить локумы?

— Давайте тесто, мы с невесткой все сделаем.

— Хорошо,— сказала Фаризат, и они ушли.

Свекровь вернулась скоро.

— Келин,— сказала она деловито,— неси казан с ручками, будем готовить.

Я отыскала в подвале казан, вычистила его, поставила на плиту. Жду следующей команды. Мать снова ушла к соседям и быстро возвратилась, переполненная новостями:

— Очень хорошо подошло тесто. Там я познакомилась с матерью депутата Верховного Совета. Эта депутат очень хорошая девушка. Ее зовут Бэла, работает дояркой, надоила от каждой коровы по четыре тысячи килограммов молока. Может быть, это и придумано, кто знает... Ладно, пойдем, тесто принесем.

В квартире наших соседей полно женщин. Я с одной из них перенесла на нашу кухню большой эмалированный таз, на котором горой возвышалось тесто. За нами, с решительным видом закатывая рукава, шла свекровь. Спектакль с рукавами ей понадобился, чтобы все видели, кто в нашей семье главный работник.

На кухне мать сказала Цоне:

— Ты возвращайся, мы все приготовим сами.

Посыпав разделочную доску мукой, принялись месить и раскатывать тесто, готовые куски опускали в кипящее в казане масло, вынимали обжарившиеся в масле локумы.

Свекровь недовольно ворчала:

— Клянусь концом света, если бы ты знала, как я не люблю это подсолнечное масло.

Когда мы сидели еще в родительском доме, жили богато и для приготовления блюд из теста употребляли курдючное сало, топленый жир, а то и топленое сливочное масло. А теперь только маргарин или растительное масло. Разве на этом можно приготовить настоящие локумы?

Раза два заходила Фаризат, молча смотрела на нашу работу. При ее появлении наша мать связывала брови на переносице в тугий узел, и я очень боялась, что она сунет тесто непрошеной гостье в руки и с руганью выводит. С нее станется. При одной мысли об этом меня пробирает дрожь. Но все обходится благополучно, видимо, наша мать понимает, что сейчас не тот случай, когда можно показать характер.

Кипящее масло глухо шумело в казане, и в этом же шуме мне вдруг слышались будто бы неясные причитания бабушки Салимы, вспомнилась Цуца, какой я ее видела в последний раз. Все расплылось перед глазами.

Свекровь, заметив слезы у меня на лице, вздохнула:

— Рано ушла бедная Цуца, есть от чего заплакать. Хоть бы ребеночек остался от нее для продолжения ее имени в жизни...

Как всегда молчу, хотя очень хочется излить горечь, накопившуюся в сердце.

Наша кулинарная продукция едва разместилась на двух больших подносах, и мы со свекровью понесли их. Молодой снохе нельзя гдазеть по сторонам, словно ветреной девчонке. В зале сидят пожилые мужчины и один из них рокочущим басом нараспев читает что-то из корана на арабском языке.

Из второй комнаты вынесли всю мебель, застелили пол коврами, и на них молча сидят женщины, внимательно слушая молитву.

Поднос из моих рук взяла Фаризат, и я возвратилась в свою квартиру. Свекровь осталась, видимо, ее пригласили на поминки. В одиночестве меня снова стали одолевать грустные мысли, с трудом сдерживаю слезы.

Резко прозвенел звонок. Вздвигнув от неожиданности, я пошла открывать дверь. У порога стояла Соня, молодая женщина из моего родного аула. Сейчас она живет в городе и работает медсестрой в больнице.

Я распахнула дверь пошире, пригласила:
— Заходи.

— Некогда мне. В аул пришло письмо от Салимы. Ее адрес Нурсия просила передать тебе.— Соня торопливо достала из сумочки бумажку, протянула мне и сразу же, даже не попрощавшись, ушла.

Новость меня настолько поразила, что даже спасибо ей не сказала.

Долго стояла перед раскрытой дверью, прижав драгоценную бумажку к груди, потом закрыла дверь, прочитала адрес. В Средней Азии бабушка, живет в каракулеводческом совхозе «Чемкурганский». Милая, родная бабушка, как же ты далеко!

В этот же день пришло письмо из Кемерово. Таня написала матери, судя по толщине конверта, совсем немного. Неужели опять собирается приехать? Мне этого совсем не хочется. Чтобы хоть как-то успокоиться, села за рукоделне и мыслями улетела далеко, к бабушке, пыталась представить, как она живет, что сейчас делает... В этом доме я только

думать не боюсь без разрешения свекрови. Что-то задержалась она. Ибрагим тоже не появляется, но к его слишком поздним возвращениям с работы я уже привыкла, безропотно переношу и то, что от него несет спиртным. Откуда только деньги берет на эти ежевечерние выпивки? Наверное, торговля кирпичом осуществляется не только свекровью, которая в утешение мне часто говорит: «Если у женщины нет нужды в еде и тело прикрыто нарядами, что еще нужно ей в этой жизни?..» — и этими словами накрепко замыкает мои губы на замок. За сыночка своего она горой стоит, а тот, когда входит в квартиру, сразу бросается к матери: «Ана, как самочувствие, не болит ли что?» Я не в счет, мое здоровье здесь никого не интересует...

Мои размышления прервала Цона. Она вошла без звонка, остановилась передо мной: — Пойдем, помяни бедную Цуцу, она очень любила тебя...

Отряхивая с себя тонкие волокна шерсти, пошла за нею. Все внутри у меня сжалось, так оробела, что ничего не видела вокруг. Пришла в себя только за столом в обществе молодых замужних женщин. Это меня несколько успокоило. В комнатах никто не плачет, не причитает, просто сидят, тихо разговаривают и едят. Попыталась есть и я, с трудом проглотила немного каши, несколько маленьких кусочков куриного мяса.

— Если есть загробный мир, пусть это блюдо будет райской пищей нашей Цуце, — сказала молодая женщина.

Я посмотрела в ее сторону: у нее были такие же глаза, как у Цуцы.

Женщины стали подниматься со своих мест. С ними к выходу пошла и я.

У дверей кухни стоял Рауф. Я прошла мимо него молча.

Наша мать вернулась раньше меня. Закрыв дверь, я услышала:

— Хороший обед приготовили соседи. Замечательные они люди, ну прямо, как караевцы.

Беседу на эту тему я не поддержала, отдала матери письмо от Тани. Прочитав его, свекровь сказала:

— Это очень хорошее известие. До ее приезда нам с тобою предстоит хорошо поработать.— На ее лице появилась улыбка, но она тут же спохватилась: — Я не совершила еще вечернюю молитву, надо наверстать упущенное, а то аллах никогда не простит мне этого.

Я пошла на кухню, налила в кумган теплой воды, взяла тазик для омовения и намазлык — все это принесла свекрови. Она, шепотом прочитав молитву, обмыла лицо, руки, ноги, провела рукой по волосам, прошла в зал, опустилась на свой красный ворсистый коврик и принялась истово молиться.

Стрелки настенных часов показывали, что время перевалило за полночь. Ибрагим все еще не появлялся с работы. «Задерживается на службе», — как всегда в таких случаях говорит мать, и я ей не перечу.

Со времени поминок Цуцы прошло две недели. Мать извелась в ожидании Тани, а та сама не едет и писем больше не пишет. Свекровь за это время замучила меня окончательно бесконечным вязанием шапок, съездила в

горы и в каком-то ауле поменяла одежду, посуду, обувь на шерстяные изделия, теперь вся эта продукция горой лежит прямо на полу в комнате матери. У нее постоянно чешется левая ладонь, но денег еще нет. Такое несоответствие доброй приметы с печальной реальностью настолько выводит ее из душевного равновесия, что она то и дело принимается гадать на фасолинах. Раскладывает их на столе, тихонько приговаривая: «Ноги тронулись с места, за пазухой полно денег...» Но и фасоль денег не приносит. Это так выбивает мою свекровь из колеи, что она больше не заставляет меня вязать шапки. Слоняюсь из угла в угол, бездельничаю, как королева.

Наверное, от нервного расстройства свекровь заболела чем-то похожим на грипп. Врачей она не признает, лечится сама: раствором соли полощет рот.

Как-то к концу дня она поела, полечилась по своему способу и улеглась спать, а я принялась гладить белье, которого настирала целый ворох. Вдруг слышу, кто-то своим ключом открывает дверь. Пришел Ибрагим и привел своего друга. Оба веселые.

— Гостя к тебе привел,— сказал Ибрагим.

— С добром и радостью проходите, садитесь,— попыталась я изобразить гостеприимную хозяйку.

— Как здоровье матери? — поинтересовался Ибрагим.

— Ничего. Спит наша мать.

— Ты ее не буди, накрой нам стол на кухне,— распорядился супруг.

Быстро накрыла на стол, даже грибы консервированные выставила. У нас в семье их не

едят, но Ибрагиму до этого дела нет. Ему куда важнее, чтобы кто-то сказал: «Был у Ибрагима и кушал такие вкусные грибы...»

Утром в дверном проеме показался Ибрагим, зеленоватый с похмелья.

— Чего лежишь? — недовольно спросил он.

Я встала. Муж пошел за мной, бормоча:

— Голова болит.

Мать вышла нам навстречу.

— Что за шум? Не даете поспать... — Тут она увидела появившегося с кухни мужчину и восторженно закричала: — Чтоб я вперед тебя умерла, Мурадин! Это ты у нас? — Старательно изображая на лице безмерную радость, обняла этого гуляку, зная, что, если взглянет косо на друга своего сыночка, тот ей никогда не простит. Именно поэтому и раздаются фальшивые веселые возгласы. О, как я ненавижу этот насквозь пропитанный ложью род!

— Вчера вечером немного задержались, — невнятно говорит Мурадин.

— Ничего, ничего! Какая разница между твоим домом и нашим! — продолжает спектакль свекровь. — Келин, душа моя, что ты стоишь?

— Нам только чай, больше ничего не надо, — говорит Ибрагим.

— Пусть спасет аллах! Что такое «только чай»... У нас все есть.

— Айшат, мать моя, — снова вступает в разговор Мурадин, — я тебя никогда не стесняюсь, но не смогу руку приблизить ко рту.

— Мы очень спешим, мама, приготовьте нам только чай, — сказал Ибрагим.

В конце концов мужчины ушли, опустив головы, как дети, пойманные на чужом огороде с ворованной редиской. Думаю, что это вовсе не от угрызений совести — жесткое похмелье пригнуло их головы.

Мать проводила их до порога, прикрыла за ними дверь.

— Келин?

— Что угодно?

— Давай сядем и напьемся чаю вдоволь, — сказала свекровь, направляясь к столу.

Это что-то новое. Обычно, когда она ест или пьет чай, я только прислуживаю ей, но сегодня свекровь — сама доброта. Она даже пытается как-то утешить меня:

— Женщина — бедное существо. Но что делать, против обычая, установленного предками, нельзя идти. Если у женщины есть очаг — он ее рабочее место, а мужчине все можно, на то он и мужчина...

Мать ждет улыбки на моем лице, но я не умею улыбаться, когда горе точит сердце. Тогда она пускает в ход сильно действующее на женщин средство:

— Келин, я договорилась купить тебе пальто такого же цвета, как у Павлины, но Люба сказала, что сейчас такого цвета на складе нет. Договорились, как только появится пальто темно-синего или бордового цвета, она мне скажет, и сразу купим... Ты почему молчишь?

Если и на этот раз смолчу — грянет буря. Пытаюсь улыбнуться:

— Если скажу: купи мне пальто — как потом тебе в глаза смотреть буду?

— Душа моя! Вот что значит скромный и

воспитанный человек благородной крови! — пришла в восторг свекровь. — Да я тебя как куклу одену. Разве ты мне не дочь? Назло своим врагам разодену тебя, пусть они дохнут от зависти. Я их уничтожу твоими нарядами!

Даже доброе дело ей обязательно надо обернуть кому-то во зло. Как ни странно, но такой способ мести меня рассмешил, я улыбнулась вполне по-человечески и даже стакан чаю выпила вместе с нею. После чая почувствовала, насколько голодна, но просить еду не решилась, тем более, что у матери начался приступ «ветреной болезни». Этот «ветер» постоянно поселяется у нее то в шее, то хватает за сердце.. Почему «ветренная» — не знаю. Пусть как хочет называет свои недуги. Я как-то рассказала о ее болезни соседке по дому, которая работает в больнице. Она дала направление, чтобы мать ходила в лабораторию и проверилась на бруцеллез. Но убедить ее пойти в лабораторию не удалось ни мне, ни Ибрагиму.

Вот и сейчас она вдруг вся превратилась в болезнь, глаза подвела под лоб, застонала, завздыхала и, подволкаивая ноги, пошла в свою спальню, совсем слабым голосом отдавая распоряжение:

— Келин, приготовь мне медовую воду и принеси...

Торопливо налила неполный стакан кипяченой воды, положила туда столовую ложку майского меда, хорошо перемешала, поставила стакан на блюдце и пошла в спальню свекрови. У ее кровати стоит маленький столик, на котором всегда лежат коран и четки, туда и пристроила принесенное питье и стою в ожи-

дании дальнейших указаний. Их может не последовать, свекровь будет «умирать» и рассказывать, где лежат принадлежности, приготовленные к ее похоронам — метров двадцать пять белой бязи, шесть метров зеленого креп-дешина — любимого цвета пророка Магомета и всех мусульман, шелковый платок, французские духи, пять кусков туалетного мыла...

Свекровь выпивает «лекарство», словно обессиленная откидывается на подушки, слабым голосом говорит:

— Мягкая душа у тебя, прямо как у нас... Мы ведь тоже добрые, мягкие люди... — Она закрывает глаза и скоро мирно засыпает, а я отправляюсь на кухню мыть посуду. Потом буду убирать в комнатах. Порядок в доме — лицо невестки. Хочется есть. Когда приходит гость, мы готовим манты, плов, хычины и другие вкусные блюда, а в обычные дни обходимся рисовой кашей на молоке и чаем. «Ишак в горах знает свою тропу...» Моя тропа в городе — от дома до продовольственного магазина. Передвигаясь по этому маршруту, стараюсь не спешить, чтобы как следует разглядеть женские наряды, прически, украшения. Возьму в магазине литр молока — и обратно таким же порядком. Торопиться нельзя. Свекровь в это время тайком заправляется едой из припрятанных запасов.

Бабушка Салима говорила: «Если хорошая лошадь попадет в стадо ослов, она постепенно превращается в осла...» Мне иногда тоже хочется обзавестись собственным продуктовым тайником.

Уборка моя близится к концу. Зазвонил телефон. Пошла, подняла трубку.

— Кулистан, это ты? — доносится незнакомый женский голос.

— Я.

— Была ты, теперь не ты!

— Не понимаю, о чем...

— А что тут непонятного? Ибрагим женился на тебе по ошибке. Хватит тебе с ним жить. Теперь моя очередь супружничать, отмой руки от дорогого тебе человека...

Словно ядовитую змею бросила я телефонную трубку. Меня стала колотить дрожь.

Забыв о своей «ветреной болезни», из своей спальни выскочила мать.

— Кто звонил? Кто это повадился лезть в наш дом через эту черную ложку? С кем это ты ведешь душевные разговоры? — заорала она на меня.

— Любовницы твоего сына звонят, — зло ответила я.

— Ты что?! Ребеночек мой в своей жизни чист, как лук-чеснок! Какие у него могут быть любовницы? — обрушилась на меня мать.

На мое счастье, снова зазвонил телефон. Свекровь схватила трубку, прижала к уху. Я видела, как она сначала побледнела, потом стала медленно краснеть, на лбу выступили капельки пота.

— Чтоб твои челюсти парализовало! Бесстыжая из бесстыжих, чтоб ты стала женой своего отца! Не звони больше сюда!

Но, видно, на другом конце провода была особа не из пугливых и языкатая, не хуже моей свекрови.

— До ста раз по твоему плохому глазу, брошенная на улице, несватанная! — выкрикнула мать и кинула трубку на аппарат.

С головы ее сполз платок, волосы разлохматились.

— Какая-то сука, чтоб она умерла не своей смертью, хочет развалить нашу семью. Сама знаешь, келин, у хорошего человека всегда полно врагов. Но не на таких напала, завистливая тварь!

Мелкий шайтан влетел в мое сердце и шепчет: «Какие могут быть враги, если ты по-настоящему хороший человек»?.. А свекровь продолжает развивать свою мысль:

— Тут есть две распущенные сестры. Сами они из аула Мушт, проклятые. Без национальности, собаки! Конечно, у моего мальчика со всех десяти пальцев сыплется золото — вот и лезут к нему. Одну из них кто-то сватал, свадьба даже была большая, но тут же вернули ее домой. Понимаешь теперь, какие они?

Странный человек моя свекровь: иногда после скандала она моментально заболевает, ложится в постель, а иной раз перебранка будто вливает в нее новые силы, и она с большей энергией принимается за какое-нибудь дело. Сегодня все идет по второму варианту сценария. Мать, выговорившись и всласть накричавшись, направилась на кухню, положила в кастрюлю большой кусок жирного мяса и принялась варить.

Я вернулась в свою спальню и привычно тяну шерсть тонкой нитью, и она так же бесконечна, как мои невеселые мысли. В нехитрой, однообразной работе постепенно успокаиваюсь. Из кухни доносится звяканье ложки, и я отправляюсь туда, чтобы осведомиться, не нужна ли моя помощь.

Свекровь сидит за столом, перед нею ста-

кан, в котором больше малинового варенья, чем чаю.

— Тебе ничего не нужно? — спросила я.

Немного смутившись, видно, не ожидала она моего появления, отрицательно качает головой.

— Немного шерсти осталось, хочу закончить, — сказала я и вернулась в свою спальню.

Очень хотелось написать письмо бабушке, но сделать это в присутствии свекрови я не могла: кто знает, как она на это посмотрит?

Принялась за работу, путаясь в своих думах, как курица в куче чесаной шерсти. Вдруг услышала громкую отрывку. В дверях стояла наша мать с лицом, порозовевшим от горячего чая. Я вскочила на ноги.

— Ты бы слышала, как она разговаривала со мной по телефону. Несчастье в дом вползает незаметно, словно пепел падает обратно в трубу сакли. Что нам делать?! Кто нам в беде нашей поможет? — завывала не своим голосом свекровь.

В растерянности я не сразу кинулась утешать ее, и это оказалось серьезным упущением, мать сразу накинулась на меня:

— Что стоишь? Почему не утешаешь? Почему не просишь, чтобы я не плакала!

Что делать? Пришлось обнять ее за плечи, бормотать что-то непонятное, но жалобное. Я даже заплакала от обиды за несправедливый крик на меня.

Увидев слезы на моих глазах, свекровь моментально подобрела и даже попыталась по-своему утешить:

— Поплачь, келин, поплачь — это хорошо, слезы всегда приносят облегчение...

Наконец приехала Таня. Мать юлой вертится вокруг гостыи, расточая лучезарные улыбки, а на родном языке говорит мне:

— Келин, вот бы снять с этой бесстыжей души красивый японский жилет для тебя.

Таня рассыпается в любезностях:

— Я так люблю карачаевцев, так люблю, часть своего сердца отдала бы вам, если бы это было возможно.

Гостыя вгрызается крепкими зубами в солидный кусок вареной баранины.

Наша мать благосклонно кивает:

— И ты замечательный человек, ты воспитана ну прямо как мусульманка...

Две лисы за одним столом. Я же вижу, что Таня совсем не любит мою мать, а гостыя для свекрови — всего лишь мешок, набитый деньгами.

Свекровь снова переходит на родной, непонятный для сибирячки язык:

— Мужичка есть мужичка: под глазами краски по чайной ложке, а лицо, как плохо отштукатуренный дом...

Хорошо, что гостыя не понимает этих слов. Совсем недавно, стоя перед зеркалом, она хвасталась, что косметика у нее только французская, самого высокого качества. Оглядев меня, сказала:

— У тебя шея, как у Зинаиды Кириенко. При такой длинной, изящной шее хорошо носить декольтированное платье, продолговатые серьги. А косы твои не знаю с чем сравнить. Чем ты их моешь?

— Айраном.

— Поэтому они у тебя и не секутся. А я свои шампунями сожгла.

Ибрагим о ее приезде пока ничего не знает, и свекровь идет к телефону для того, чтобы сообщить ему радостную весть, и сообщается она на родном языке:

— Приехала та, у которой могила должна кричать от мук... Да, да... Ты на работе не задерживайся и никому о ее приезде не сообщай, а то перехватят, и мы на бобах останемся. А еще лучше прямо сейчас приезжай, дело очень срочное есть...

Положив трубку, свекровь поворачивается к Тане и уже по-русски проявляет заботу:

— Ты хорошо отдохни с дороги, а мы должны в один аул съездить: умер наш близкий родственник, надо отдать ему последний долг...

Это для меня новость! Но я сразу же сообщаю, что свекровь корысти ради пускается на такую бессовестную ложь. А она без малейших угрызений совести продолжает говорить:

— С дороги обязательно надо как следует отдохнуть.

— Ты на чем поедешь? — спрашивает Таня.

— На машине Ибрагима. Другого транспорта у меня нет.

— Мне край надо к Абук-Алия попасть.

— Куда спешить? Завтра поедешь, а сейчас отдыхай, — стоит на своем наша мать.

— Хорошо, — неохотно соглашается Таня, понимая, что другого выхода у нее нет.

Ибрагим приехал скоро, с гостьей в губы поцеловался. Свекровь сразу же пустилась в объяснения по этому поводу:

— У них такой адат, душа моя. Это у русских в библии записано. На чью арбу садишься — того и песню пой.— И обратилась к сыну:

— Тогда давай скоренько съездим в дом Хаджат, кое-какие торговые дела надо уладить.

«Мальчик» не стал протестовать, и сразу словно буря забушевала в комнатах, зазвенели замки, ключи, полетели какие-то тряпки, загремела посуда....

У Ибрагима в глазах словно лампочки горят, когда он смотрит на гостью. Спасибо гостье, разбудила в нем что-то, а то он всегда выглядит бесчувственным пугалом.

Буря в квартире улеглась, у нашей матери в руках большая сумка, сынок смотрит на нее, ожидая распоряжений. Ушли наконец.

В квартире остались я и гостья. Молчим, каждый свои думы думает.

Молчание прервала Таня.

— Странные у вас обычаи,— сказала она.

— У вас еще больше странного,— спокойно сказала я.

— Что же у нас странного?

— У тебя, например, совести нет.

— Почему же это у меня совести нет? —

Широкое лицо Тани заметно покраснело.

— Откуда мне знать почему?

— Зря ты меня обижаешь.

— Говорю, как думаю.

— А думаешь плохо и плохое говоришь.

Я же тебе плохого ничего не говорю.

— Скажи, если есть что.

— Зачем? Я культурный человек....

— Вижу я твою культуру.

— Что же нам теперь... драться?

— Не надо. Нам с тобой землю, воду не делить, а плохо о тебе думать у меня есть основания.

Гостья отлично знала, что такие основания у меня действительно есть, и замолчала. На том и кончилась наша беседа, а тут еще звонок дверной звякнул. Открыла. На лестничной площадке стоит Рауф. Увидела его, в пол уставилась.

— Кулистан, у вас не найдется белых ниток? — спросил он.

Я кивнула и пошла за нитками, а Таня, видно, разглядев красоту гостя, кокетливо поздоровалась с ним и настойчиво стала зазывать его в квартиру:

— Проходите. Что же стали у порога и стоите... Почему не уважаете женщин-соседей?..

— В вашем доме ни одного мужчины, как же мне к вам зайти? — вежливо говорит ей Рауф.

— Ну и обычай! — возмущается сибирячка. — Да для женщины самое большое счастье, если к ней заходит мужчина.

Я бестолково мечусь по комнате в поисках ниток, но прислушиваться к тому, что происходит в коридоре, не забываю. Там Таня осаждает гостя расспросами:

— Сколько вам лет?

— Тридцать три, — все тем же вежливым ровным голосом отвечает Рауф.

— Вы тоже карачаевец?

— Нет, черкес.

— Вот не подумала бы. Я когда приезжаю в этот город, всех считаю карачаевцами...

Нитки я обнаружила на подоконнике и от-

несла их Рауфу. Мне очень хотелось, чтобы он скорее избавился от этой назойливой женщины.

Получив нитки, Рауф ушел. Не успела я закрыть дверь, как лавина вопросов обрушилась на меня.

Недавно свекровь мне сообщила, что купит вязальную машину «Меда», чтобы я могла вязать платки-паутинки. Радоваться особо нечему. Буду сидеть днями и ночами за машинкой, а ей ведь и в голову не придет дать мне какой-то рубль на мои личные мелкие расходы. Она искренне убеждена, что мне это совершенно не нужно. Я сыта, на макушку мне не капает, что еще надо женщине, сидящей на шее мужа?

Тяну бесконечную шерстяную нить для шапок. Снова звякнул звонок. Я не пошла к двери. Открыла Таня. Услышала голос Ибрагима, но с места не встала, сделала вид, что не слышала звонка.

В нашу комнату зашел Ибрагим, недовольно спросил:

— Ты почему здесь сидишь, а Таня там одна?

Мужу прекословить не полагается. Я встаю и иду к гостье, останавливаюсь около нее, успокаивая себя пословицей: «Дохлый ишак волков не боится».

Подошел и Ибрагим, и я вдруг обнаружила, что до сих пор как следует не знаю своего мужа в лицо. Я привыкла узнавать его по звуку шагов, сопению, голосу, а спроси, какие у него брови, глаза, губы — не знаю.

— А где мать? — задала вопрос Таня.

— Там, у родственников осталась, завтра приедет. Машину, пожалуй, в гараж надо поставить.

— Конечно,— сказала гостья,— куда теперь поедешь? Поздно уже.

— Хорошо. А вечером пойдем прогуляемся по городу,— решил мой супруг и ушел.

Таня предложила:

— Кулистан, давайте сегодня все пойдем в какой-нибудь приличный ресторан, от души повеселимся. Ты была хоть раз в ресторане?

— Нет, не была.

— Все-таки странные у вас обычаи. Мужикам вашим полная воля и свобода, а бабам — шиш под нос. Ты пока подумай, как тебе принарядиться для ресторана, а я попытаюсь уговорить твоего мужа.

Ибрагим внимательно посмотрел на Таню, потом на меня, криво усмехнулся и сказал по-русски:

— Желание дорогой гостьи — закон. Все будет так, как ты скажешь,— а для меня на родном языке добавил: — Оденься получше, пойдешь с нами.

Что творится на белом свете! Ибрагим своей жене, которая в городе двигалась только по одному маршруту — дом — магазин, предлагает пойти в ресторан. От изумления не могу произнести ни слова, и это вызывает раздражение моего супруга:

— Ну что ты молчишь? Одевайся!

— Вы идите, а я останусь,— сказала я, хотя пойти очень хотелось. Мне нечего одеть для такого случая. Не идти же в ресторан в своем потертом красном пальто. Я плохо представляю, как надо себя вести в таком месте. Надо

пить, есть на глазах у множества людей, а я за всю свою жизнь выпила всего один бокал шампанского у Рауфа.

Глаза Ибрагима радостно заблестели, и я впервые обнаружила, что они у него довольно красивые, совсем не такие лживые, как его губы, которые пытались выразить недовольство:

— Не в ту сторону тянешь. Тяжелый ты человек, и поэтому сама себя делаешь несчастной.

Шесть тетрадных страниц исписала я. Много ласковых слов сказала. Все странички испятнала каплями слез. Послание свое спрятала в шифоньер, решив во время первого же похода в магазин утаить от свекрови пяточок и купить на него конверт, благо конверты теперь продают и в продовольственных магазинах.

Письмо бабушке написано. На какое-то время это занятие увело меня в прошлое, в наше совместное с бабушкой житье, в то заточение в родной сакле, по сравнению с которой нынешняя моя жизнь кажется настоящей тюрьмой. С новой силой накатилась обида: они там, в ресторане, пьют, едят, веселятся, а тут...

Подошла к окну на кухне. В ночной темноте, окутавшей город, светятся окна. Рядами громоздятся они друг над другом, тусклые и яркие. Мне почему-то кажется, что там, где окна освещены еле-еле, и жизнь идет серая, в чем-то похожая на мою. Интересно, светятся ли сейчас окна в квартире Рауфа? Надо бы научиться у нашей матери гадать на фасоли, чтобы можно было разложить пестрые фасо-

лины на столе и сразу знать, что меня ждет и «чем сердце успокоится», как любят говорить цыганки.

Резкий звонок прервал мои размышления, Поспешно открыла дверь. Увидела Таню. Ибрагима с нею не было.

— А где Ибрагим? — спросила я.

Сибирячка вместо ответа внезапно обняла меня и заплакала, я испуганно отшатнулась от нее:

— В чем дело? Что случилось? Ты где Ибрагима оставила?

— Это он меня бросил на улице, — сказала Таня, вытирая глаза.

— Как это «бросил»?

— Посидели мы в ресторане, потанцевали немного, потом я сказала, что пора домой. Он не стал возражать. Вышли на улицу, а когда дошли до девятиэтажного дома, тут он исчез, будто растворился в темноте. Я стояла, стояла, а потом сюда пошла. По-моему, он в подъезд того дома нырнул.

— Где это?

— Пойдем, покажу.

— Зачем мы туда пойдем?

— Как это «зачем»? Муж он тебе или не муж? Может, он к девке какой направился.

— Наши мужчины, куда бы не ходили, все равно домой возвращаются, — не слишком уверенно сказала я.

— Куда ж им деваться? Конечно, возвращаются, а где и с кем гуляют, тебе не интересно? Да если бы мой мужик такие коники стал выкидывать, я бы его так разукрасила, что его на работе не узнали бы. Ну-ка, одевайся! Слишком много воли вы своим мужчи-

кам даете. От того они вас и за людей не считают. Ну, чего стоишь столбом? Пошли!

Решительный тон сибирячки на меня подействовал и, накинув на плечи свое красное пальто, пошла за нею.

В голубоватом свете придорожных светильников улица выглядела незнакомой и немного таинственной. Шелестя шинами торопливо проскальзывают автомобили. Таня, схватив меня под руку, почти тащит вперед. Время приближается к полуночи, в многоэтажных домах только редкие окна освещены. Где-то сверху пьяными голосами довольно дружно поют:

Сама буду поливати дрибною слезою...

И вдруг с еще большей высоты хрипловатый мужской голос громко затянул на карачевском языке:

Ой когда я встаю утром рано
и смотрю кругом
на вершины Тебердинских гор...

— Это он, да? — высоко задрав голову, спросила Таня.

Обида перехватила мне горло, я промолчала, но сибирячка остановила направлявшуюся в подъезд дома молодую пару:

— Что это за человек так громко поет?

Парень усмехнулся, блеснув зубами:

— Ибрагим нашу соседку завлекает.

Стою, не зная, что делать. В сердце пустота, в голове ни одной мысли, а песня Ибрагима, словно мощная каменная осыпь, наваливается и наваливается на меня. Таня тянет за рукав пальто:

— Пойдем ей мозги вправим.

— Не пойду туда,— твердо сказала я и пошла к дому.

— Ну и зря. Таких учить надо. Иначе они...— бормотала за моей спиной гостья.

В ту ночь я долго не могла заснуть и вообще, кажется, не спала, видения, страшные, сумбурные, будто в громадном котле кружили меня, а когда пришла в себя, оказалось, что уже утро и рядом со мной храпит Ибрагим. Долго расчесывала волосы перед зеркалом. Мимо прошел. Ибрагим, буркнул, на меня и не глянув:

— Вечером Абук-Алий мне встретился, напился в стельку. К себе домой не хотелось его вести, пришлось оставить Таню и устраивать его на ночлег. Чуть ли не до утра провозился...

Молчу. Не сказала даже, что надо рубашку переменить: воротник очень грязный.

Ибрагим ушел, больше не сказав мне ни слова.

А гостья тем временем жаловалась на свою жизнь:

— Думаешь, нужда меня через всю страну заставляет мотаться? Да у меня денег — куры не клюют. Оно ж как бывает: чем больше имеешь, тем больше иметь хочется. А если подумать, на кой черт мне все это нужно? Живу одна, как перст. И замуж выйти теперь боюсь. Приведешь в дом какого-нибудь кобеля, а он, как узнает, что я имею, еще прихлопнет. Чужая душа — потемки, поди угадай, что у него на уме?

Гостья вздохнула, широкое лицо ее стало задумчивым и грустным.

— Сдохну — все прахом пойдет...

Конца этой неожиданной исповеди мне не довелось услышать: вернулась мать с пузатой красной сумкой в руках, усталая и недовольная.

Бросила сумку на пол, уставилась на меня злым вопрошающим взглядом:

— Что у вас тут случилось?

«Неужели она на расстоянии может чувствовать неладное в своем доме?» — в замешательстве подумала я, но сразу же взяла себя в руки и довольно спокойным голосом ответила:

— Ничего не случилось...

Таня удивленно глянула на меня, но промолчала.

— Хорошо, если так, — облегченно вздохнула свекровь. — До самого утра глаз не могла сомкнуть. Кажется все время, что беда какая-то в дом наш вошла...

— Это, наверное, от того, что в непривычном месте ночь провела, — сказала я.

Наша мать в сомнении покачала головой.

— Не в первый раз ночую в той сакле, а такого никогда не было... — И, словно очнувшись от наваждения, радостно заулыбалась, обняла нашу гостью. — Прости, Таня, что до сих пор слова хорошего тебе не сказала. Шайтан источил мое сердце. Как ты провела время в моем доме? Не обидел ли тебя кто?

— Все в порядке, дорогая. Спасибо за гостеприимство. Сегодня обратно собираюсь. Надеюсь, товар ты привезла?

— Конечно, привезла. С пустыми руками не уедешь. Очень хороший товар, довольна будешь. Хочешь посмотреть?

— С удовольствием.

— Тогда пойдем ко мне в комнату.

Свекровь подхватила с пола свою сумку и пошла к себе. Гостя за нею.

Больше часа из комнаты свекрови доносились неясные голоса. Видимо, шел торг. Там, где дело касается денег, наша мать своего не упустит, но и сибирячка не из тех, кого можно обмануть.

На кухню обе женщины вернулись довольными и радостными. Свекровь долго разглядывала меня, потом Таня сказала:

— Какие вы терпеливые люди...— Неожиданно в ее глазах сверкнули слезинки.

Это не ускользнуло от внимания свекрови, она затараторила:

— Очень хороший человек наша келин, ее родители были замечательные люди. Как у всех людей на земле, у меня одна душа, и она навсегда срослась с ее душой.— Тут свекровь перешла на родной язык: — У тебя в сундуке нет ничего такого, чтобы можно было подарить Тане?

— Что у меня может быть?..

— Ну так у меня найдется,— сказала она и ринулась в свою комнату.

— Зачем это она побежала? — спросила Таня, проводив нашу мать удивленным взглядом.

— Подарок тебе пошла искать.

— Ну вот еще! — гостя решительно направилась вслед за свекровью.

Скоро они опять появились на кухне, в руках Тани были какие-то дорогие духи и махровое полотенце.

— Разве тетю Айшат переубедишь... Как

не отказывалась, все равно вручила. Насильно заставила взять, — словно оправдываясь передо мной, говорила Таня, но по глазам было видно, что она довольна.

Скоро пришел Ибрагим, и начался спектакль проводов в дальнюю дорогу. Были горестные возгласы, фальшивые вздохи, была бестолковая суета. Свекровь еще что-то совала в руки Тани, бормоча на родном языке:

— Была бы у меня сноха, как у людей, не пришлось бы все самой готовить к свадьбе, похоронам, именинам...

«Дочь, тебе говорю, а ты, сноха, на свой счет принимай...» — вот такая пословица есть у нас. Отлично понимаю, что камешки летят в мое озерцо: бесприданницей в дом взяли, будто я просила их об этом. Вот и Ибрагим одарил косым взглядом. Мамаше и сынку очень бы хотелось, чтобы у меня сундуки трещали от обилия всякого добра, и они все нужное могли бы брать оттуда, как из магазина, но бесплатно. Словно не знали, что крадут шестнадцатилетнюю сироту с пустыми руками.

Я проводила их до порога. Впереди, с двумя большими узлами, торжественно вышагивал Ибрагим, за ним Таня, тоже основательно загруженная и потому чем-то похожая на курицу-квочку, у которой не вывелось ни одного цыпленка. Свекровь замыкала этот караван. Она скоро вернется и, увидев мои ничем не занятые руки, начнет беситься. В глаза ничего не скажет, но разными намеками, прозрачными и злыми, будет колоть и колоть...

Ушли, не удостоив меня взглядом. Ну и ладно! Не очень-то и хотелось... Все равно ничего доброго в их взглядах не увижу.

Пошла в свою комнату, принялась за рукоделие. Я уже научилась вязать шапочки и в этом деле чувствую себя мастером, а вот береты у свекрови получаются лучше моих, и она мне пока не доверяет эту работу.

Через некоторое время услышала щелчок замка входной двери. Матери всегда нравится открывать и закрывать замки, это помогает ей чувствовать себя настоящей хозяйкой. У нее в спальне в бумажной коробке хранится масса всяких ключей от старых замков, вышедших из строя, валяются там и ключи, найденные на улице, в подъезде...

— Келин, где ты? Иди, чайку попьем, — доносится из коридора.

Бегу на кухню, ставлю полный чайник воды на плиту. Свекровь выставляет на стол сахар, сыр, хлеб...

На газе вода быстро закипает. Завариваю щепотку чая в фарфоровом чайничке, наливаю чай в пиалу для свекрови и замираю около нее.

— Хватит мне прислуживать. Садись рядом со мной, кушай, пей...

Ну уж нет! Эта минутная доброта может обернуться так, что выпитый с нею рядом чай выльется обратно через ноздри от злых укуров. Сейчас у нее отличное настроение от выгодной сделки. Но ее настроение — ветер в горах: не знаешь, с какой стороны через час подует. Свекровь уже забыла о своем великодушном предложении вместе почаяевичать, она пьет, ест, отбрасывает через плечо конец нижнего головного платка, норовящий упасть белым острием в пиалу с чаем. Жадно насыщается, чуть ли не урчит от наслаждения, и в

такие минуты почему-то в ней мне видится матерая волчица, всегда умеющая урвать свою долю да еще чужого прихватить.

Несколько утолив голод, свекровь благодушно ударяется в критику:

— Знаешь, очень много ненужных обычаев у нас. Что ты, что мой сын — для меня одинаковы, но ты почему-то обязана мне прислуживать. Чтоб бедро вывихнулось у того, кто это придумал! — Она двумя глотками освобождает пиалу от чая. Я моментально подливаю новую порцию. Свекровь отваливается на спинку стула, чтобы легче было говорить. — Интересные раньше были времена. Я еще лифчик не носила, совсем маленькой была, когда невесты нашей фамилии собирались у кого-нибудь и вместе проводили вечера, такой обычай был. В нашу саклю часто приходили три-четыре девушки, садились рядком, разговаривали и у каждой имелось какое-то рукоделие: одна обшивает концы очкура, другая вышивает серебром или золотом завязки для бурки, третья плетет шелковую тесьму для пуговиц на бешмет — у всех дело...

Тогда уже крепко держалась советская власть, и по новым законам запретили калым за невесту, а кто из женихов брал берне, того сильно штрафовали. Но люди тайком платили калым и брали берне. Каждый думал: пусть обычай моего народа не остановится на мне, чем я хуже других? — Наша мать промочила горло еще одной пиалой чая и продолжила свой рассказ:

— Прекрасные были времена. Подросла я немного, и колхозы появились. Девушки вместе с мужчинами каждую весну покидали от-

чий дом, работали на полях, сено заготавливать помогали. Осенью нас увозили к станице на уборку кукурузы. Руками выламывали початки, машин никаких еще не было. В аул возвращались с первым снегом.

Что только мне не пришлось видеть в своей жизни, а все-таки удивительно, что люди по воздуху летают. Где теперь Таня? Наверное, уже очень далеко, а только недавно здесь была. Клянусь аллахом, эта Таня дочь какого-то дворянина. Как она умеет себя вести, как красиво разговаривает с человеком. Она знает, где и как надо стелить под ноги себе и другим.

Свекровь выпила еще одну пиалу чая и отвернулась от стола.

— Когда я их проводила, специально дошла до угла, чтобы сделать сидящему там подаяние. Два гривенника кинула в его шапку. Великая помощь в пути человеку будет, если за благополучие его души сделаешь нищему подаяние. Он ближе нас к богу, а бога всегда надо почитать. Моя бабушка из аула Даут умерла ста тридцати двух лет, земля ей пухом. Она говорила, что ее мать была язычница, а сама она полностью соблюдала все адаты ислама, по пять раз в день совершала намаз. Поэтому у бабушки до конца жизни отлично видели глаза, и она замечательно слышала. Чувствуя, что уходит под небеса блаженства, она вслух читала молитвы и легко-легко отдала свою душу...

За окном солнце приблизилось к закату, наша мать поднялась со стула, взяла свой молитвенный коврик, готовясь к намазу, но тут увидела, что я стою без дела.

— Келли, душа моя, сходи в магазин, принеси бутылку молока, сварим рисовую кашу.— И вручила мне по счету ровно двадцать шесть копеек.

Ничего не говоря, я пошла выполнять распоряжение свекрови.

Чтобы попасть в магазин, мне надо перейти через улицу. Наша улица — главная городская магистраль, и по ней непрерывным потоком катятся автомобили. Стою и жду, когда появится возможность продолжить свой путь. Разглядывая рычащее автомобильное разноцветье, не заметила, как ко мне подошел Рауф, а с ним еще мужчина и женщина.

— А вот и ваша соседка теперь, — показал Рауф на меня своим спутникам. Те, благожелательно улыбаясь, посмотрели на меня, заговорили по-русски.

— Она карачаевка, — поспешил сообщить им Рауф.

— О, мой аллах! Разве ты нашей нации? — удивилась женщина.

— Да, — подтвердила я.

— Кулистан, я уезжаю в Джезак. Уже вот с ними поменялся квартирами, — сказал Рауф, с грустью глядя на меня.

— Почему в Джезак? — растерянно спросила я.

— В заочную аспирантуру поступил. Тему выбрал — каракулеводческое овцеводство, у нас им почти не занимаются, а в районе Джезака имеется семь таких хозяйств.

Слушаю молодого черкеса, а сердце к самому горлу подступило. С какой бы я радостью уехала с ним в далекий Джезак, где теперь живет бабушка. Лицо Рауфа стало рас-

плываться от выступивших на моих глазах слез, и я поспешно опустила голову.

Ибрагим долго не возвращается из Минеральных Вод. Первой забеспокоилась мать. Постепенно ее тревога передалась мне. Мы чутко ловим каждый шорох, каждый звук с улицы. Потом свекровь садится за стол гадать на фасолинах. Долго передвигает их по столешнице, бормоча как заклинание:

— Пусть моему врагу выходит плохой счет при гадании...

Рисовая каша давно остыла на плите. Стрелки на часах показывают второй час ночи.

Вдруг раздался телефонный звонок. Мы обе вздрогнули от неожиданности. Я смотрю на мать, она — на меня, наконец, она говорит:

— Возьми трубку, послушай, кому и что надо в такой поздний час.

С чувством большой тревоги беру трубку.

— Алло, кто это?

— Ваш телефон...?

— Да.

— Говорят из милиции. Ибрагим попал в аварию. Ждем вас в отделении милиции...

Дальше я уже ничего не слышала. Очнувшись, увидела, наклоненное ко мне лицо свекрови:

— Что случилось, почему ты упала?

— Хозяин попал в аварию. Нас вызывают в милицию...

— Ой, чтобы меня на свете не стало! — страшным голосом закричала мать. — Несбывшаяся мечта, недожитая жизнь!..

На громкие причитания матери и мой плач сбежались соседи, среди них и Рауф.

Торопливо идем по улице. В голове у меня пустота, пытаюсь что-то сообразить, но мысли разлетаются, как мелкие птицы в небе над горами.

Во дворе милиции из кузова грузовика торчали искореженные обломки машины, увидев их, мать закричала страшным голосом:

— Машина совсем разбита, а где он сам?.. Где мой Ибрагим! — И упала на землю.

Быстро приехала «скорая помощь». Мать внесли в комнату дежурного, сделали ей укол. Вот она открыла глаза, непонимающим взглядом обвела комнату, стоящих людей...

— Где мы? Где мой сыночек?

К ней подошел милиционер, мягко сказал:

— Сестра моя, не надо впадать в отчаянье, твой сын сейчас в травматологическом отделении областной больницы.

В больнице пожилой врач сказал свекрови:

— В страшную аварию попал ваш сын.

— Что значит «в страшную»? — спросила мать в истерике.

— Мы бессильны были ему помочь...

Снова бегали врачи, медицинские сестры. Уколы теперь сделали не только матери, но и мне. После этой процедуры я словно отупела, все воспринималось без былой остроты, горе отодвинулось, сердце перестало колотиться в груди. Свекровь тоже притихла, только ссутулилась, сжалась и покорно пошла к санитарной машине, на которой нас отвезли домой.

Помню, что потом Рауф долго стоял у телефона, звонил по номерам, которые называла свекровь, сообщал родственникам и знакомым о кончине Ибрагима.

Еще до рассвета в квартиру набилось много народа. В горах говорят: если на свадьбу не пришло пол-аула — хозяин не замечает, а если на похороны из пятисот знакомых не пришел один, то этого человека родственники усопшего запомнят на всю жизнь.

Мать сидела в зале на диване, под покрасневшими от слез глазами набрякли мешки, руки безвольно лежат на коленях. С безучастным лицом она выслушивает многочисленные соболезнования и едва ли понимает, что ей говорят, просто сидит и бормочет вполголоса:

— Кровью залило все мое жилище... Что теперь делать буду?..

На улице рассвело. Во двор один за другим подкатывают автобусы, людей становится все больше.

Появилась соседка Патия и сказала:

— Мужчины поехали в морг, пора готовить место, куда положить усопшего.

Мать забилась в истерике, вокруг нее забегали женщины, а тем временем в зале расстелили большой ворсистый ковер, на него положили ватный матрац в бархатном чехле, потом два тонких шерстяных одеяла. Снизу слышались голоса мужчин и в квартиру занесли тело Ибрагима в белой простыне.

Комнату заполнил крик матери.

— Ой, я несчастная! Сыночек мой, Ибрагим!..— Она стала биться головой о стену и упала без чувств. Дружно заплакали женщины, а я будто окаменела, стояла у стены, ничего не видя. Вдруг послышался властный мужской голос:

— Довольно! Ваши слезы пойдут в грехи покойника!

Я узнала этого человека. Сеит-Ахмат из Карачаевска. Он стоял в дверях зала и хмуро смотрел на женщин, те примолкли. Сеит-Ахмат заговорил снова:

— Если в доме покойник — спешу предать его земле. Не надо забывать это мудрое изречение.— Сеит-Ахмат обернулся и властно отдал распоряжение: — Махмут, пошли кого-нибудь в Псыжскую мечеть за станком для обмывания покойника. Пусть кто-нибудь съездит и привезет эфенди. У Ибрагима пуповина прирезана к мусульманству и без муллы не обойтись.

От подъезда донесся мужской плач. В комнату в сопровождении десятка молодых мужчин вошел Мурадин, он лег рядом с телом Ибрагима, громко запричитал:

— Как мне жить без тебя? Нукер¹ мой, я тебя любил больше, чем себя, как мне теперь жить на белом свете?..

В голосе Мурадина слышалось неподдельное горе, и у меня из глаз вдруг потекли слезы. Снова заплакали женщины. Молодые мужчины, пришедшие с Мурадином, стояли молча с суровыми, бледными лицами.

Потом Мурадин встал и направился к выходу, за ним вышли все его нукеры.

В зал заходили и уходили люди разных возрастов и национальностей. Кто-то из русских попросил, чтобы у ног покойника поставили чашу. Его просьбу выполнили, и он бросил туда деньги. Это было нарушением нашего обычая, но мать, увидев, для какой цели поставлена чаша, не стала протестовать.

---

¹ Нукер — друг, спутник.

Появился полный мужчина и принялся фотографировать все подряд, и снова никто не стал протестовать, хотя мусульманская вера запрещает фотографироваться даже здравствующим. А Сеит-Ахмат сказал фотографу:

— Хорошо делаешь, что снимаешь на память. Теперь бедному Ибрагиму уже никогда не придется фотографироваться.

В зале вдруг заспорили, где предать земле покойника. Одни предлагали похоронить на одном кладбище, другие — на другом. Спор этот разрешила мать:

— Надо отвезти его в аул Гюрюльдеук. Там покоится дед Ибрагима. Если вы не похороните Ибрагима возле деда, я взвалю труп сына себе на плечи и потащу туда!

Сеит-Ахмат выслушал мать и сказал:

— Хорошо, Айшат, все будет так, как ты хочешь. Сейчас же пошлю туда людей, передадим там живущим родственникам и знакомым, чтобы приготовили место.

Зашли сотрудники Ибрагима с кирпичного завода, передали свекрови деньги и молча ушли.

Боже мой! Откуда только берутся люди. Наверное, уже и весь двор забит ими. Только брат Ибрагима и его жена так здесь и не появились. Что-то серьезное произошло между ними еще до моего появления в этой семье.

Мимо меня пронесли деревянное сооружение — станок для обмывания. Скоро меня позвали в зал, чтобы я приняла участие в этом деле. Тут я впервые увидела, что случилось с Ибрагимом. Страшная картина. Когда его укутали в саван, в комнату собрались близкие люди, заполнив комнату до отказа.

Мулла обратился ко всем:

— Не поминайте лихом покойного...

— Земля ему пухом...

— Царство ему небесное...— слышалось

в ответ.

Первыми покинули зал мужчины, за ними медленно пошли женщины. Сал-агач — носилки, напоминающие деревянную лестницу, на которую уложили покойника — подняли мужчины и понесли в последний путь. Среди тех, кто нес сал-агач, были и Мурадин.

Со двора потянулась длинная вереница автобусов, легковых машин. В квартире остались только женщины. Сидели, ходили, тихо переговаривались, поминального обеда не готовили. Это у нас делается на пятьдесят вторую ночь, когда все суставы покойника расходятся и он становится полноправным жильцом города, где все рабы аллаха равны.

Увезли останки Ибрагима и, не знаю почему, ко мне пришло чувство большого облегчения, будто сбросила с себя тяжелый груз.

В доме, откуда вынесли покойника, три дня нельзя ничего готовить. Еду нам со свекровью приносят родственники, соседи, знакомые, живущие вдалеке оплачивают этот свой долг деньгами, и сумма приношений зависит от степени родства.

В квартире Рауфа уже прочно обосновалась новая хозяйка Патия со своим мужем. Вечером, на четвертый день после похорон, она нам помогала готовить локумы. Мы с нею кромсали ножами ломти кислого теста и бросали в кипящее масло. Свекровь сидела за столом похудевшая, тихая. Скорее всего из

вежливости она затеяла разговор с соседкой:

— Почему вы так надолго затянули возвращение из Средней Азии? Неужели не хотелось в родные места?

— Да уж так получилось. Настает весна — думаем — осенью поедем. Приходит осень — до весны остаемся.

— Хорошо сделали, что приехали...

Когда погиб Ибрагим, я очень боялась, что не выдержит свекровь этого страшного испытания, но она на удивление быстро успокоилась, уже спит, с аппетитом ест и теперь вот с большим интересом пытается заглянуть в чужую жизнь:

— А где будет работать Азамат?

— Он — инженер. Его приняли начальником цеха на завод, — терпеливо отвечает ей Патия.

— А где учился на инженера?

— В Самарканде.

— А ты где собираешься работать?

— Я специалист по дошкольному воспитанию детей. Там же, в Самарканде, окончила институт.

— Из-за этой учебы скоро вся наша нация разбежится в разные концы. Один парень из Сары-Тюза выучился в Москве на русского попа и теперь в Минеральных Водах читает молитвы русскому богу. Я своих детей никуда не пустила. А вот к одному смерть пришла — и ничего не смогла сделать. Вместе с сыном хотела умереть, но, видно, не хочет этого аллах.словно собачьей шкуре — сносу мне нет...

Излияния свекрови прервало появление Мурадина.

— Очень хорошо сделал, что пришел, —

сказала ему она.— Очень уважал тебя мой покойный сыночек... Келин, где наша большая корзинка? Неси ее сюда.

Корзинка с шерстью стояла в моей комнате. Сходила, принесла эту большую, плетеную из новой лозы корзинку, отдала свекрови.

Застелив чистой бумагой корзину изнутри, положила в нее много локумов, подала Мурадину:

— Пока твои друзья не разошлись с работы, угости их, пусть помянут бедного Ибрагима.

— Пусть будет райской пищей усопшему,— тихо сказал Мурадин и неуклюже вышел из квартиры.

Остальные локумы я раздала соседям.

За окном начало темнеть, когда ушла домой Патия. После ее ухода мать позвала меня на кухню.

— Садись за стол, будем кушать.

И я села за стол. Поели молча. Я настолько привыкла к постоянным нравоучениям свекрови, что эта тишина подействовала на меня угнетающе.

После еды свекровь заговорила:

— Такой молоденькой ты осталась без головы — это большое горе. Теперь я бедная, несчастная, не знаю, как с тобой быть...

Эта практичная женщина уже сообразила, что после гибели Ибрагима нет никакого смысла кормить и одевать невестку. В общем-то я уже думала, что в этой квартире меня держать не будут, но не предполагала, что развязка наступит так быстро...

Голова моя загудела от напора тревожных мыслей. Куда деваться? У меня нет паспорта,

даже метрики остались у бабушки, в карманах пусто, пяточка не найдется. В аулах есть родственники, но любому из них я буду только в тягость. Что делать?.. Руки мои безвольно опустились на стол, и тут я увидела на своем пальце золотое колечко. Мое, собственное. Мне его дала бабушка, выпроваживая на праздник, в тот самый день, когда меня выкрали. Милая бабушка, как ты меня выручила!

На следующий день свекровь, как обычно, послала меня за молоком. Выйдя на улицу, я зашагала не в магазин, а к маленькому рынку на углу. Здесь всегда несколько женщин торговали зеленью, овощами и семечками. Мне давно запомнилось лицо торговли семечками. Запомнилось, наверное, потому, что это было лицо пройдохи, совершенно не скрывающей этого. И вот я подошла к ее «торговой точке».

— Мне нужно продать золотое кольцо, — тихо сказала я.

— Ворованное?

— Нет. Подарок бабушки, но сейчас очень нужны деньги.

— А сколько просишь? — хитрые глаза торговли прищурились.

— Сто пятьдесят.

— Что-то ты очень дорого...

— А сколько дашь?

— Сто.

— Нет, этого мне не хватит на дорогу, а продавать больше нечего. — Я повернулась, чтобы уйти, но женщина схватила меня за рукав.

— Постой. Попробую найти тебе покупателя. К вечеру подойди сюда, а хочешь, я с одной женщиной приду к тебе домой.

— Сюда приду,— поспешно сказала я.—
К шести часам.

— Приходи.

Вечером сделка состоялась. Кольцо за сто двадцать рублей купила какая-то красиво одетая женщина.

Получив деньги, я собралась уходить, но торговка семечками заступила мне дорогу.

— Сестричка, ты забыла меня отблагодарить. Думаешь, легко мне было найти покупателя?

Для дальней дороги сто двадцать рублей — деньги небольшие. Что-то отдавать из этой суммы не хотелось, но, видно, придется:

— Сколько ты хочешь?

— Я много хочу, но с тебя пяти рублей хватит.

Пришлось отдать.

Дома свекровь посмотрела на меня подозрительно, но, к моему удивлению, ничего не сказала, наверное, уже считает отрезанным ломтем.

Тем лучше, значит, можно спокойно сообщить о своем решении.

— Завтра я уйду от вас.

— Куда? — нисколько не удивившись, спросила свекровь.

— К родственникам.

— Хорошо, пусть будет так.— Она повернулась и, шаркая тапочками по полу, пошла в свою комнату.

Впервые я почувствовала к этой женщине нечто вроде уважения за то, что она не стала сейчас кривить душой, изображать горе свекрови, расстающейся с любимой невесткой.

Я ушла из квартиры на рассвете. Ушла с

пустыми руками, куска хлеба на дорогу не взяла, только свое красное пальто сняла с вешалки — по утрам на улице прохладно. Тихо прикрыла дверь квартиры и, не оглядываясь, стала спускаться по лестнице. На сердце давила тревога: как доеду, что ждет меня в дальней дороге?..

У первой же встреченной на улице женщины спросила, где находится касса по продаже билетов на самолеты.

Женщина попалась словоохотливая и любопытная. Растолковав очень подробно, как найти эту кассу, стала меня расспрашивать, куда собираюсь ехать, сколько мне лет, к кому еду. Вопросам не видно было конца и, сказав, что тороплюсь, я ушла.

Касса была еще закрыта, но перед входом уже были люди. Заняла очередь. Я была четвертой.

— Один билет до Джебзака, — смело сказала я девушке-кассиру, когда подошла к окошку.

— Паспорт дайте, — протянула руку кассир.

Чувствуя, что краснею, я хрипло сказала:

— Нет у меня паспорта.

— Ну какой-нибудь документ, удостоверяющий личность, имеется? — девушка все еще тянула руку, и я почувствовала себя чуть ли не преступницей.

— Нет у меня никаких документов...

Девушка опустила руку, сочувственно посмотрела на меня и сказала:

— Следующий!

— Ну чего стоишь, отходи, — послышался за моей спиной сварливый мужской голос. Я

вышла на улицу и долго стояла у края тротуара, совершенно не представляя, куда теперь идти. Было горько и обидно. Вокруг меня шумел город: сновали люди, куда-то торопливо катились машины, на противоположной стороне рычал мотором экскаватор, зубастым ковшом выгрызая в земле канаву, верхние этажи домов были щедро освещены солнцем. Никому в этом городе не было дела до меня, и я вдруг очень остро почувствовала себя совсем маленькой и страшно одинокой. Захотелось заплакать. Кое-как удержавшись от слез, пошла по улице, чтобы только не стоять на месте. Спустя некоторое время сообразила, что иду к мосту через Кубань. Этот мост не минует ни один автомобиль, направляющийся в Невинномысск, Армавир, Ставрополь. Надо стать у этого моста и поднимать руку перед каждой машиной — кто-нибудь да подвезет...

Приняв такое решение, я прибавила шаг.

— Джек! — раздался голос вагонного проводника перед рассветом.

Я лежу на полке плацкартного вагона в поезде «Ташкент—Красноводск». За много суток пути уже привыкла к монотонному перестуку колес, к постоянному покачиванию вагона, к постоянно меняющимся картинам за окном...

— Джек! — повторяет тот же голос в другом конце вагона, и сердце мое вдруг замирает, потом начинает тревожно колотиться: а вдруг я не найду здесь бабушку? Что мне тогда делать здесь, за тридевять земель от родного Кавказа?..

Люди с чемоданами, портфелями, мешками вереницей потянулись по вагонному проходу.

Накинув пальто, втискиваюсь между чьим-то портфелем и ковровым мешком. Слышно, как замедляется стук колес, что-то шипит, скрипит под ногами. Вагон с железным лязгом дергается и замирает. Ковровый мешок толкает мои ноги, и я иду к выходу, спускаюсь по лесенке на перрон, попадаю в людской водоворот, который через несколько минут выносит меня на привокзальную площадь. Толпа рассеялась, а я осталась стоять, как овца, оставшая от отары.

Солнце еще не взошло, и все вокруг кажется серым, тусклым, до обидного неприветливым, и это еще больше усиливает мою тревогу.

Напротив вокзала — небольшой скверик с большими скамьями под кронами деревьев. Пошла туда. Все скамейки заняты бодрствующими и спящими людьми. Наконец, увидела свободное местечко рядом с пожилой женщиной. Присела на свободный краешек скамьи.

Скоро к женщине подошел рослый парень и быстро заговорил на незнакомом мне языке. Эта чужая, совершенно непонятная речь стала последней каплей: слезы прорвались через плотину моей застенчивости. Не знаю, как у кого, а у меня слезы, если пошли, так сразу видно, что это слезы — в три ручья бегут.

Женщина сразу повернулась ко мне и на чистом русском языке спросила:

— Что случилось, девочка? Ты чего плачешь?

Надо ответить женщине, а я слова не могу выговорить и от этого еще больше расстраиваюсь.

Чужое горе всегда находит отклик в сердцах людей. Скоро вокруг нашей скамейки со-

бралось несколько человек, и я, наконец, смогла выдать из своего горла несколько слов на родном языке:

— Мне надо в совхоз «Чемкурганский», а я не знаю, как туда попасть...

И тут случилось чудо. С другого края скамьи отозвалась молодая женщина и заговорила по-карачаевски:

— Зачем же плакать, девочка? Разве у тебя нет языка спросить? — Она повернулась к какому-то парню в узбекском халате, сказала ему по-русски: — Отвези ее на постоянный двор совхоза, она оттуда скорее до места доберется.

— Давай, поехали, — с готовностью махнул мне рукой парень. — Не бойся, я все сделаю, чтобы ты не заблудилась.

Он и в самом деле довез меня на автобусе до какого-то большого двора, обнесенного высоким глиняным дувалом. У ворот сидел старик в черной тубетейке, расшитой белым шелком. Старик посмотрел на нас и спросил:

— Вы куда?

— Этой девушке надо попасть в совхоз «Чемкурганский», там живет ее бабушка.

— Она татарка?

— Нет, карачаевка.

— Как зовут твою бабушку? — спросил старик.

— Салима.

— Хорошо. Знаю Салиму. Чабаном работает в отаре Қалпе. Со мной посиди пока, сейчас из города должен вернуться совхозный ветеринар, он тебя довезет куда надо.

Парень с улыбкой глянул на меня:

— Вот видишь, как все просто делается, а ты плакала. Счастливого тебе пути.

Я торопливо полезла в карман, достала последние три рубля, протянула ему.

— Ты что?! — обиделся мой провожатый, резко повернулся и пошел к автобусу.

— Зачем хорошего человека обижаешь? — укоризненно посмотрел на меня старик.

— Я хотела как лучше...

— Если человек помогает другому в беде за деньги — это нехороший человек. Разве ты этого не понимаешь?

Я не успела ответить: к воротам подкатил зеленый автомобиль с брезентовой крышей. Из машины выскочил молодой стройный человек, о чем-то спросил у старика на своем языке, тот ему ответил, потом сказал по-русски:

— Таджихан, отвези эту девушку в отару Қалпе, там ее бабушка чабаном работает.

Приезжий окинул меня быстрым взглядом черных веселых глаз:

— Ты внучка Салимы-апа?

— Да.

— Откуда приехала?

— С Кавказа.

— А почему такая худая? Кожа да кости остались. Тебя что там, не кормили? Ладно, ладно, не красней, садись в машину. Через пару часов заставим бабушку устроить большой той в честь твоего приезда. Она тебя быстро бараниной откормит, снова станешь красавицей. Ну, поехали, поехали!

На заднем сидении машины были еще две женщины. Занятые беседой, они не обратили на меня никакого внимания.

За рулем сидел сам ветеринар, я рядом, смотрела на набегающую под автомобиль до-

рогу, на широкий простор за лобовым стеклом, на красный песок, на редкие кустики полыни, еще реже мелькали почти безлистые, на удивление маленькие и кривые деревья.

Машина свернула на едва заметный в песке проселок. Таджихан повернулся ко мне:

— Сейчас увидишь свою бабушку.

Меня будто электрическим током пробило насквозь, заколотила нервная дрожь. Хорошо, что машину нещадно трясло на неровной дороге, и моя дрожь осталась незамеченной попутчиками.

Машина покатила вниз, на дне широкой лощины показались три юрты, около них мы и остановились. Таджихан высунулся из машины и прокричал показавшейся из юрты женщине:

— Где бабушка? Я привез ее внучку!

Даже не поблагодарив молодого ветеринара, я выскочила из машины.

Женщина повернулась к дальней кибитке и прокричала тонким голосом:

— Салима-апа! Иди сюда, внучка твоя приехала!

Через минуту я уже обнимала свою милую, родную бабушку.

Оказывается, я приехала очень кстати. Из этой бригады уходил пожилой чабан по фамилии Вернер. У него в соседнем совхозе работали родственники, и он решил перебраться к ним. Бабушка пошла к старшему чабану и уговорила его, чтобы меня приняли третьим чабаном вместо этого Вернера.

Бабушка, выслушав историю моего замужества, немного поплакала, но скоро успоко-

илась, сказав, что аллах справедлив и плохих людей рано или поздно наказывает.

Моя чабанская деятельность началась с того, что ранним утром мы с бабушкой взгромозились на двугорбого верблюда, и он неторопливо поплелся за отарой овец. Только к вечеру пригнали отару обратно на водопой и отдых.

В первые дни пустыня казалась мне очень неприветливой, даже враждебной. Обилие красных тонов вместо привычной зелени вселяло какую-то неосознанную тревогу. Но день шел за днем, ничего страшного не происходило, мне даже стал нравиться этот всхолмленный красноватый песчаный простор. Пришел день, когда я повела отару в пески самостоятельно, оставив бабушку в нашей уютной прохладной юрте. Покачиваюсь на верблюде, поглядываю на овечек в отаре. На востоке широким алым полотнищем разгорается заря, в сиреновом небе запел хохлатый жаворонок, и я потихоньку запела, чтобы не мешать маленькой птичке, не отпугнуть ее в бездонную небесную глубину.

Мне понравилось по вечерам, когда овцы на тырле пережевывали жвачку, сидеть у костра из саксауловых сучьев. Саксаул горел жарко, почти без дыма, светлые языки пламени метались над кострищем, завораживали, невозможно было оторвать от них глаз.

Работала я чабаном лето, осень, зиму, а весной к нам заехал главный зоотехник колхоза Исмаил Салихов и сказал мне:

— Кулистан, дирекция решила послать тебя в Чимкент на курсы по забою каракулевых ягнят.

От неожиданности я растерялась, не знаю, что сказать. Выручила бабушка:

— Какой разговор, обязательно поедет!

Милая бабулечка, я знаю, как ей трудно будет опять остаться в одиночестве, но сейчас она думает не о себе, а обо мне, о моем будущем.

Через несколько дней три совхозные девчонки — Бибигюль, Калия и я — поехали в Чимкент на курсы.

Перед отъездом бабушка сказала мне:

— В город едешь, возьми с собой денег побольше, мало ли что тебе там понадобится.

У бабушки под подушкой много денег. Она их не прячет, здесь люди вообще друг от друга ничего не прячут, не запирают на замки. Год назад мне хотелось быть хозяйкой, иметь ключи от многочисленных замков, как у свекрови. А теперь мне этого не хочется. Рядом с хорошими людьми сам становишься лучше.

В первый день своего пребывания в Чимкенте мы устроились в общежитие, и, побегав по магазинам, купили одинаковые атласные платья узбекского покроя, тюбетейки и лаковые черные туфли на низком каблуке. Нам казалось, что это очень здорово: три одинаково одетые девчонки, идущие рядышком по улице.

Когда мы возвращались в общежитие, вспомнилось мое красное пальто, служившее мне так долго, что я успела вырасти из него. Теперь бабушка Салима красуется в этом пальто, сидя на верблюде.

Занятия начались на следующий день утром. Мы в классе поглядывали на дверь в

ожидании преподавателя, а когда он вошел, я чуть не упала со стула: это был Рауф, еще более стройный и красивый, в отлично сшитом темном костюме, белоснежной рубашке, хорошо оттенявшей его загорелое прекрасное лицо.

Поздоровавшись со слушателями, он сел за стол, раскрыл журнал и принялся знакомиться со своими ученицами.

Когда прозвучала моя фамилия, я встала, он взглянул на меня и вдруг застыл в радостном изумлении:

— Кулистан? Как ты сюда попала?

А у меня язык прилип к гортани от волнения. Я, наверное, покраснела, как тюльпан.

Рауф улыбнулся, мягко сказал:

— Хорошо, садись, Кулистан, мы с тобой потом поговорим.— И назвал фамилию следующего ученика.

Я совершенно не помню, о чем говорил Рауф в этот первый час занятий. Я нет-нет да ловила его взгляд и в его черных глазах улавливала что-то такое, от чего сердце мое сладко замирало, я будто в пропасть летела, но это были совсем не страшные, а радостные полеты.

После звонка он первым покинул класс. А когда вышла я, то увидела его стоящим около двери. Он протянул мне руку:

— Ну, здравствуй, Кулистан. Давай отойдем в сторонку, и ты мне все-таки расскажешь, как попала сюда.

— У меня бабушка работает чабаном в совхозе «Чемкурганский», к ней я и приехала.

— Вот оно что... А я просто глазам не поверил, когда тебя увидел. Ты где устроилась?

— В общежитии. Комната номер шесть.

— Можно я к тебе зайду после занятий?

— Конечно.

— Вот и отлично. Очень рад тебя видеть. В конце дня встретимся, а сейчас, извини пожалуйста, меня ждет директор курсов.

Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за какой-то дверью в длинном коридоре.

Ко мне подошла Бибигюль:

— Очень красивый человек, в такого влюбиться запросто можно. Вы с ним знакомы, да?

— Это мой сосед. В одном доме жили на Кавказе.

— А почему вы не на родном, а на русском языке разговаривали?

— Он — черкес, я не знаю его языка, а он по-карачаевски говорить не умеет.

Прозвенел звонок, и мы снова вернулись в класс.

Перед закатом солнца Рауф зашел за мной в общежитие. Мы долго ходили по городским улицам. Поздно вечером остановились у большого арыка. Было тихо, едва слышно журчала вода, слабый свет уличных фонарей не заслонял звездных россыпей в небе. Подняв глаза вверх, я сразу увидела звездный ковш Большой Медведицы.

— Рауф, смотри, здесь звезды такие же, как и над моим родным аулом. Вон Большая Медведица... Эту звезду любил мой отец.

Рауф осторожно обнял меня за плечи, и я почувствовала себя самым счастливым человеком на всей Земле. Сердце говорило мне, что эта рука будет мне опорой всю жизнь.

Веселая, жизнерадостная вернулась я домой. В нашей комнате застала сильно обеспо-

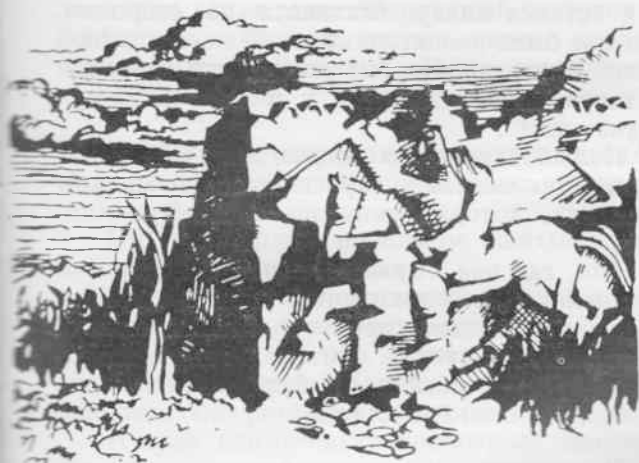
коенных подруг — Бибигюль и Калю. Едва переступила порог — кинулась обнимать их. Это выглядело настолько непривычным, что Каля спросила:

— Ты здорова?

— Конечно! Это от счастья, которое не умещается во мне и плещется через край.

Мои восторженные слова ничего подружкам не объяснили. Они продолжали недоуменно таращиться на меня, и мне захотелось рассказать им все о себе, о своей пока еще короткой жизни, рассказать так, будто проследить заново день за днем.

РАССКАЗЫ

ку, но она промолчала, сунула мешочек в угол, где он до этого лежал, сняла с деревянного гвоздя иреагач — железный инструмент для выделки овчин, по форме напоминающий серп, еще раз глянула на мешочек и пошла в комнату вслед за матерью.

На полу лежала овчина. Нузула подняла ее, завернула в ее край картофелину, чтобы шкура держалась в петле шерстяной веревки, прикрепленной к матке сакли, и принялась соскребать мездру с овчины. Привычная работа спорилась, но из головы не выходил мешочек из козлиной кожи: для чего мать собрала весь этот рукодельный набор, для кого он предназначен?

В открытые двери сакли с улицы донесся женский голос:

— Стамбул!

— Кто-то тебя зовет, — сказала Нузула матери.

Стамбул вышла. Из любопытства выглянула во двор и Нузула.

Перед воротами их двора стояла Балдан — женщина из квартала Багатырлары. На голове ее красовалась шаль, которую она, конечно, у кого-то выпросила специально для визита. Лицо гостьи сияло в улыбке, она что-то быстро говорила, но слов слышно не было. Лицо матери было видно в профиль, оно тоже сначала было радостным, а потом будто тучи на него набежали, и это встревожило девушку. Она уже не сомневалась, что разговор идет о ней.

Вернулась к работе, но иреагач валился из рук. Подошла к очагу и долго стояла около него, уставившись в одну точку. Мать все не

возвращалась, и она снова выглянула в дверь, но ни Балдан, ни матери у ворот уже не оказалось. Тогда она повязала голову платком, закрыла дверь и направилась в саклю родного дяди по отцу. Он жил через подворье, и Нузула отправилась в его дом. Абидат, жена дяди, о чем-то оживленно разговаривала с дочерью, но при появлении племянницы замолкла.

Нузула поняла, что говорили о ней. Это еще больше встревожило ее, но, не подав виду, она попросила соли и ушла.

Дочь обернулась от очага к матери:

— Анам, ты бы пошла к ним, хотя бы словом помогла.

— А что я им скажу? Кто в этом доме примет мой салам? Вообще-то Нузула девчонка своенравная, за себя постоять может, любому в глаза скажет, если ей что не понравится, но сейчас затевается такое, против чего она не в силах бороться.

— Говорят, что жених — вдовец и старый. Как же можно выдать девчонку за такого человека?

— Смотрите на нее! Да когда и кого аллах свел с человеком, которого знала и любила девушка? Нузула — копия матери, противная и упрямая, она просто кокетничает. Чтобы люди на мою смерть прибежали, если она не согласна выйти замуж.

У Салимат за дойную корову купили черное бархатное платье, богато украшенное листьями из позолоченного серебра.

Увидев обновку, Нузула снова забеспокоилась, стала молчаливой, хмурой. Прохожие на улице и те по-другому на нее смотрели: одни

словно первый раз видят, другие вообще отводят взгляд. Это тоже выводило девушку из равновесия. Что изменилось в ее жизни? Разве она в эти последние дни совсем другой стала? Разве совершила она что-то такое, заслуживающее людского порицания?

Сегодня с утра Стамбул три раза ходила в дом золотых дел мастера дагестанца Шахима. Вернувшись после третьего похода, она с сумрачным лицом села у очага, долго смотрела на огонь. Нузула слышала ее тяжкие вздохи, но жалости к матери не было. Наоборот, хотелось высказать все, что она о ней думает.

Ни словом не перекинувшись с дочерью, Стамбул встала, сдернула со спинки кровати платок, на ходу повязывая им голову, ушла из сакли.

Оставшись одна, Нузула попыталась заняться уборкой в доме, но все валилось из рук, тогда она вышла во двор, долго стояла, гоня носком чарыка камешки с места на место. Камешки под ногой сухо хрустели, тихонько постукивали, она вслушивалась в этот шорох и стук, пытаясь сосредоточиться на чем-то важном, но ничего не получалось. Из этого состояния ее вывел крик петуха с крыши сеновала Абидат.

Скоро пришла мать с маленьким свертком под мышкой, вошла в дом, кинула сверток на кровать. Нузула ни о чем не стала спрашивать, и это разозлило мать:

— Ты почему все время молчишь? Я для тебя стараюсь, чтобы ты лучше всех в ауле была одета. Воды в рот набрала?

Стамбул рывками развязала узелок и раз-

вернула перед дочерью великолепный белый платок с длинными кистями.

В это время скрипнула дверь, и мать то-ропливо сунула платок под подушку.

Вошли Шахмёлек и Абат — давние подружки Нузулы, обе тоненькие, стройные. Шахмёлек, как более бойкая, заговорила первой:

— Стамбул, сегодня ночью девушки нашего квартала собираются в доме Батык, мы с Абат пришли пригласить вашу Нузулу...

Кошка противным голосом мяукала в трубу, потом у дверей сакли, а потом у ее задней стены страшно завизжала.

Девушки, собравшиеся в доме Батык, испуганно затаились. Только Хурлук, самая старшая из всех собравшихся, засмеялась:

— Не пугайтесь, это кто-то из ребят балуется, продолжайте свое дело, ставьте сковородки на огонь.

Девушки сгрудились на полу у корыта, месили в нем тесто из кукурузной муки, лепили лепешки, начиненные солью.

Кошачьи крики замолкли, наверное, шутнику надоело драть горло безрезультатно. Тишину нарушила самая младшая из девушек Шамахан:

— О-о-о, соль кончилась.

— Ты что, без глаз? Вон соль в ступе! — крикнула ей Хурлук.

Шамахан выхватила из деревянной ступы жменью соли, подбежала к Нузуле:

— Аллахом прошу тебя, огонь уже гаснет, помоги мне слепить лепешку.

Нузула помогла, собралась поставить на огонь свою сковороду. В это время из трубы

в очаг упал камешек, выбив сноп искр и облачко золы.

— Это проклятый пес Ансар покоя нам не дает,— сказала Хурлук.

— Кто еще до такого додумается,— согласились с нею девушки.

Ансар — парень уже достаточно взрослый, но озорной, этим и прославился на весь аул. «Волк ел, не ел, а морда у него всегда в крови», — говорят горцы. Вполне возможно, что вовсе и не Ансар сейчас был виноват, но подумали именно на него.

Стали доставать из очага обсыпанные пеплом лепешки, ворча обтирали их, сдували с них серый налет.

— Девочки, пора позвать Батык,—скомандовала Хурлук.

Но звать не пришлось. Из своей маленькой комнаты вышла хозяйка дома. Невысокая, уже в годах, женщина. Много лет прожила она с мужем в мире и согласии, но аллах не дал им детей. И всю нерастраченную свою нежность она отдавала чужим, а после смерти мужа у нее установилась постоянная дружба с девушками своего квартала. У Батык был легкий, ровный характер, она умела ладить со всеми. У девушек не было тайн от мудрой и веселой Батык. Она умела ценить и хранить чужие секреты и, при случае, знала, что посоветовать.

Не видя, что делается у ее очага, в другой комнате она все-таки очень точно угадала, когда ей следует выйти к своим гостям и, не сказав им ни слова, пройти во двор.

Девушки нетерпеливо поглядывали на дверь в ожидании ее возвращения.

— Пошли, собаку я привязала.

Вслед за Батык с лепешками в руках потянулись девушки. Вошли в сарай. Батык зажгла сосновую лучину. По серым стенам просторного помещения, в котором обычно хранилось сено, заметались тени.

Девушки положили свои лепешки рядком и отошли в сторонку.

Батык, хитровато улыбаясь, отдала лучину Хурлук, вышла из сарая, но сейчас же вернулась со своим дворовым стражем, большим лохматым псом Махти. Увидев притихший строй девушек, Махти дернулся было на привязи, но, повинувшись рывку хозяйки, тут же присел, жмурясь поглядел на огонь, потом его черный нос зашевелился, учуяв съестное, глаза удивленно уставились на ряд аппетитных кукурузных лепешек, аккуратно разложенных на чисто выметенном земляном полу. Махти облизнулся, нерешительно переступил с лапы на лапу, потянулся к еде, опасливо ожидая рывка и недовольного хозяйкиного окрика, но она молчала, а веревка лежала на земле. Пес жадно кинулся на ближайшую к нему лепешку.

Это была лепешка Марзи. Девушки кинулись поздравлять подружку. То, что собака выбрала первой именно ее лепешку, по поверью означало только одно: Марзи первой из всех выйдет замуж.

А пес, почувствовав во рту обилие соли, лепешку выплюнул, потянулся за другой. Это снова вызвало оживление среди девушек. Хлебец Нузулы оказался третьим, а самой последней осталась лепешка Шамахан.

Перепробовав все, пес укоризненно посмот-

рел на людей и побрел из сарая, всем своим понурым видом показывая, насколько он обижен.

Закончив ночное гадание, девушки вернулись в саклю, улеглись спать, кто на большой кровати, кто на полу.

Через несколько дней после ночного гадания Стамбул, вернувшись домой из очередного похода, сказала дочери:

— Тебя зовут к себе Абидад и Гандил. Сходи к ним.

Ничего не сказав матери в ответ, Нузула вышла из дома, теряясь в догадках, зачем понадобилась она тетке и двоюродной сестре.

У ворот ее встретила Гандил:

— Заходи, мама печет такие вкусные хычины...

Нузула вслед за Гандил вошла в саклю, наполненную запахом топленого бараньего жира, и тут же увидела Балдан в чужом черном платке. В полутемной сакле будто еще больше потемнело: все стало понятным и очень обидным.

А Балдан уже поднялась со своего места на ковре и, до приторности сладко улыбаясь, даже не заговорила, а почти запела:

— О, моя джаным, какая ты чудесная! Чтобы ты долго жила на свете, чтобы я часть своей жизни оставила тебе! — неожиданно она обняла Нузулу, шепнув ей на ухо: — Ты солнечный луч, освещающий весь мир ярким светом...

Потом сваха отошла и принялась без стеснения разглядывать девушку. Отметила ямочки на щеках, покатые плечи, уже оформившу-

юся грудь, тонкую талию и, видимо оставшись довольной осмотром, снова расплылась в улыбке:

— Садись, голубка, чтобы я все твои болезни на себя взяла.

Нузула, еще не опомнившись от унижительного осмотра, стояла молча, потом повернулась и пошла к двери. Заметив это, закричала Абидат:

— Ты что делаешь? Лучше бы ты меня похоронила! Сядь сюда!

— Я очень спешу и не могу долго у вас задерживаться,— сказала Нузула тетке и решительно вышла. Гандил выбежала за нею.

Лицо Балдан будто окаменело от нанесенной ей обиды. Абидат попыталась успокоить гостью:

— Молода еще, детское своеобразие, клянусь аллахом, не стоит на это обращать внимания.

— Ее мать обобрала людей: такой калым получила и дала твердое слово, а дочь вон что вытворяет. Может, Стамбул думает нас всех обдурить, так это ей дорого обойдется.

— Не знаю, что тебе сказать,— растерянно пробормотала Абидат.

А сваха продолжала возмущаться:

— Весь квартал уже ждет этой свадьбы. Все думают, что в дом явится ангел небесный, а получается совсем не то. Если в доме тех знатных и богатых людей появится девчонка с таким нравом, то прощай их покой, и позор падет на мою голову!

— Не поддавайся отчаянью. Все образуется: старшие найдут общий язык, а молодые создадут хорошую семью.

— Мать жениха из золотой фамилии — внучка знаменитого Хаджи-Умара. Стамбул тоже из хорошей фамилии. Думали, если эта девчонка пораньше попадет в этот дом, скорее переймет обычаи, нравы семьи...

— На то воля аллаха. А как жених?

Балдан метнула острый взгляд на хозяйку дома:

— Может, кто плохое сказал о женихе ей? Если тот, кто сказал плохие слова о женихе, достоин его подошвы — пусть аллах лишит меня жизни!

— Ну зачем так близко приняла к сердцу мое любопытство? Я ничего плохого не сделала, спросив тебя о женихе. Люди всегда спрашивают: что за невеста? что за жених? Ведь наша Нузула чиста, как солнце.

— За это и калым дали небывалый в Карачае: пятьсот рублей золотом!

— О, аллах!

— Да! Овечий кош можно купить за эти деньги, а у девчонки руки длиннее ног, а нос какой, а груди? Настоящий урод!

Злоба, с которой эта старая сводня чернила племянницу, напугала Абидат, и она взмолилась:

— О, я бедная! Балдан, именем аллаха умоляю тебя простить бедное дитя! Не надо говорить о ней плохое. Постарайся помирить обе стороны — это же для тебя честь...

— Слушай, Абидат, будущий ваш зять — золотой человек. Он никогда не пожелает болезни даже собаке. Своим трудом и умом нажил себе богатство. В их доме сушеные курдюки хранятся двадцатилетиями. Старший сын этого дома по своей жене ведет родство

с замечательными людьми, его жену слушается весь квартал. Искать в их роду хотя бы пятнышко — это все равно, что искать волос в вареном яйце. Живет эта семья спокойно, как молоко в чашке, и вдруг...

— Садись, Балдан, попробуй наш хлеб-соль.

— Нет, спасибо, ничего не могу ко рту поднести. Пусть будет вам самой святой пищей эта еда, пойду домой,— сказала Балдан и плотно уселась, словно говоря: слова словами, а дело делом...

Абидат торопливо поставила перед нею большое блюдо с жирными пирогами.

— Пробуй, моя джан...

— Мало ли хороших девушек в ауле...— неразборчиво бормотала Балдан, глотая скользкие от обилия жира куски.

— Конечно, какой может быть разговор,— с готовностью поддакивала гостье хозяйка.

— Слаба я стала: ни кушать, ни говорить как раньше не могу. Простуда прошла в мой желудок, думала, что насмотрелась уже на белый свет, но афенди Алим выписал мне священный амулет, и вновь глаза мои раскрылись...— Балдан, сыто рыгая, отвалилась от блюда.— Пусть тебе будет тяжестью только то, что гость, посланный небом, покушает твоего хлеба, пусть будет в твоём доме счастье, пусть ваша жизнь радуется ваших друзей и огорчает врагов ваших. Если у тебя есть думы о судьбе дочери, скажи, я для тебя все сделаю.

— Гандил все еще в куклы играет, домики из глины лепит, как ее отдавать в руки чужого человека? — сказала Абидат и пошла в кла-

довку. Балдан, словно привязанная, потянулась за ней, для приличия продолжала разговор:

— Все это так. Только не успеешь оглянуться — вырастет, и тогда я могу очень пригодиться.

Абидат достала из кладовки большое деревянное блюдо с продуктами.

Балдан протестующе подняла руки:

— Зачем это нужно? Ты думаешь, я за этим к тебе приходила?

— Один аллах знает, как я тебя уважаю, — говорила Абидат, настойчиво протягивая гостю блюдо. — Дома покушаешь домашний каймак, сыр из неснятого молока, мясо очень хорошее...

Балдан, решив, что приличия уже в достаточной мере соблюдены, проворно извлекла из-за пазухи большую матерчатую сумку.

Когда все продукты оказались в этом мешке, гостя направились к выходу.

— Абидат, мы выросли на одной земле, пили воду из одной реки, если тебе надо будет пристроить дочь — скажи мне. Поверь, если за сватовство берусь я, молодые всегда бывают очень счастливы в своей жизни...

Абидат вежливо кивала, провожая гостью.

Солнце приближалось к закату, тени от высоких горных вершин спускались к реке, а она глухо шумела, катя свои покрытые пеной быстрые воды. Абидат не слышала шума реки, он с самого рождения был таким же привычным, как воздух, как земля под ногами...

Перед воротами своего двора она встретила встревоженную Стамбул, которая сразу засыпала ее вопросами:

— Зачем она приходила? Что говорила эта бесстыжая женщина? Моя девочка хотела вернуться к вам и побить эту черную ворону!

— Твоя дочь очень грубо обошлась с Балдан.

— Так зачем она приходила?

— Посмотреть на Нузулу.

— Разве она раньше ее не видела? Что она еще не успела разглядеть?

— Откуда мне знать?

— А что она о нас говорила? — Стамбул впиалась взглядом в лицо Абидат.

— Сказала, что вы уже договорились полностью, что даже калым взят вами.

— Врет она! Как я могла взять калым, не посоветовавшись с вами?

— Не знаю, но она сказала, что вы уже получили от них пятьсот рублей золотом.

— Пусть такое счастье постучится в ее дверь! Четыреста рублей всего дали.

— Говорю, что слышала, — резко сказала Абидат и пошла к сакле.

— Постой, Абидат, — Стамбул схватила родственницу за подол платья. — Давай поговорим спокойно, душа моя.

— Давай поговорим, — равнодушно отозвалась Абидат и остановилась на середине своего двора.

Стамбул заговорила почти шепотом:

— Я такое наделала... Отца Нузулы заставила согласиться. Меня ослепили эти проклятые деньги, ослепило их богатство, захотелось, чтобы дочь ни в чем не нуждалась, стала зажиточной самостоятельной хозяйкой. Но девочку хоть убей — не соглашается идти в ту семью, ведет себя так, словно не в Карачае

родилась, не в мусульманской семье выросла. Очень боюсь. У нее такой нрав, что все может случиться.

— Слишком большую волю ей дали, разбаловали.

— Разве она хуже твоей дочери?

— Может, и лучше, но моя послушной растет. А что за человек твой будущий зять? — спросила она.

Стамбул опустила голову.

— Разве я его видела? Говорят хороший, только уже в годах.

— Раз родители его еще живы, значит, не так уж он и стар.

— Говорят, тихий он.

— И это хорошо. Не дай аллах горячего мужчину в семью, где он свой буйный нрав показывает.

— Некоторые говорят, что головой он немощен, а другие уверяют, что с умом все в порядке, только диковат.

— Около скота все время. Там и одичать недолго. Среди людей снова человеком станет. Если что не так — заберете к себе и дочь и зятя.

Стамбул радостно всплеснула руками:

— Это очень хорошо ты придумала! Будут у нас жить. Отрежем кусок земли от нашего луга, молодые построят себе дом, все уладится. К свадьбе я все приготовила: купила красивый шелковый платок, платье не хуже, чем у княжеской дочери. Скажу Хурлук, пусть она соберет девушек аула в наш дом, чтобы помогли подготовиться к свадьбе, а то нажмут наши сваты и придется обе ноги загнать в один войлочный сапог...

Нузула купается в большом латунном тазу в кладовке и плачет. Только что самый любимый ею человек — родной отец, глядя ей прямо в глаза, сказал:

— Проклянута, если в этом деле пойдешь против моей воли.

Еще звучат в ушах девушки эти страшные слова, этот будто чужой голос. А давно ли отец говорил с ней только ласково, давно ли она вместе с ним ходила на верхний свой луг, где было множество красивых, приятно пахнущих цветов, где даже сочная трава пахла как-то по-особому. В этой траве она собирала дикий щавель, гадала на пойманных здесь же божьих коровках, приедут ли в их дом гости. А какие куклы у нее были... Отец сделал для них маленькую люльку и выкрасил ее соком корня барбариса в желтый цвет... Где все это теперь?

Хорошо вымывшись, оделась, туго заплела длинные, до самых пят косы и присела на грубо сколоченный ящик в углу. Было горько и одиноко, слезы текли по щекам, руки безвольно лежали на коленях.

Из сакли доносился гомон женских голосов, чей-то смех...

В дверь заглянула Хурлук:

— Нузула, ты что так долго здесь сидишь?

Не услышав ответа, девушка вошла и вздрогнула от испуга, когда ей на шею бросилась плачущая подруга.

— Успокойся, милая. Что делать, если творцом суждено каждой девушке покидать родительский дом, — стала утешать ее Хурлук.

— За что так обидел меня отец?

— Ничего, ничего... Ты поплачь, а то слезы будут душить тебя всю свадьбу,— сказала Хурлук и тоже заплакала.

Из сакли донесся громкий голос:

— Девушки, готовьте невесту и выходите танцевать!

Нузула выпрямилась, вытерла слезы и сказала:

— Это не праздник, а мои поминки, пойдем.

Гармошка на улице замолкла, девушки вернулись в саклю, окружили Нузулу, наряженную словно дочь настоящего князя.

Нузула стояла среди них, отрешенно глядя в одну точку, печальная и красивая.

Мужчины квартала вместе с женщинами дружно защищали дверь сакли от посланцев жениха, выторговывая для себя богатый выкуп.

Сделка состоялась довольно быстро, и дверь распахнулась.

Чьи-то руки взяли Нузулу за локти и повели ее из сакли под голосистую свадебную песню «Орайда».

Выйдя на улицу, Нузула замерла: не меньше сотни всадников загрохотали узкую улицу, казалось, до самого неба взлетает многоголосая песня. Женские, детские, мужские лица, улыбающиеся и любопытные, были обращены к ней. Мимо мелькнула лошадиная морда, обдав девушку горячим дыханием. Сильные мужские руки подняли Нузулу и подали всаднику, а тот одним рывком усадил ее перед собой и тронул коня рысью. Рядом пристроился всадник в серой черкеске с белым баш-

лыком. Его удивительно звонкий голос вплелся в песню и сразу словно поднял ее на огромную высоту.

Выбравшись из толпы, вся кавалькада набрала скорость. Петь перестали, и Нузула услышала чистый голос соседнего всадника:

— Эсава, крепче держи, а то уронишь! — Потом он обернулся к сопровождавшим их всадникам: — Заедем в аул Эбакуевых — снова петь будем!

С дружной песней, звучащей, как снежный обвал в горах, проехали через этот аул, и снова серебряный тенор звучал в ушах Нузулы словно волшебный колокольчик.

Дорога петляла по склону ущелья, уводя Нузулу все дальше от родного дома, пока не привела в аул, где невесту встречали стоя и сидя на плоских крышах домов...

Въехали во двор, где надрывалась гармошка. Девушку сняли с седла. Всадники принялись лихо джигитовать, поднялась пыль, весело кричали люди, шуршали длинные, до самой земли подола и рукава женских платьев, пожилые мужчины степенно желали, чтобы новая сноха принесла всему аулу много счастья...

Нузулу взяли под руки и ввели в саклю, которая отныне станет ее жилищем.

Балдан, едва увидев Асхата, ведущего коня к источнику, подхватила на плечо большой кумган и тоже направилась туда, не сводя глаз с мускулистой спины, перетянутой в талии узким ремешком с серебряными подвесками.

Асхат провел коня к ямке, выбитой в скале ниже деревянного желобка, из которого тон-

кой прозрачной струйкой лилась вода, стал поить коня, а Балдан подставила свой кумган горлышком к самому желобку.

Асхат обернулся к ней:

— Добрый день, Балдан!

— О, мой аллах, и ты здесь? Добрый день, дорогой, а я тебя не узнала.

Асхат усмехнулся и своим удивительно звонким голосом осведомился:

— Какой ответ принесла?

— Молчит пока, но, думаю, не откажется. Одна в большущем доме осталась, почти всех похоронила, а кто остался — переехали на житьельство в Хасаут.

— Богатое место.

— Ты и там бывал?

— А как же! Если бы ты видела, какие там красавицы гречанки...

— Эта тоже все красивее становится, проклятая.

— Муж не собирается скоро вернуться?

— А кто знает. На Бермамыте уже больше трех лет сидит со своим скотом, а она тут с единственным ребенком из угла в угол дома бродит.

— Может, она в чем нуждается?

— А в чем она может нуждаться? Хоть жизнь у нее и не мед, но нужды ни в чем не испытывает.

— Это плохо,— задумчиво сказал Асхат.— Но все равно, не отступай. Мне нужна эта женщина. Я тебя озолочу, если она станет моей.

— Все в руках аллаха, но я очень постараюсь. Сейчас кое-какие расходы предстоят...

Асхат достал из кармана деньги, сунул в

жадно протянутую руку Балдан и повел коня к аулу.

Вечерние сумерки, родившись в глубине ущелья, медленно поднимаются по склонам гор все выше и выше, пока не сольются с потемневшим небом, утопив в серой дымке алмазные вершины горных пиков.

Нузула уложила дочурку в кровать. Ребенок спокойно уснул, а она подошла к очагу, взяла две щепки от сосновых пней, разгребла золу в поиске горячих углей, чтобы зажечь от них лучины для освещения сакли.

В это время скрипнула дверь, заставив Нузулу насторожиться. В аулах Карачая еще не забыли, как пришельцы похищали детишек, чтобы увезти в рабство за пределы «каменного мешка», как называли свое ущелье местные жители.

— Не бойся, это я,— услышала Нузула ненавистный голос Балдан и неприветливым голосом сказала:

— Проходи, садись.

В неверном свете горящей сосновой щепки гостья вгляделась в хозяйку:

— Ты все хорошеешь. Вот видишь, я тебе принесла счастье: ты хозяйка в таком большом и богатом доме.

— Где оно, это счастье?

— Оно уже стучится в твои двери.

— Не счастье стучится в дверь, а горе стелется мне под ноги!

— Ну не надо злиться,— миролюбиво проговорила Балдан.— Лучше принеси тепси.

Нузула сняла со стены сакли маленький столик, поставила перед гостьей.

Балдан из-под платка достала полкаравая хлеба и маленькую кубышку меда.

Нузула молча и неприязненно наблюдала за ее действиями.

— Садись, милая, давай покушаем. Очень люблю я мед с хлебом.

— Ты кушай, а я так посижу. Мы с дочкой только недавно поели.

Нузула отвернулась, стала смотреть на трепещущий огонек лучины.

Гостья снова заговорила:

— Хорошую новость ничто не может остановить. Сегодня встретила у источника Асхата. Это очень красивый мужчина с голосом, как свирель самого пророка...

Сердце Нузулы застучало в груди, но она невозмутимо продолжала глядеть на огонь, а Балдан продолжала свой рассказ:

— Он подошел ко мне близко, и я почувствовала райский запах, который исходил от него, и знаешь, что он мне сказал?

Выдержав многозначительную паузу, старая сводня словно великую тайну почти шепотом сообщила:

— Он сказал: «Передай красивой снохе из вашего квартала мой большой салам». Я ему говорю: «Боже избавь запятнать твое лицо... О какой снохе ты говоришь?» «О жене Джашарбека»,— сказал он мне в ответ. Вот ведь как жизнь устроена: хорошему мужчине никогда не достается хорошая жена, а хорошей женщине аллах дает мужа никудышнего...

Балдан выжидающе смотрела на Нузулу, но та будто и не слышала ее. Гостья собрала крошки хлеба со стола, сунула в рот, нехотя пожевала и снова принялась за свое:

— Ты такая молодая, красивая и так убого проводишь свою жизнь. Тебя муж бросил в этой сакле, как дикую кошку, а ты держишься за руку ребенка и зачем-то бережешь себя... Ты...

— Балдан, ты один раз уже принесла мне несчастье,— перебила ее Нузула.

— А что я сделала плохого? Очень удачно выдала тебя замуж. Что тебе еще нужно, чего тебе не хватает, золотухи на голове, чтобы волосы выпали?

— Ты лучше меня больше не тронь! Уйди подобру-поздорову!

Балдан взяла с тепси кубышку из-под меда, сунула под конец платка, встала.

— Что ж, я добра тебе хотела. Не хочешь — не надо, но очень скоро ты об этом пожалеешь! — будто зловеще каркнула и черным вороном выскользнула из сакли.

Нузула развела огонь в очаге, повесила над огнем казанок с водой, сняла со стены сито, изготовленное из бурдюка часто продырявленного горячей железной спицей, просеяла кукурузную муку и быстро сварила мамалыгу. При свете пламени в очаге они с дочерью поужинали. Мочалкой из конского хвоста Нузула вымыла посуду, убрала ее на полку, прикрепленную к задней стене сакли.

Торопливо, чтобы успеть до того, как погаснет огонь в очаге, раздела дочурку, уложила в постель и сама улеглась рядом.

Проснулась она от того, что кто-то шарил рукой по теплому одеялу, под которым она лежала. Мгновенно приподнявшись, она испуганно спросила:

— Кто здесь?

Из темноты донесся мужской голос:

— Нузула, не бойся, это я, Асхат. Ты же сама пригласила меня в гости, так сказала Балдан.

— Никто тебя сюда не звал! Уходи! — она вскочила с постели, распахнула дверь сакли. — Уходи!

Но Асхат схватил ее в объятия, Нузула закричала что было силы:

— О-о-о-хаи! Люди! Насильник пришел в мой дом! Мусульмане, помогите!

Асхат в растерянности выпустил женщину, но не уходил:

— Сама позвала, а теперь орешь, людей собираешь!

— Ты убил меня! Чтоб ты покончил со своей жизнью, проклятый!

— Замолчи... — в ярости зашипел Асхат.

— Что случилось, келин? — раздался чей-то грубый голос с улицы.

— В дом через трубу пролез человек! — Нузула выскочила во двор в длинной до пят рубашке. В сакле испуганно заплакала маленькая Написат. Все больше людей набивалось во двор.

Из темноты выступил рослый мужчина, подошел к двери сакли:

— Кто там есть? Выходи!

Из сакли показался Асхат, толпа придвинулась, стараясь в ночной темноте разглядеть лицо обидчика Нузулы. Кто-то сказал:

— Это Асхат...

И тут же из толпы вырвалась Балдан, подбежала к Нузуле:

— Ах ты, бесстыжая! Присушила, приво-

рожила парня, а теперь на весь аул шумишь! Сама жрала купленный им мед, русский хлеб, брала его деньги червонцами, а теперь волчицей воешь! Ты зверь, а не женщина, такую большую честную семью разогнала, муж три года в саклю носа не показывает. Вот этими самыми руками я тебе передавала дань от Асхата. Паршивка ты, больше никто. Отказываешься!..

Из толпы донесся возмущенный голос Лухазат:

— Пусть аллах покарает меня, если в том, что говорит Балдан, есть хоть слово правды! Нузула чиста, как родник!

Но Балдан не из тех, кого можно смутить, она мгновенно переключилась на Лухазат.

— Ты такая же бесстыжая, как и твоя подружка Нузула! Не зря аллах покарал тебя, отняв руку! Зазывают в свои дома холостых парней, оставляют ночевать, а потом кричат, что они чище неба! — Балдан издевательски расхохоталась.

К Асхату, так и не проронившему ни слова, подошел всеми уважаемый девяностолетний аксакал и громко заговорил:

— Асхат, у тебя не было и не будет совести. На твое счастье, сейчас в ауле нет ни одного мужчины из этого дома, а то завтра бы тебя похоронили, как собаку! — Потом он повернулся к Нузуле: — Ты тоже виновата, зачем давала повод для разговоров про мед, про деньги, про русский хлеб? Будьте вы оба прокляты аллахом за то, что нанесли аулу черное пятно! — Аксакал повернулся и быстро пошел со двора. За ним стали расходиться другие.

Есть крылья не только у хороших, но и у плохих вестей. Уже на следующий день собрались в ауле родственники по мужу Нузулы и, в первую очередь, препроводили ее в аульскую тюрьму. Асхат ускакал в абреки, а за мужем Нузулы в Балкарню послали гонцов, и аул затих в ожидании их возвращения.

Нузула сидела в полутемной сакле, дверь которой была закрыта на внушительный засов. К ней приходили только для того, чтобы передать еду. Нузула даже не пыталась разговаривать с теми, кто появлялся в ее тюрьме. И это ее упорное молчание в ауле воспринимали, как сознание вины, тем более, что Балдан старалась всюю, очерняя ни в чем не повинную узницу.

Гонцы вместе с Джашарбеком, горбатым мужем Нузулы, вернулись только на девятый день. Аульчане, узнав об этом, собрались на ныгыш. Все население аула высыпало на площадь, люди смотрели на маленького горбуна, слово которого должно было решить судьбу Нузулы. И он его сказал:

— Падение женщины нельзя простить, она запачкала сажей мое лицо, весь наш род, весь аул. Никто не захочет прирезать ее и стать убийцей перед аллахом. Пусть покончит сама с собой! Пусть кинется в горящий костер и сгорит в нем без остатка, так повелел в Кёнделене кады всех мусульман севера от Мекки мубарек Кульбий!

Среди собравшихся не нашлось человека, который бы запротестовал против этого жестокого решения судьи.

Нузулу вывели из тюрьмы, сообщили об уготованной ей участи, потом посадили на ос-

ла лицом к хвосту. Родственницы по мужу плевали ей вслед и посылали самые изощренные проклятья, остальные женщины молчали, шагая вслед за несчастной всадницей, которая глазами, полными слез, смотрела на них.

На окраине аула толпа отстала, а потом и вовсе остановилась, глядя вслед приговоренной к смерти Нузуле. Осел, часто перебирая тонкими ногами, увлекал ее все дальше, пока не скрылся за выступом большой скалы.

Быстро темнело, люди стали расходиться. Вечер в этот день выдался ясным, тихим. Ни один листок не шевелился в аульских садах. Небо налилось густой синевой, на которой четко проступили яркие светлячки звезд. Вдруг в этой тишине до аула донесся сильный красивый женский голос, исполняющий предсмертную молитву. Люди стали выходить на улицу, полезли на крыши домов и молча слушали. Они остались в неподвижности и тогда, когда протяжным печальным звуком молитва закончилась. Спустя некоторое время в той стороне, откуда слышался голос, по скалам заматались оранжевые отблески, а потом вымахнули яростные языки пламени.

Молодой казак Иван Гречкин сидел на берегу небольшого горного озера, уставившись на поплавок удочки в ожидании клева. От воды тянуло какой-то удивительно чистой прохладой.

В макушку припекало. Он разомлел в тепле, собрался было откинуться спиной на теплый камень и вздремнуть, но от деревянного поплавка кругами покатались едва заметные волны. Заскорузлой от мозолей ладо-

ню Иван подхватил удилице и дернул, подсекая рыбу. Тонкое ореховое удилице согнулось, напряженно затрепетало и резко выпрямилось, выхватив из прозрачной воды серебристую рыбину.

— Ну-ну, не трепыхайся,— добродушно проворчал Гречкин, вызволяя крючок из рыбьей губы. За спиной хрустнула сухая веточка, и казак, мгновенно вскочив на ноги, обернулся, зашарил острым взглядом по зарослям кустарника, каждое мгновение ожидая, что просунется сквозь ветки ружейный ствол и грянет выстрел. Чего-чего, а абреков в горах хватало. Между мелкими камнями извивалась рыбина, и Иван легонько придавил ее сапогом, чтобы не шумела, а сам продолжал вглядываться и вслушиваться. И углядел-таки в мозаичной тени раскидистого куста человеческое лицо, худое и бледное от страха. Темные длинные волосы ниспадали за спину. Казак озадаченно пробормотал себе под нос:

— Никак баба. И откуда только ее нечистик принес? Верст на тридцать кругом ни одного жилья нет.

Иван еще раз огляделся на всякий случай и решительно зашагал к женщине. Он видел, как она сжимается от страха, норовит глубже втиснуться под куст. Казак остановился шагах в двух от нее и теперь только разглядел, что перед ним почти девчонка в изодранном ситцевом платьишке, согнулась словно лозинка, изломанная безжалостной рукой. Чтобы совсем ее не испугать, Иван не стал подходить ближе, по загорелому лицу его скользила сочувственная улыбка. Вот она подняла голову, глянула на него большими испу-

ганными синими глазами так, что у него сердце защемило:

— Что ж ты на меня, как на зверя лютого, смотришь? Не бойся, не обижу. Да разогнись хоть чуток, небось, и дыхнуть-то как следует не можешь.

Иван, стараясь не делать резких движений, сел на траву, настороженно вслушиваясь в окружающую тишину. Все вокруг будто замерло, и это несколько успокоило казака, он снова тихо заговорил.

— А худущая какая, будто с самой пасхи маковой росинки в рот не клала.— Он достал из кармана шаровар завернутую в белую тряпицу горбушку хлеба, круто посыпанную солью.— На, поешь. Ну чего, как зайчонок на коршуна глядишь, бери.— Иван придвинулся к женщине еще на шагок и снова протянул хлеб.— Голодная ж, бери.

Она взяла хлеб, жадно вонзила в него белые ровные зубы, но тут же опомнилась, стала есть подчеркнута медленно и очень аккуратно. Это казаку очень понравилось, он снова тихо и ласково заговорил:

— Молодчина, в таком разе обличье человеческое потерять — раз плюнуть: голод не тетка, а ты держишься, ей-богу молодчина.— И снова замолк, терпеливо выжидая, пока незнакомка поест. Потом спохватился: — Эх, дурья голова, тебе б к хлебу водички надо было подкинуть.

Гречкин сбежал к озерному берегу, торопливо вытряхнул из медного солдатского котелка недавно пойманных рыбешек, наскоро сволокнул посудину и, зачерпнув воды подальше от берега, понес в кусты.

Соль завсегда воды просит.

Она попила, держа котелок двумя руками, осторожно поставила на траву, снова глянула на Ивана, и тот увидел, что страх в ее глазах исчез, его сменила безмерная усталость.

— Видать, крепко тебе досталось. Тебя как звать, а? Не понимаешь? Ну я,— он ткнул себя пальцем в грудь,— Иван. А ты?

— Нузула.

Она сказала так тихо, что он переспросил, переиначив ее имя по-своему:

— Зозуля?

— Нузула,— тень улыбки промелькнула на ее лице.

— Вон что. А по мне, так Зозуля тебе больше к лицу. Она птица сторожкая, гнезда своего не имеет, мыкается по лесам бесприютно.

Нузула вслушивалась в чужую, совершенно непонятную речь, вглядывалась в красивое загорелое до черноты лицо молодого казака и не улавливала ни тени угрозы. Ласковые интонации его голоса все больше успокаивали, она села поудобнее, навалилась худеньким плечом на переплетенье веток.

Немного посидев молча, казак глянул на солнце, перевалившее за полдень.

— На стан пора, к обеду дело идет. Пойдем, Зозуля, подкормим тебя, чем бог послал, отдохнешь, а тогда и в путь-дорожку можешь.— Иван протянул ей руку, чтобы помочь встать, но она отшатнулась, глаза настороженно сверкнули. Гречкин поспешно убрал руку.— Ну-ну, не пугайся, не дичись, ничего худого в голове не держу.

Он нарочито медленно повернулся, пошел

к берегу, неторопливо накрутил леску на удище.

Нузула следила за каждым его движением, когда он направился к ней, она снова сжалась, но этот человек взял котелок и вернулся к озеру, чтобы собрать в посудину рыбу. Вот он вскинул удище на плечо, и Нузуле стало страшно. Человек сейчас уйдет, и она снова останется одна в лесу и умрет от голода, если до этого ее не растерзают дикие звери. Она поспешно встала. Человек быстро обернулся на шорох, его лицо расплылось в добродушной улыбке.

— Пошли, Зозуля.— Приглашающе махнул рукой и медленно пошел, словно говоря этой своей медлительностью: «Я тебя не неволю, решай сама, как тебе поступить...» И она пошла за казаком, слегка пошатываясь от усталости и пережитых волнений.

Так судьба свела Нузулу с казаком охранной сотни при экспедиции, изучавшей возможности прокладки Военно-Сухумской дороги.

У времени свои, неподвластные человеку законы. Солнце, прокатившись через небосвод, отбирает у всего живого кусочек отведенного на жизнь в этом мире срока. Время творит добро, приводя человека от беспомощного младенчества к расцвету силы и красоты. Время творит и зло, превращая розовые щечки в некое подобие сушеной груши, силу крепкого тела превращая в немощь. Уходят из жизни старики, рождаются младенцы — жизнь идет своим чередом.

В родном ауле Нузулы ушел из мира сего старый аксакал, умерла, объевшись жирными

хычынами на очередной свадьбе, Балдан. Стройной, как лоза орешника, выросла Написат, вскормленная заботами бабушки Стамбул. Аульчане, помнившие Нузулу, удивлялись, насколько дочь похожа на свою мать и голосом, и походкой, и лицом, и жадностью к работе.

Стамбул, так неудачно выдавшая замуж дочь, не стала неволить внучку, и девушка выбрала себе в спутники жизни крепкого добродушного парня, с которым зажила в любви и полном согласии. О судьбе своей матери она узнала поздно. Рассказ о ее страшной гибели она восприняла как грустную легенду, если бы не тетя Лухазат, которая говорила о бедной страдальце с такой любовью, что у Написат сердце болело от обиды за бесчеловечную казнь ни в чем не виновной женщины. И мать стала для нее чем-то вроде святой, поклоняться которой она была готова всю жизнь.

Стоял ясный жаркий полдень, когда в аульскую узкую улочку вкатилась запряженная в пару хорошо откормленных лошадей казачья линейка на железных рессорах. На линейке, застланной рядом сидели трое рослых парней, белобрысых и удивительно чернобровых, и с ними женщина, пожилая, с несколько поблекшим, но еще красивым лицом. Когда-то синие, а теперь слегка выцветшие глаза женщины с заметным волнением вглядывались в улицу, в сакли, в лица людей, высыпавших из своих жилищ поглядеть, что за люди пожаловали в их аул.

Линейка остановилась у двора Стамбул, которую совсем недавно всем аулом проводи-

ли в мир иной. Множество людей окружили упряжку плотным кольцом.

Из сакли во дворе вышла молодая, стройная женщина, неторопливо вытиравшая руки передником, и тогда женщина, сидевшая на линейке, закричала:

— Написат, доченька моя!

Спрыгнула на землю, кинулась напролом через толпу, обняла молодую и замерла. Потом все увидели, как она стала бессильно обвисать в объятьях дочери, увидели беспомощный взгляд Написат:

— Хлопцы, с маманей худо! — гаркнул один из парней, и они дружной стайкой кинулись к матери, бережно подхватили ее.

В толпе загомонили:

— О, аллах, да ведь это же Нузула!

— С того света...

— Нузула...

А Нузула, с усилием открыв глаза, попыталась улыбнуться сыновьям и тихо сказала:

— В саклю занесите.

Написат торопливо распахнула перед ними дверь пошире, положила на покрывавшую пол кошму толстый шерстяной матрац, подушку. На это ложе и уложили Нузулу. Она обвела взглядом саклю, остановила его на лице дочери. Написат увидела в этом угасающем взгляде столько любви и ласки, что, повинувшись вспыхнувшему вдруг порыву, опустилась на колени и поцеловала холодеющую руку.

В саклю стали набиваться люди, какая-то старуха подошла к расprostертому телу, стала читать молитву.

Один из приехавших парней осторожно коснулся шеи матери, выпростал из-под одеж-

ды блестящий крестик на тонком шнурке.

Старушка растерянно замолкла, поняв, что Нузула приняла русскую веру.

Написат все еще стояла на коленях, по другую сторону от нее опустились трое ее братьев, в тишине горестно прозвучал голос одного из них:

— Мама, мама, как же мы про это отцу скажем?..

— Христианку не стали хоронить на мусульманском кладбище. Вот, Халит, откуда здесь русская могила,— сказал Джанболат Оштанов.— И постепенно эта история стала легендой.

Он, тяжело вздохнул, замолк.

Молчал и я, с горечью думая о том, сколько человеческих судеб исковеркано по вине самих же людей и когда, наконец, придет время, в котором человек человеку будет только другом.

СКИФЫ

Наш аул — просто чудо. Где-то у вершин Кавказского хребта начинается узкое ущелье, которое тянется на сорок человеческих криков. Ущелье постепенно расширяется, переходя в долину, распаханную и засеянную.

Где-то у самой вершины горы Кызыл-Кол берет начало и маленький, едва заметный ручеек и катится вниз по нашему ущелью, по пути собирая воду многих родников и ручейков, постепенно превращается в стремительную, белую от пены речку, которую не так просто перейти вброд, и людям пришлось сделать висячий мост через нее. Мост даже в тихую погоду шатается и скрипит.

Река делит наш аул на две неравные половинки. На пологом южном склоне-пригреве ровные улицы делят аул вдоль и поперек на кварталы чистых просторных домов, к которым подведены электричество и газ. Дома утопают в садах, над ними вдалеке виднеются горы, над которыми высится двуглавый великан Эльбрус.

На другой стороне речки всего шесть дворов выстроились в ряд. Этот аульский отрожек местные остряки в разное время называли по-разному: «Маломосква», «Изобилие», «Нарты», «Голопузовка». Из этого перечисления видно, что названия лепили наобум, что в голову взбредет. Теперь наша шестидворная

улица стала называться «Аппендиксом». Наверное, какому-то доморощенному остряку очень хотелось нас побольнее уязвить, но не учел при этом, что, обрекая нас на жительство в «Аппендиксе», он сам становится обитателем слепой кишки. Новое название, как и все предыдущие, нас нисколько не взволновало. Нам их на сапоги не менять, как говорят горцы. Живем дружно, никому не завидуем. Случается и у нас шум-гам, но работники милиции ни разу не приходили к нам из аула. Значит, у нас лучше, спокойнее жить, чем на той стороне реки.

Шесть дворов, шесть крепостей — и у каждой своя история. Поговорите с любым обитателем этих дворов, и вы с удивлением узнаете, что имете дело с прямым потомком хана, князя, русского дворянина и даже боярина. Все у нас имеют высшее или среднее образование, верхушек истории нахватались и теперь имеют возможность выбирать себе предков из богатого набора исторических личностей. Один из соседей три часа доказывал, что его предок Кайтук — выходец из Югославии, служил в войсках Александра Македонского. Документы об этом найдены в Дели советским академиком Тегеранским в музее, где хранятся бумаги, написанные еще до всемирного потопа. Другой сосед уверяет, что совсем недавно получил письмо из Александрии, где написано, что его предок Осман был переводчиком персидского царя Кира.

В нашем «Аппендиксе», да и по всему аулу, не найдешь ни одной души, которая не примешала бы к своей родословной какого-нибудь гуннского царя или печенегского хана. Это

поветрие не миновало и сына наших соседей Наны.

Еще с восьмого класса он самостоятельно принялся за раскопки аланских могил, таскал домой скелеты, осколки глиняной посуды, изделия из бронзы... Получив аттестат зрелости, Наны решил стать дипломатом. Три года подряд он каждое лето ездил в Москву сдавать экзамены, но каждый раз возвращался, объясняя неудачу слабым знанием испанского языка.

Потом парень остыл: в институт больше не ездил, перестал копаться в курганах, а их в окрестностях аула великое множество.

Его два брата — Мусса и Исса — после восьмого класса уехали в соседнюю станицу, приняли там ферму нетелей, стали трудиться в колхозе скотниками, а Наны заявил, что его руки не для пастушеской палки, и в понсках своего призвания подался в Кисловодск.

Ходовые специальности в курортном городе известны — это не только врачи, но и банщики, официанты, парикмахеры...

Наны, работая в городе, каждое воскресенье приезжал в свой любимый «Аппендикс». От природы он душа-парень: веселый, добрый, мечтательный и нескупой. Дома ему никогда не сиделось. Закурился дымок из трубы соседа — Наны тут как тут. Соседи его угощали восточными блюдами, а он живо и интересно рассказывал о своем житье-бытье.

Каждый понедельник рано утром с двумя сумками продуктов в руках Наны летел через качающийся мост к автобусной остановке. Потом Наны надолго исчез. Мать его, Хаби, о сыне не рассказывает, а я считаю излишним

расспрашивать ее, тем более, что в прошлое воскресенье она, встретившись на базаре с матерью избранницы моей души, наплела ей, что я припадочный, поэтому меня после окончания института и не послали на работу в большой город.

Через некоторое время по «Аппендиксу» пронесся слух: «Наны приехал!» Над нашей короткой улицей поплыли аппетитные запахи тефтелей, мантов, самсы, плова и хычынов.

В соседнем дворе толпа гостей, улица запружена «Волгами» и «Жигулями». Меня тоже позвали в гости: Наны через огороды прибежал, просил прийти, и я пошел, справедливо рассудив, что к материнскому наговору на меня парень никакого отношения не имеет, зачем же его обижать отказом.

Мы сидим за большим столом в ярко освещенном зале. Гости с тоскливыми лицами устали на хрустальные стаканы с водкой. Слушаем тамаду. Его рот, способный в один прием проглотить баранью голову, изливает истертые от частого употребления слова уже почти час. Наконец, пожелав, чтобы из нашего ущелья ни один человек не ушел на тот свет, пока молочный теленок, гонимый оводом, не взбежит на вершину Эльбруса, тамада замолк. Все, радостно вздохнув, выпили и с удовольствием закусили. После второго захода о тамаде забыли, а он слишком занят был едой, чтобы напомнить о своем существовании.

Я сижу почти напротив Наны. До этого он без видимой нужды прохаживался вокруг стола, демонстрируя нейлоновую рубашку, фирменные джинсы и сияющие, как зеркало, финские туфли. Проглотив два стаканчика водки,

Наны разговорился. О Москве рассказывал так же запросто, как о своем дворе. Оказывается, он учится на годичных курсах парикмахеров и уже знает, как надо подстричь и девушку, и даму в летах, как выкрасить волосы и сделать завивку. Учиться интересно и доневозможности трудно. На лекциях известных профессоров и на семинарских занятиях он уже изучил анатомию и физиологию женской головы, а она устроена совсем не так просто, как кажется.

Чепуха, которую нес Наны, мне уже стала надоедать, и я с удовольствием вслушался в песню, которую кто-то запел на другом конце застолья.

У певца хороший голос, и поет он с душой, но Наны ничего не слышит и теперь рассказывает об антропологии. На их курсах Валериан Штаковский, проходивший в свое время стажировку у известного профессора-антрополога Герасимова, читал лекции и однажды попросил Наны подойти к нему. Долго этот ученый человек рассматривал и ощупывал голову Наны, а потом вдруг заявил: «Известно ли вам, молодой человек, что вы — сохранившийся в удивительной чистоте скиф?»

Эти слова заинтересовали всех сидящих за столом. Даже певец замолк. Окрыленный всеобщим вниманием, Наны совсем разошелся. По его словам, черепа аланов были длинные, как огурцы, а у монголов — плоские лбы, обрубленные носы и сухие нижние челюсти.

Гости, сидящие за столом, были потрясены таким сенсационным сообщением. Я видел, как многие принялись старательно ощупывать собственные черепа, носы, подбородки...

А Наны говорил о том, что он побывал в библиотеке имени Ленина, где хранятся все издания мира за последние три тысячи лет, там хорошо ознакомился с бытом, нравами и обычаями скифов и теперь его семья будет жить так, как жили предки: переселятся в скифский шатер, будут есть скифскую еду из скифской посуды, пользоваться только скифскими орудиями труда и поклоняться скифским божествам.

Наны посетовал, что со скифским языком плоховато, но и тут есть выход: надо купить туристическую путевку в Александрию и сфотографировать каждую страницу имеющегося там скифского словаря...

Давно пропели вторые петухи. Человек, вознамерившийся возродить давно исчезнувшее племя, заговорить на его языке, явно устал, устали и гости. Сенсация потеряла остроту, после выпитого и съеденного всех потянуло ко сну. Расходились молча, только у дверей комнаты какой-то грустный на вид джигит затянул песню:

Ваш двор так густо зарос лебедой,
что через нее не проползет змея...

Эта старинная песня провожала меня до середины моего огорода. Песня замолкла, и я остановился, замороженный обилием ярких звезд, как в небе над нашим аулом.

Нашел Большую Медведицу, нашел Малую, обнаружил Полярную звезду и уже в который раз удивился, как мог такой великий поэт, как Пушкин, столько говорить об этой невзрачной звездочке, которая выглядит ведьмой среди множества красавиц, кокетливо

подмигивающих алмазными ресницами? Потом вспомнил скифов Наны, и мне вдруг показалось, что вот сейчас из темноты подойдет ко мне настоящий скиф и без всякого акцента скажет: «Салам алейкум».

Наны уехал на курсы. Мне не пришлось проводить его в столицу. Нехорошо получилось, но что поделаешь, работа есть работа.

По утрам и вечерам, когда я ухожу из дома и возвращаюсь в него, всегда обращаю теперь внимание на кипучую деятельность, которую развили мои соседи после отъезда сына. У маленькой канавки с водой для полива сада и огорода они очертили большой круг и по этой линии густо набили кольев из стандартного штакетника, в середине вкопали столб повыше.

Несколько дней я терялся в догадках, что же строят Добай и Хаби — родители Наны? Пожилые люди, а трудятся как пчелы с утра до позднего вечера. Ради чего они так старательно вгоняют каждый кол в нашу неподатливую, каменистую землю? Все стало ясно, когда деревянный каркас они обтянули белой полиэтиленовой пленкой. Получилось нечто похожее на казахскую войлочную юрту. Так это же «скифский» шатер!

Лето выдалось жарким, и даже в конце августа палило, как в июле. Спасаясь от жары, я устроился в тени густой развесистой груши с книжкой Жорж Санд. Жизнь героини романа меня увлекла настолько, что я ощущал себя в далекой Франции, рядом с прекрасной Консуэло, а не под грушей в ауле на берегу Подкумка. Но это состояние продолжалось

недолго: с ветки сорвалась увесистая груша и разбилась о мою макушку. Выбирая из волос кусочки спелого плода, я не заметил, когда подошла Хаби. Она остановилась на меже и окликнула меня, потом сказала:

— Испекла в больших сковородках вкусный хычин с картошкой и домашним сыром, отец моих детей велел пригласить тебя на наш обед.— Как все жены мусульман, она не произнесла имени своего мужа.

— Сейчас приду,— сказал я.

Она почему-то вытерла руки фартуком и пошла обратно, а я побежал в дом, чтобы положить книгу и сполоснуть волосы от грушевого сока.

Сосед встретил меня упреком:

— Джашду, ты холодный человек, почему не заходишь к соседям?

— Да все некогда... дела...

— Ну, заходи,— торжественным жестом он указал на проем в полиэтиленовом сооружении. Вошел, с любопытством огляделся. Земля внутри шатра покрыта пестрыми кошмами. Слева стоит сундук аршина в два длиной, на сундуке — целая гора стеганых одеял, подушки. В крыше оставлено круглое отверстие, и в помещении почти постоянно ощущается легкий, как крыло бабочки, ветерок.

Хозяин усаживает меня на пол, хозяйка ставит перед нами эмалированное блюдо с гардош-хычином, при взгляде на который слюнки текут.

Неторопливо кушаем с хозяином, а хозяйка хлопочет вокруг нас: то топленое масло подкладывает на хычин, то полотенце подаст, то несет большую чашку холодного айрана.

На лице хозяйки я заметил что-то новое: брови над переносицей соединены темной линией непонятного происхождения. Хаби встретила мой любопытный взгляд и с удовольствием объяснила, в чем тут дело:

— У всех скифских женщин такое было. Тонкой линией насыпается черный порошок и поджигается. Порох сгорает и оставляет след навсегда. Наны вычитал про это в старинных писаниях.

— Так это же очень больно, — искренне посочувствовал я ей, но она не обратила внимания на мои слова.

— Великое дело — сердце человека: я всегда чувствовала, что мы не карачаевцы, но думала, или кабардинцы или осетины, а оказалось — скифы.

— Как же вы это установили?

— Наны, пусть мое дитё вернется радостным в отчий дом, сам обмерял череп отца, семнадцать цифр промеров записал, потом считал, исследовал форму наших глаз, цвет кожи, качество волос и через три дня сказал: «Дорогие папа и мама, мы — скифы!»

Хаби сообщила об этом с таким торжеством в голосе, что у меня язык не повернулся возразить. Молчал и Добай, видимо, полностью соглашаясь со своей супругой и разделяя ее радость.

Что творится с людьми?! Вокруг не осталось ни одного простого нормального земляка. Я ничуть не удивлюсь, если завтра ко мне придет какой-нибудь знакомый соплеменник и скажет: «Алан, мой дед родился в Лондоне, и я прямой потомок английского лорда».

Хаби пальцем указал вверх, где к цент-

ральному столбу был подвешен маленький, почти игрушечный кофейник из серебра, украшенный тонким узором черной эмали.

— Это эмблема нашей фамилии. Давно хранится этот сосуд и от предков достался нам. Он оберегал и будет оберегать нас, наших детей и внуков от загробных пыток, от укусов змей, от злого человеческого взгляда, от насилия врага...— Тут она заметила, что Добай дожевывает последний кусок хычына, и пулей выскочила из шатра.

Вслед за женой пошел, ни слова мне не сказав, Добай.

Оставшись в глупом положении, не стал сидеть на месте и я. Вышел и оторопел: супруги стояли рядышком лицом к Эльбрусу, подняв левую руку, а правой поглаживая левую сторону груди. Морщинистые, загорелые их лица были серьезны, даже торжественны. Я понял, что они молятся своему новому языческому богу, начисто забыв свое многолетнее магометанство. Тут я обратил внимание, что ветки плодовых деревьев в их саду украшены красными тряпочками, а еще недавно белоснежные стены дома заляпаны зеленым соком.

Тихонько вернулся в полиэтиленовый скифский шатер, чтобы не мешать хозяевам общаться с новой верой.

Скоро пришел Добай, сел на прежнее место, помолчал, словно приходя в себя после разговора с неведомым мне божеством, потом спокойно заговорил:

— Наши предки всевышним для себя выбирали то, что видели своими глазами, и правильно делали. Зачем себе выбирать творца, которого не видишь и не можешь определить

по его виду, что тебя ждет? Сидишь и дрожишь в ожидании, когда он решит твою судьбу. Скифы молились и Эльбрусу. В очень давние времена он горел красным огнем, потом гора узнала, что этот огонь мешает людям молиться на нее, и она потухла, превратилась в две молчащие вершины, покрытые льдами. Наши предки молились благородной горе, чтобы эта каменная каша не выплеснулась наружу, не затопила весь мир... Ты все понял, Джашду? — строго глянул на меня хозяин.

— Да, все очень понятно мне, — сказал я и пошел домой.

Мы с мамой сидим у телевизора. Идет концерт. Завтра день отдыха, и я не спешу укладываться спать. Так и бодрствовал перед экраном, пока не кончились передачи первой программы, потом напился айрана и, едва коснулся головой подушки, уснул.

Во сне услышал звуки, похожие на колокольный звон, потом плач с причитаниями. Долго не мог понять — во сне это или наяву. Сел на кровати и тогда только понял, что и металлический звон и рыдания слышатся на самом деле. Быстро оделся, вышел во двор. На высокой скале ярким пламенем горел костер. В соседнем дворе бегали люди. На перекладине ворот они повесили кусок металла и колотили по нему, оглашая всю округу тревожным звоном, кто-то голосил во весь голос. На шум со всех сторон по одному и группами стекались люди, пошел и я. Встретившаяся мне мама сказала:

— Умер Добай.

Я не знал, что ей сказать в ответ на эту

скорбную весть, и пошел дальше, теперь уже понимая, что костер зажгли по обычаю, чтобы всем сообщить весть о несчастье. А вот почему колотят ломиком по куску металла Мусса и Исса — не знаю. Раньше такого в нашем обычае не было. О чем во весь голос кричат Наны и Хаби — тоже не понимаю.

Женщины проходят прямо в дом, мужчины собираются у ворот.

«Никогда не верь тому, что видят твои глаза, верь тому, что говорит народ», — гласит ногойская пословица. Люди пришли сюда проводить покойника по мусульманскому обряду и сразу почувствовали, что происходит непонятное. Молчат.

Поднявшееся солнце залило все вокруг ярким светом, утренний ветерок трепал полиэтиленовую крышу «скифского» шатра, под которым лежало тело его хозяина.

Трое стариков, обычно верховолящие на всех аульских похоронах, сиротливо сидели на деревянной скамейке во дворе, всеми забытые и никому не нужные.

Отсюда хорошо видно аульское кладбище, но там ни души. Никто не готовит для покойного могилу, и люди, собираясь группками, шепотом возмущенно переговариваются, но громко своего недовольства не выражают.

Потом прошел обряд прощания, и я вместе со всеми сделал круг около лежащего на «скифском» одре Добая. Он был одет в бешмет с пуговицами из домашней тесьмы, суконные ноговицы, на голове — поярковая шапка. Рядом с ним кто-то уложил железный лом, лопату, вилы, тяпку — все орудия производства усопшего и боярышниковый посох.

Выйдя во двор, люди снова потихоньку возмущались. Потом во дворе показался Наны, бледный и решительный, хотел что-то сказать, но его перебил всеми уважаемый аксакал Локман:

— Наны, в день появления на свет уважаемого раба аллаха Добая пуп его был прирезан к мусульманству, пусть небо простит все его грехи. Что ты собираешься делать с телом и духом своего отца? Почему не одеваешь покойника в саван?

— Мы — скифы, — громко и твердо сказал Наны, — и захоронение будем проводить по своему обычаю. Так решили я, два моих брата и мать.

— Хорошо, душа моя, делайте, как вам надо, — растерянно сказал Локман и отошел в сторону.

Наны из толпы выбрал нескольких крепких мужчин и позвал за собой. Скоро они на бурке вынесли тело во двор. У ворот стоял привязанный к стволу акации серый осел Добая. Наны сел на него верхом, и необычная похоронная процессия двинулась со двора.

Недалеко от скалы, на которой еще курился дымком догорающий костер, Наны остановился, слез с осла и указал на ровную площадку, выбранную им для захоронения отца.

Тело, прямо на бурке, положили головой на восток, снова уложили рядом все его орудия производства. Вдруг Наны выдернул из висевших на поясе ножен большой нож, и толпа замерла в ожидании чего-то нового в «скифском» обряде захоронения. Наны подошел к мирно обмахивавшемуся хвостом ослу и вонзил нож в левый бок. Животное упало.

Люди, затаив дыхание, следили за движениями Наны, а он, пропоров бок осла, выдержал его сердце. Толпа тихонька ахнула и снова замолкла.

Ободренный отсутствием возмущенных криков, вновь явленный скиф сдернул с пояса тонкую капроновую веревку и направился к родной матери.

Хаби, почувствовав неладное, кинулась бежать к реке. Сын резво погнался за нею.

Люди, глядя на эту сцену, стояли, как замороженные, хотя, конечно, не понимали, чем все кончится, если Наны догонит мать. Никто даже не попытался задержать его, и мои ноги словно приросли к земле.

Между тем Хаби, добежав до скалы, нависшей над рекой, и даже не приостановившись, кинулась в нее. Наны будто окаменел. Может быть, до него только сейчас дошло, что он собирался задушить собственную мать. Исса и Мусса побежали к реке в сторону нашего «Аппендикса», видимо, надеясь помочь ей у моста.

Опустив голову, медленно подошел Наны, а спустя некоторое время прибежали запыхавшиеся братья и сообщили:

— Пропала мать, нигде не нашли ее.

Люди неодобрительно переглядывались, но по-прежнему молчали.

Наны подтащил труп осла к телу покойного, потом поднял обгащенные ослиной кровью руки:

— Люди, мой бедный отец ждет, когда вы над его телом насыплете курган. Несите землю в подолах, в шапках, в руках!

Он вместе с братьями отошел в сторонку.

Кое-как нагребли они земли в капроновые шляпы и высыпали на ноги отца.

Один за другим потянулись за землей аульчане. Скоро образовалась длинная замкнутая цепочка людей, все выше поднимался черный конус на покрытой зеленой травой площадке.

Свеженасыпанный курган засеяли семенами проса, полили водой.

Хаби так и не смогли найти ни живой, ни мертвой. Вниз по реке, чуть ли не на сорок километров, ходили люди со свирелями, кларнетом, гармошкой... В горах принято искать утопленников именно с помощью музыкальных инструментов. Считается, что поблизости от тела утонувшего человека инструмент перестает звучать.

По всему аулу передавали из уст в уста слова Наны, который уверял, что жену умершего скифа Эльбрус обязательно переправляет под землей в курган, где захоронен ее муж. Он нисколько не сомневался, что оба его родителя покоятся теперь вместе.

Последняя новость, которую разносят женщины аула: Хаби жива, здорова, живет на хуторе Чокрак, работает в колхозе дояркой. Ее видели на базаре в Армавире. Вчера, возвращаясь с работы, я глянул в соседский двор и не увидел полиэтиленового «скифского» шатра.

СОДЕРЖАНИЕ

Пятно Балтуз. <i>Повесть</i>	3
Большая Медведица. <i>Повесть</i>	67
Зозуля. <i>Рассказ</i>	160
Скифы. <i>Рассказ</i>	193

Магомет Кысхаевич Байчоров

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Зав. редакцией *Л. И. Хохлова*

Редактор *В. В. Рыбасова*

Художественный редактор *С. Ф. Бобылев*

Технический редактор *А. С. Бернард*

Корректор *Т. К. Ключникова*

ИБ № 1783

Сдано в набор 12.05.87.

Подписано в печать 23.09.87. ВГ06002.

Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1.

Гарнитура Литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 7,6. Усл. кр.-отт. 7,8. Уч.-изд. л. 7,6.

Тираж 10000 экз. Заказ 1023. Изд. № 356. Цена 50 коп.

Ставропольское укрупненное книжное издательство,

355105, г. Ставрополь, пл. Ленина, 3.

Краевая укрупненная типография

Управления издательств, полиграфии

и книжной торговли Ставропольского крайисполкома

355106, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.